

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

На правах рукописи

Маргиев Василий Зурабович

**ПРИОРИТЕТЫ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В ЭКОНОМИКЕ**

Специальность:

08.00.01 – Экономическая теория

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата экономических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук,
доцент Дзуцева Галина Николаевна

Владикавказ – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ	12
1.1 Понятие, подходы, области и элементы структурных преобразований	12
1.2 Методология государственного управления структурными преобразованиями	29
1.3 Зарубежный опыт структурных преобразований и связь с теориями экономического развития	43
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ	70
2.1 Статистическая идентификация структурных дисбалансов в российской экономике как результат неэффективности государственной экономической политики	70
2.2 Влияние структурных сдвигов на макроэкономические параметры	93
2.3 Структурные дисбалансы на региональном уровне в пореформенный период	104
ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	119
3.1 Перспективы обеспечения устойчивого экономического роста посредством структурного реформирования экономики	119
3.2 Линейная корреляция между индексом обрабатывающей промышленности и темпами роста ВВП	132
3.3 Модельный аппарат оптимизации экономической системы России	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Проблемы структурных преобразований широко обсуждались отечественными экономистами на закате советского периода. В 1980-е гг. они не были благополучно решены, поэтому СССР экономически не выдержал падения цен на энергоресурсы и распался. Во время «перестройки» Россия взяла курс на радикальную либерализацию по лекалам «Вашингтонского консенсуса», опиравшегося на экономическую теорию «неоклассиков». Была проведена приватизация, а государственное регулирование в экономике резко сократилось, ограничившись поддержанием правопорядка. Однако реформы не принесли ожидаемого результата, но вместо этого усугубили проблемы российской экономики, связанные со структурными дисбалансами. Посредством принимаемых решений либеральными экономистами сформировалась система, центральным звеном которой стал нефтегазовый сектор, все остальные отрасли заняли место периферии. Рентабельность нефтегазового сектора оказалась значительно выше всех остальных секторов. Наибольший урон понесли отрасли обрабатывающей промышленности, удельный вес которых в ВВП стабильно сокращался. Однако, несмотря на усугубление структурных дисбалансов, спад в производстве и резкое падение уровня жизни населения, в начале 2000-х гг. экспоненциальный рост цен на энергоресурсы обеспечил сбалансирование макроэкономических показателей за счет распределения нефтегазовых доходов. В 2008–2009 гг., вместе с мировым финансово-экономическим кризисом, данная система перестала функционировать эффективно. Резкое падение ВВП было компенсировано кратковременным оживлением в 2010–2012 гг., затем спад возобновился. Структурные преобразования являются ключевым атрибутом реструктуризации действующей экономической модели в России, единственная движущая сила которой представляет собой высокие цены на нефть.

В ближайшем будущем, по мере наращивания долгов и невозможности их обслуживания хозяйствующими субъектами, не ожидается высоких цен на нефть,

поэтому активные структурные преобразования, направленные на опережающее развитие высоких технологий нового технологического уклада, представляют собой «краеугольный камень» преодоления внутреннего кризиса. Необходимо найти новые «точки роста» российской экономики за счет структурных сдвигов в хозяйственной системе.

Актуальность выбранной темы исследования заключается в осмыслении и решении проблемы структурных дисбалансов, тормозящих экономический рост. Стабильность российской экономики критически зависит от внешних условий, несмотря на несущественную интеграцию с мировым рынком. Величина спада глобальной экономики обычно оказывается ниже, чем российской, хотя задает тренд в ней. В сложившейся неблагоприятной ситуации чрезвычайно важно оптимизировать государственную экономическую политику, опирающуюся на императивы нового технологического уклада, модернизацию и возрождение науки.

Степень разработанности проблемы. К настоящему времени накоплено множество научных работ касаясь структурных преобразований в экономике, однако недостаточно разработана теоретическая база, не освещена связь структурных сдвигов с макроэкономическими параметрами и экономическим ростом, не предложен механизм преодоления кризиса российской экономики посредством структурных реформ. Экономический блок нашей страны видит необходимость модернизации, но отсутствуют осмысленные программы по ее реализации.

В процессе исследования данной темы были изучены научные труды как отечественных, так и зарубежных экономистов, уделялось внимание эволюции экономической мысли относительно приемлемого уровня государственного регулирования в экономике и теоретических воззрений на процессы развития различных отраслей и секторов народного хозяйства. Даче ответов на данные вопросы способствовали российские ученые: Автономов В. С., Ананьин О. И., Беляев Л., Биганова М. А., Бляхман Л. С., Бузгалин А. В., Галазова С. С., Герасименко В. В., Глазьев С. Ю., Грандберг З. А., Григорьев О. В., Губанов С. С.,

Гурвич Е. Т., Ершов М. В., Жуковский В. С., Катасонов В. Ю., Кондратьев Н.Д., Кудрин А. Л., Кулешов В., Кульков В., Кушнарев А. А., Львов Д. С., Леонтьев В.В., Мау В. А., Носова С. С., Перминов С., Подрезов А. Н., Польшевский Б., Развадовская Ю. В., Улюкаев А. В., Хазин М. Л., Хубиев К., Ясин Е. Г. и др.

Среди зарубежных экономистов в качестве отправной точки исследования послужили труды: А. Серра, А. Смита, Д. Рикардо, С. де Сисмонди, Т. Мальтуса, К. Маркса, Р. Люксембург, Дж. С. Милля, Ж. Б. Сэя, Л. Вальраса, Г. Шмоллера, Д. Ф. Листа, Дж. М. Кейнса, О. фон Бем-Баверка, Ф. фон Хайека, Й. Шумпетера, П. Самуэльсона, С. Кузнецца, Дж. К. Гэлбрейта, О. Уильямсона, Г. А. Саймона, Дж. Тобина, Р. Харрода, Е. Домара, Р. Солоу, Р. Лукаса, У. Истерли Э. Райнерта, Т. Пикетти и др.

Также использованы и статистические материалы Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка РФ, Федеральной резервной системы США, и сопоставлены с данными Международного валютного фонда, Всемирного банка, Конференции Организации объединенных наций по торговле и развитию (ЮНКТАД).

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является выявление места и роли государственного управления в обеспечении долгосрочного и устойчивого развития внутреннего хозяйства посредством структурных преобразований. Поставлены и решены следующие задачи:

- Систематизация и дополнение теоретических положений структурных преобразований в экономике.
- Анализ существующих подходов касательно организации и управления процессами структурных преобразований, определение роли государственного управления в изменениях структуры, объяснение причин деградации науки и обрабатывающей промышленности.
- Определение прямой статистической зависимости между направлением структурных сдвигов и динамикой ряда макроэкономических параметров.

- Обоснование целесообразности перехода из преимущественно внешнего на внутреннее инвестирование для осуществления эффективных структурных преобразований и обеспечения долгосрочного экономического роста.

- Разработка механизма оптимального государственного регулирования структурными изменениями в условиях системного экономического кризиса и структурных диспропорций, как на внутреннем рынке, так и за ее пределами.

- Выявление причин системных экономических кризисов, происходящих в рыночной экономике, путей их преодоления, прогнозирование будущей модели глобальной экономики.

Объектом исследования являются структура российской экономики, некоторых и нескольких регионов на выборочной основе.

Предметом исследования являются экономико-управленческие отношения и связи, возникающие в процессе государственного управления структурными преобразованиями в экономике.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальности ВАК (по экономическим наукам). Диссертационное исследование выполнено в рамках Паспорта научной специальности 08.00.01 – Экономическая теория: 1. Общая экономическая теория. 1.1. Политическая экономия: воздействие новых технологических укладов на процессы формирования и функционирования экономических структур и институтов; закономерности глобализации мировой экономики и ее воздействие на функционирование национально-государственных экономических систем. 1.3. Макроэкономическая теория: теория экономического роста; экономические аспекты научно-технического прогресса и его влияние на макроэкономические процессы.

Теоретическая и методологическая база исследования. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области экономической теории, макроэкономики, государственного управления, региональной экономики, межотраслевого баланса, механизмов экономического роста, планирования и стратегического развития.

Инструментарно-методический аппарат представлен общенаучными и специальными методами: научная абстракция, логический анализ, системный подход, статистическая обработка данных, корреляционный анализ, сравнение и обобщение, математический анализ.

Информационно-эмпирической базой исследования послужили данные статистических ведомств и международных организаций, научные исследования экономистов, прогнозы и доклады министерств РФ.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования состоит в научном обосновании индустриализации России по лекалам новейшего технологического уклада ввиду неравновесности глобальной экономики, системности кризисов и «экспортно-сырьевой ловушки» развивающихся стран. Экономический блок в России игнорирует эти явления, вследствие чего страна переживает социально-экономический кризис.

Наиболее существенные научные результаты, полученные аспирантом и выносимые на защиту:

1. В настоящее время очень актуальны вопросы структурных реформ как внутри отдельных стран, так и в глобальном масштабе, поскольку кризис 2008-2009 гг. показал, что «невидимая рука» рынка не предотвращает структурные диспропорции. Между тем скудна теоретическая база, в которой нет ни полного представления того, что такое «структурные преобразования» в экономике, ни областей хозяйственной деятельности, в которых осуществляются структурные преобразования ввиду особенностей институциональной среды и иных условий внешней среды.

2. Современная экономическая политика России, опирающаяся на тезисы «Вашингтонского консенсуса» – поощрение прямых иностранных инвестиций, либерализацию внешнеторговых связей и валютных рынков, предоставление независимости Банку России, – малоэффективна в условиях неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, что выражается в существенном падении деловой активности и уровня жизни населения, провоцировании немонетарной инфляции. Причем осязаемое повышение цен на энергоресурсы не исправляет

структурные диспропорции, поскольку инвестиции поступают, как правило, в «сырьевые» отрасли как более рентабельные, примитивизируя производство.

3. Структурный дисбаланс экономики России на региональном уровне состоит в масштабной социально-экономической дифференциации Субъектов Федерации относительно Москвы. При этом зачастую превосходящие темпы роста макроэкономических показателей отстающих регионов не сокращают разницу от наиболее развитых регионов, так как амплитуда между валовыми показателями продолжает расширяться, дезинтегрируя регионы в социально-экономическом и политическом плане. В связи с этим целесообразно отказаться от бюджетного федерализма и иных механизмов, провоцирующих увеличение отставания одних регионов от других.

4. Экономическая политика России опирается на «равновесный подход», который остается мейнстримовым в экономической науке, несмотря на наличие существенных недостатков у модели Вальраса и последующих ее модификаций. Методологический индивидуализм, рассматривающий фирму как индивида; статичность системы; отсутствие предпринимательской прибыли – не отражают реальной картины экономики. Модель экономического роста Солоу также не укладывается в феномен глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., поскольку с 1971 г. экономика США, Западной Европы и Японии опиралась на принципы «laissez-faire». В теории НТП должен обеспечивать непрерывный и ежегодный 1–2% экономический рост в развитых странах, но в реальности он зависим от возможностей разделения труда.

5. Исторический опыт социально-экономического развития тех или иных стран не позволяет рассчитывать на построение передовой экономики путем сочетания естественных преимуществ в виде наличия месторождений полезных ископаемых с «невидимой рукой» стихийного рыночного механизма. Прорыв и модернизация требуют комплексной политики, регулируемой государством с помощью протекционистских мер для фундаментальных направлений нового технологического уклада, находящихся в зачаточном состоянии.

6. В ближайших двух-трех десятилетиях эволюция экономической мысли способствует переходу от рыночного механизма хозяйствования к новейшей прогрессивной модели ресурсо-ориентированной экономики, защищенной от системных кризисов. Массовая автоматизация и роботизация производства и сферы услуг и глобализация всех сфер жизнедеятельности человека нивелируют ключевую потребность в массовом наемном труде, безграничном накоплении нематериального капитала и гонке вооружений.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в расширении теоретической и организационно-методической базы по теории экономических кризисов, разработке практических рекомендаций по управлению структурными преобразованиями в экономике России. Конкретное приращение научного знания представлено следующими элементами:

- детализирована дефиниция «структурные преобразования» в экономике, отличительной чертой которой является учет институциональных особенностей внешней среды, определяющих векторы структурных сдвигов, и разработана схема областей структурных преобразований на основе теоретической базы, позволяющая сгруппировать их по элементам (по внешней торговле: экспорт и импорт; по сферам экономической деятельности: промышленность, сфера услуг, сельское хозяйство; по размерам предпринимательской деятельности: малый, средний и крупный бизнес; по институциональным секторам: финансовый и нефинансовый сектор; по форме собственности: государственная, корпоративная, частная собственность; по источникам инвестирования: внутренние и внешние источники). Соответствующая коррекция позволила расширить теоретическую базу изучения проблематики структурных реформ в экономике;

- выявлено на основании математических расчетов, что в периоды низких нефтяных цен темпы роста ВВП России уступают показателю развивающихся стран (Мексики, Турции, Индии, Китая) и «сырьевых» развитых стран (Канады и Австралии), но в периоды высоких цен темпы роста ВВП России превосходит показатель Мексики, Турции, Канады и Австралии, причем настолько высокая зависимость российской экономики от нефти дополняется высокой инфляцией:

абсолютная разница между темпами роста номинального и реального ВВП России выше, а удельный вес прироста объема производства в ВВП России ниже, чем в прочих странах выборки за 1990–2016 гг. Также в периоды повышения цен на нефть темпы роста удельного веса добывающей промышленности в России опережали показатель обрабатывающей промышленности и промышленных услуг, в периоды падения цен на нефть – уступали им, что позволяет установить критически высокое влияние нефтяных цен и инфляции на макроэкономические параметры России и обосновать целесообразность технологического рывка;

- установлено на основе сравнительного анализа динамики ВРП, что в период 2010–2015 гг. темпы роста ВРП Москвы уступали показателю Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Северной Осетии, Татарстана, Челябинской области, Новосибирской области и Хабаровского края, но ВРП Москвы 2015 г. в абсолютном выражении вырос в большей степени касательно показателя 2010 г., чем аналогичный показатель иных регионов. В период 2005–2015 гг. удельный вес обрабатывающей промышленности вырос лишь в Татарстане, характеризуя положительный структурный сдвиг в этом регионе, однако в Северной Осетии зафиксировано наибольшее снижение показателя и наибольший совокупный отраслевой структурный сдвиг, рассчитываемый при помощи интегрального коэффициента структурных сдвигов, что показывает социально-экономическое расслоение регионов с позиции структурного взаимодействия;

- сформулирована теория развития рыночной экономики и объективных причин кризисов, опирающаяся на труды А. Серра, А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Л. Вальраса, Н. Кондратьева, Й. Шумпетера, Р. Харрода, Е. Домара, Р. Солоу, Г. Мэнкью, П. Ромера, Р. Лукаса, отличительной чертой которой от позиции ортодоксии является зависимость роста от возможностей углубления разделения труда: согласно проведенному эмпирическому и математическому анализу, эффект для экономической системы от внедрения новых технологий зависит от наличия свободных трудовых ресурсов, без которых повышение производительности труда при использовании инновации в отдельной фирме не

выводит из кризиса экономическую систему, что позволило научно осмыслить механизм функционирования рыночной экономики;

- выявлена корреляция между индексом обрабатывающей промышленности и темпами роста ВВП в России в 2005–2016 гг. на основе метода наименьших квадратов: при увеличении индекса на 1% темпы роста составили 0,95%, и предложена концепция преодоления социально-экономического кризиса России, включающая: кооперацию науки и производства, прорыв в обрабатывающей промышленности, систему внутреннего инвестирования и деофшоризацию.

Теоретическая и практическая значимость работы. Основные выводы и положения диссертационного исследования могут быть применены инвесторами, руководителями, специалистами организационно-правовых, консалтинговых и планово-экономических организаций, а также государственными службами в процессе управления структурных преобразований, планирования и организации социально-экономической сферы. В образовательной сфере они могут служить альтернативой неоклассической теории рыночной самоорганизации, которая сублимирует преимущества свободной торговли и свободного движения капитала в развивающихся странах и странах третьего мира, рекомендованную им МВФ, Всемирным банком и ВТО.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования теории, анализ структуры российской экономики, прогнозирование развития глобальной экономики были приняты, обсуждены и одобрены на XLII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы науки» и III Итоговой Международной научно-практической конференции по всем наукам «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса». Также они обсуждались на научных и методологических семинарах в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте.

Публикации и структура работы. Основные положения были отражены в 11 публикациях (в том числе в 3 научных изданиях, рецензируемых ВАК). Общий объем публикаций 6,7 п. л., в том числе, вклад автора – 5,7 п. л.

Диссертация изложена на 175 страницах машинописного текста, содержит введение, три главы и девять параграфов, и заключение, включает 23 таблицы и 15 рисунков, библиографический список составляет 127 источника.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

1.1 Понятие, подходы, области и элементы структурных преобразований

Полемика относительно структурной перестройки экономики началась ещё в конце 1980-х гг., накануне распада СССР, однако не утратила свою актуальность по причине продолжающегося системного экономического кризиса и по сей день. Вследствие радикальной либерализации российской экономики, структурная политика потеряла свою научную обоснованность вплоть до начала мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г., что объясняет довольно скудную располагаемую теоретическую базу. В «Современном экономическом словаре» дефиниция «структура экономики» представляет собой разделение экономики, экономического объекта или экономической категории на составные части по определенным признакам, установление взаимосвязей между этими составными частями, состав, строение экономического объекта [62]; [112].

Как видно, структура экономики включает в себя множество разнородных категорий, поэтому особое значение при ее изучении имеет непосредственно понятие структурных преобразований, позволяющее локализовать круг предмета исследования.

Понятию «структурные преобразования» в экономике присущи несколько однородных, но неполных трактовок. Так, под структурными преобразованиями А. Кушнарёв подразумевает изменение количественных соотношений между

секторами, отраслями регионами, типами предприятий, технологическими укладами и другими характеристиками экономической системы, вызывающими изменение эффективности ее функционирования [32, с. 9].

Согласно Б. Злобину, структурные преобразования включают изменения пропорциональных зависимостей, а также структурных связей в экономике, обусловленных объективной необходимостью приведения их в соответствие с постоянно изменяющимися потребностями человека, связями национальной экономики в системе мирового хозяйства, требованиями научно-технического прогресса, ресурсными возможностями [110].

А. Подрезов под структурными преобразованиями подразумевает такое изменение соотношения между элементами экономической системы, которое приводит к осязательному изменению качества их взаимодействия и изменяет характер их взаимосвязи [58, с. 19].

На наш взгляд, последнее определение является наиболее полным, так как включает в себя институциональные преобразования, в то же время оно менее детализировано. В экономической литературе четко разграничиваются понятия структурных и институциональных преобразований, но процесс количественно-качественных изменений экономических институтов способствует изменению структуры экономики, то есть ее производственно-хозяйственных отношений и особенностей воспроизводственного процесса.

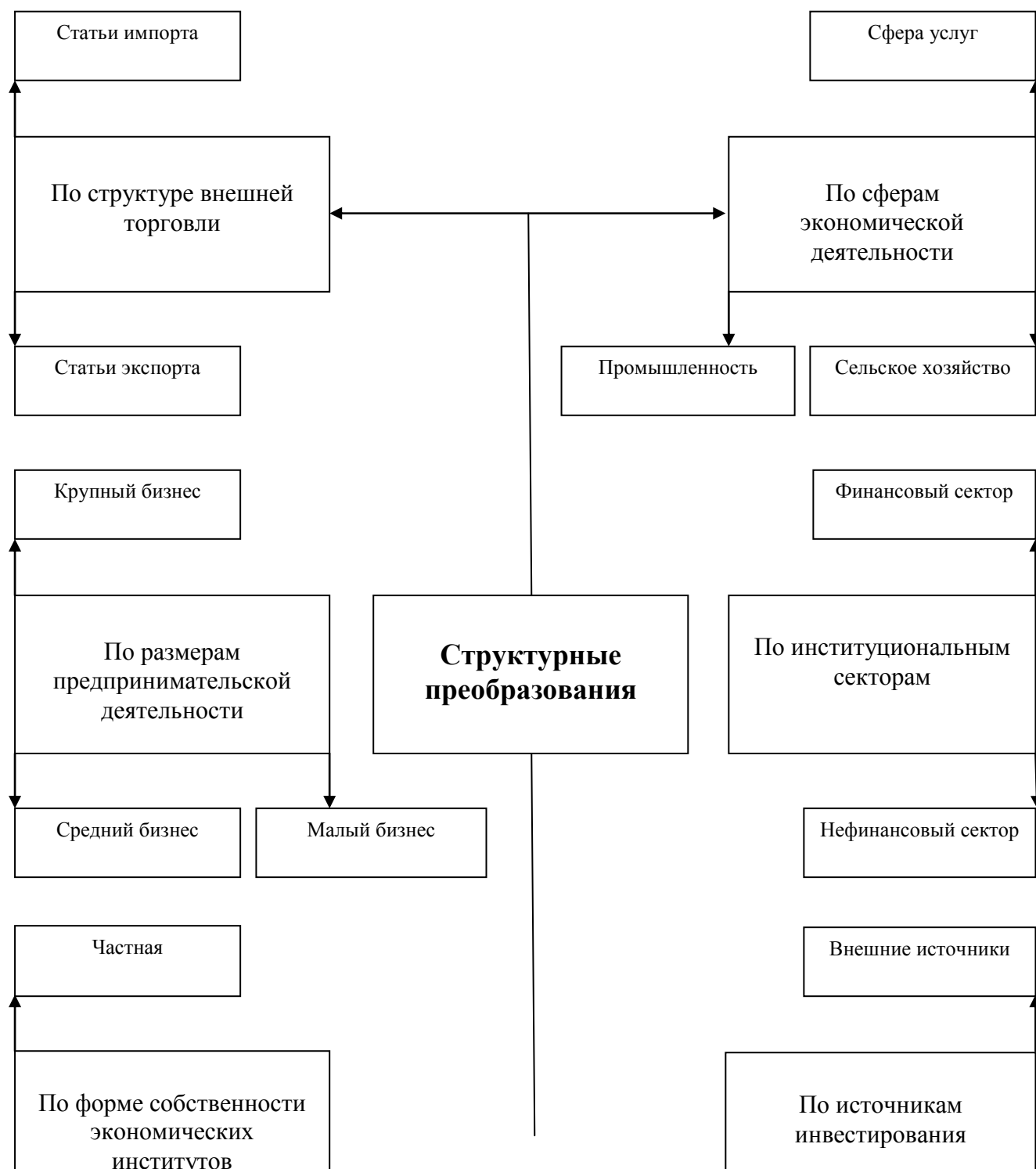
Нобелевский лауреат 2009 г. О. Уильямсон трактует институциональную среду, как «правила игры», определяющие контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность [102]. Так, преобразования структуры экономики являются следствием изменения «правил игры», то есть институциональных реформ, поэтому, на наш взгляд, определение структурных преобразований должно учитывать изменения институциональной среды. Также определение должно отражать не просто изменения пропорций между отраслями, секторами и иными элементами, но и внедрение новейших и вытеснение устаревших видов производств.

Наиболее целостная дефиниция будет выглядеть следующим образом: «структурные преобразования» в экономике – это перманентное формирование одних производственных кластеров и выбытие других, изменение пропорций между различными отраслями и секторами посредством реструктуризации институциональной среды и вызовов НТП.

Практическая значимость данной трактовки заключается в том, что она позволяет учитывать институциональные преобразования, о которых сетуют, в том числе и «либеральные» экономисты, в контексте структурной перестройки экономики. Представители различных экономических школ расходятся как во мнении относительно существования оптимальных пропорций отраслей, секторов и иных элементов структуры экономики, так и в способах оптимизации данной структуры. Проблему ее формирования целесообразно исследовать с позиции экономической теории и результатов проводимой на ее основе экономической политики государства и принимаемых управленческих решений.

В эпоху Просвещения одной из основных задач экономической политики и государственного управления был поиск баланса между различными секторами экономики. Однако первый в мире межотраслевой баланс был разработан лишь в 1923-1924 гг. выдающимся советским ученым В. Леонтьевым. Впоследствии его метод «затраты – выпуск» был успешно применен в США в кризисный период 1973 г., а сам В. Леонтьев удостоился Нобелевской премии по экономической науке. Тем не менее, в современной неоклассической теории проблематика структурных преобразований не является столь важной областью исследования. Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 г., не был преодолен, несмотря на оживление в 2009–2012 гг., поэтому очередное замедление и ожидание экономического коллапса заставляет признавать наличие в нем структурного аспекта. В результате этого усиливается роль государственного механизма в управлении экономикой, как единственного фактора, способного мобилизовать и упорядочить направление ресурсов в нужное русло для преодоления кризиса.

Обычно структурные преобразования рассматриваются по структурным сдвигам, то есть в ракурсе существенного изменения пропорций тех или иных отраслей, секторов, сфер, кластеров. Причем эти пропорциональные изменения отображаются на мега-, макро-, мезо- и микроуровне. Например, на мегауровне анализируется отраслевая, секторальная и иная структура различных стран. На макроуровне анализируется элемент внутри страны, на мезоуровне – между регионами страны, на микроуровне – внутри регионов. Иллюстрация структурных преобразований, включающих все вышеперечисленные уровни, представлена на рис. 1.

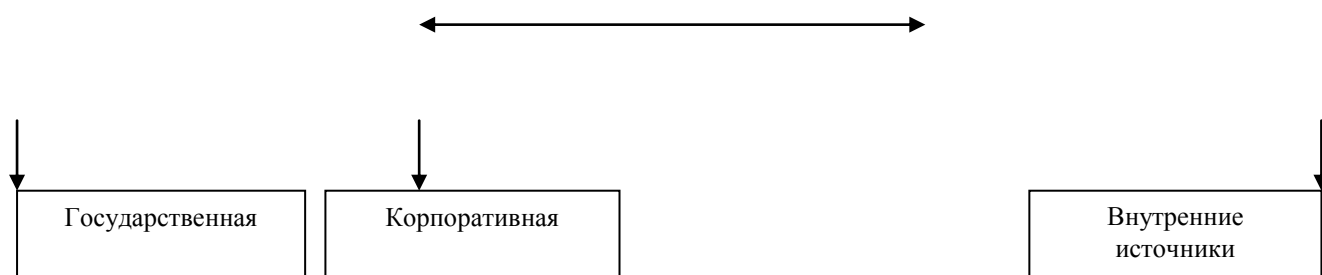

Рисунок 1.1. – Области структурных преобразований и их элементы
(разработан автором)

Обновление теоретических положений позволяет значительно облегчить понимание сути структурных преобразований, в которых происходят изменения удельного веса ее элементов.

На рис. 1.1. представлено шесть областей структурных преобразований, каждая из которых состоит из нескольких элементов с непрерывно меняющимся удельным весом. Задачей управления структурными преобразованиями является такое изменение удельного веса имеющихся элементов, которое оптимизирует структуру экономики, что послужит фактором долгосрочного экономического развития.

Кардинальные структурные преобразования, регулируемые государством, приобретают особую значимость в периоды смены технологических укладов, вызываемых объективными причинами по мере устаревания доминирующих типов производств и падения эффективности капитала. Перестройка позволяет сформировать новые «точки роста» за счет внедрения новых технологий в производство, кардинально меняющих его характер и продукцию.

Существуют такие подходы к организации структурных преобразований как: либеральный, инерционный, эволюционный, радикальный [108].

Либеральный подход был апробирован и применен в России после распада СССР. Вначале перестройки в кругах реформаторов на основе неоклассической парадигмы популяризировалось мнение о безупречности свободного рынка и его регулирующей «невидимой руки», описанной А. Смитом, обеспечивающей

рыночное равновесие. Следовательно, было принято решение о либерализации российской экономики по лекалам МВФ и Всемирного банка. «Неоклассики» создали математическую теорию рыночного равновесия, которая основывается на постулатах «классиков» о рациональности и оптимальности поведения хозяйствующих субъектов, и ввели допущение, что им известно обо всех имеющихся производственных и рыночных возможностях и выбор между ними является рациональным [16, с. 64–65]. В действительности эти допущения крайне неверны, потому как не учитывают ряд факторов, оказывающих влияние на поведение хозяйствующих субъектов:

- неопределенность производственных возможностей;
- неопределенность степени эффективности внедрения новых технологий;
- неспособность принимать и обрабатывать рыночную информацию;
- неспособность оперативно реагировать на изменения внешней среды;
- роль этических принципов и ценностей, следование которым зачастую ограничивает возможности максимизации прибыли; к примеру, отказ фирмы от заключения картельного соглашения.

Это лишь короткий перечень факторов, не учитываемый в неоклассической теории для отражения реальной картины механизма рыночной экономики и поведения экономических агентов. Как отмечает Л. Бляхман, человек не может получить полную и надежную информацию о состоянии глобального рынка, поскольку ее намеренно скрывают менеджеры корпораций [11, с. 3]. Также не подтверждается и прямая причинная связь между индексом экономической свободы и национальным благосостоянием, связь скорее обратная – высокая конкурентоспособность экономики, достигнутая с помощью государства, позволяет расширить экономические свободы [11, с. 3]. Отсюда следует вывод: свободный рынок не гарантирует рациональности поведения хозяйствующих субъектов.

Неоклассическая экономическая теория зародилась в последней четверти XIX в. и получила широкое распространение в XX в., после Великой депрессии уступила главенство кейнсианству, которое, как правило, воспринимается как

ответвление от нее, несмотря на корневые противоречия. Затем неоклассика возродилась в период «рейганомики». Ее определяющим принципом является «laissez-faire» (в перев. с франц. – «позвольте делать»), согласно которому вмешательство государства в экономику должно ограничиваться поддержанием правопорядка. Постулат об оптимальности саморегулирующихся рынков, и о том, что общественный интерес наилучшим образом достигается посредством предоставления всем возможностей удовлетворять собственные интересы, а попытки защитить общественный интерес принятием коллективных решений нарушают рыночный механизм, американский финансист Дж. Сорос впервые назвал «рыночным фундаментализмом» [96]. В России апологетов рыночного фундаментализма называют «либеральными экономистами», а сторонников вмешательства государства в рынок в качестве регулятора и самостоятельного субъекта рыночных отношений – «государственниками».

Инерционный подход – это такой подход, который, по сути, характеризует текущую экономическую политику государства. Он опирается на экспортно-сырьевую модель экономики, сформировавшуюся в 1990-е гг. С тех пор роль государства в управлении экономикой несколько усилилась, что связано с ростом количества государственных корпораций. Однако, как и либеральный подход, инерционный не предусматривает государственного управления структурными преобразованиями. Его единственным ресурсом для выхода из сложившейся кризисной ситуации является повышение нефтяных цен, которое способствует возобновлению поступления прямых иностранных инвестиций. Далее механизм перераспределения нефтяных доходов обеспечит экономический рост. Однако данный сценарий, во-первых, крайне маловероятен из-за отсутствия инструментов благополучного преодоления системного кризиса в мировой экономике, а во-вторых, он усугубит структурные диспропорции, последствия от которых при следующем внутриэкономическом спаде будут еще тяжелее.

Радикальный подход подразумевает концентрацию ресурсов в целях внедрения новейших технологий шестого технологического уклада и обновления технологической базы. Такой процесс реализуем только с участием государства,

поскольку частный сектор не заинтересован в альтернативных технологиях, не просто требующих больших капитальных вложений, но и имеющих высокие риски некупаемости. Таким образом, перед государством встает вопрос привлечения внутренних инвестиций, которые необходимо направить в нужное русло для модернизации экономики.

Любая экономическая система является системой управления, которая включает в себя три составляющие части: управляющий элемент, связь и объект управления. Управляющим элементом может быть человек или группа лиц, принимающих решения. Связь обеспечивает передачу командной информации от управляющего элемента к объекту управления, а также передачу обратной информации о состоянии объекта управления к управляющему элементу. По этой причине управление не может быть эффективным в условиях хаотичности рынка и несогласованности рыночных участников. Потому структурные преобразования должны осуществляться под контролем государственного аппарата.

Отличительной особенностью государственного управления от рыночного саморегулирования является то, что государственное управление представляет собой целенаправленный механизм воздействия на объект управления путем установления «правил игры», а рыночное саморегулирование подразумевает достижение равновесного состояния посредством колебания цен, их влияния на спрос и предложение при полной свободе движения ресурсов. Согласно первой концепции, цель достигается за счет прямого управления, а вторая концепция предполагает достижение цели за счет стихийности рынка.

Эволюционный подход основывается на экономической теории и истории, эмпирически обосновывая новую индустриализацию в России. Данный подход подразумевает тщательную детализацию модернизации и минимизацию рисков, связанных с внедрением принципиально новейших технологий.

С начала 1990-х гг. в России проводилась либеральная экономическая политика в расчете на приоритеты рыночного саморегулирования, идейными вдохновителями которой были Е. Гайдар и А. Чубайс. Под их руководством проводились: либерализация цен и внешней торговли, реорганизация налоговой

системы, приватизация. Однако в настоящее время не приходится сомневаться в полном провале тех реформ. По самым ориентировочным подсчетам, с 1990 г. по 2008 г. закрылось около 70 тыс. промышленных предприятий, в том числе весьма крупные заводы, на которых работали тысячи инженеров [30, с. 10].

В 1989 г. английским экономистом Дж. Уильямсоном был составлен план «Вашингтонского консенсуса», который содержал правила и рекомендации для преодоления финансового и экономического кризиса в странах Латинской Америки. Впоследствии он был принят в России. В части экономики его можно сравнивать с планом послевоенного преобразования Германии, предложенным министром финансов США Г. Моргентау в 1944 г. «План Моргентау» включал: физическое разделение Германии, ее демилитаризацию, ликвидацию крупной промышленности. В своем первоначальном виде он был отклонен, но сохранил несколько ключевых тезисов, и на второй квебекской конференции, в которой принимали участие У. Черчилль и Ф. Рузвельт, был подписан меморандум, согласно которому Германия должна была стать аграрной страной. Был запущен процесс выхолащивания обрабатывающего производства и научной сферы. Российские реформаторы утверждали, что либерализация экономики приведет к экономическому росту и повышению благосостояния населения, но она привела лишь к экономическому спаду и резкому падению уровня жизни населения, а итогом стал дефолт в 1998 г.

Норвежский экономист Э. Райнерт, в своей книге «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными», предлагает миру отказаться от теории, которая считает экономический прогресс автоматическим следствием «божественным» или математическим образом спланированной гармонии, и вернуться к теории, которая считает экономическую гармонию результатом сознательной политики [63, с. 3]. Э. Райнерт утверждает, что истоком успешного экономического развития является эмуляция, то есть имитация с целью сравняться и превзойти, а не сравнительные преимущества и свободная торговля. Наиболее развитые страны десятилетиями развивались благодаря субсидированию и защите динамичных отраслей промышленности. Все они

проходили фундаментальный этап своего развития без свободной торговли, а в случае успешного развития свободная торговля становилась им выгодной. Политика протекционизма и поддержки тех отраслей промышленности, в которых был сконцентрирован технологический прогресс, создавали ренту, которая приносила капиталистам высокую прибыль, рабочим – высокую заработную плату, государству – высокие налоговые поступления.

В Китае удельный вес промышленности по валовой добавленной стоимости составляет около 40% [9, с. 11]. В настоящее время Китай является одной из динамично развивающихся стран в мире, чей объем экономики уже превышает объем экономики США. Но сторонники либеральной концепции приводят в пример успешность сырьевого пути развития Канады и Австралии. Как известно, эти страны являются «сырьевыми» и одновременно индустриально развитыми с достаточно высоким уровнем жизни населения. Но они развивались по этому пути десятилетиями, заложив прочную производственную инфраструктуру. «Экспортно-сырьевая» модель развития России обеспечивала приток инвестиций в период благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, то есть с начала 2000-х гг. вплоть до кризиса 2008 г. В этот период динамично росли цены на энергоресурсы, что обычно происходит одновременно с надуванием «мыльных пузырей» на рынках, медленно, но верно ведущих к коллапсу. Высокие темпы роста цен на энергоресурсы обеспечивали прирост ВВП в России. Но после коллапса 2008 г. и кратковременного оживления 2010–2011 гг., темпы роста цен на нефть замедлились, а потом начали снижаться. Примечательно, что рынок нефтяных фьючерсов проявляет тесную корреляцию с российским фондовым рынком. По оценкам С. Перминова, российский фондовый рынок значительно чувствительней к снижению цены на нефть, чем к его росту. Если до середины 2008 г. 1% прироста нефтяных цен обеспечивал в среднем 0,25 п. п. прироста индекса российского фондового рынка, то начавшееся в это время снижение пошло уже по другому сценарию – каждый процент снижения нефтяных цен сопровождался падением индекса на 1,5 п. п. [56]. «Модель импортированного роста», обеспечивавшая жизнеспособность всего внутреннего воспроизводства

нашей страны за счет стабильно высоких и растущих цен на энергоресурсы, перестала функционировать.

Очевидно, что инвестиционная привлекательность России первостепенно зависит от конъюнктуры нефтяного рынка. По этой причине неосновательны выводы А. Кудрина и Е. Гурвича о том, что ослабление роли государства в регулировании рынка и поддержке депрессивных производств (прежде всего касаясь обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства) нормализует инвестиционный климат и возобновит экономический рост [29, с. 28]. Условия ведения бизнеса в России весьма сложные, и их надлежит совершенствовать. Например, для получения разрешения на строительство в 2012 г. требовалось пройти 51 административную процедуру. Их количество планируется сократить до 11 к 2018 г. Однако, на наш взгляд, для решения острых проблем российской экономики недостаточно ограничиться мерами по усилению конкуренции за счет сокращения административных процедур. Крайне безосновательным выглядит предложение по сокращению обрабатывающих производств без управляемой государством модернизации отрасли на основе нового технологического уклада. Реализация предложенных либеральными экономистами мер приведет только к массовому банкротству обрабатывающих предприятий, массовым увольнениям рабочих, росту безработицы и полной деиндустриализации страны. Низкая рентабельность в обрабатывающей промышленности сложилась не вследствие финансирования убыточных государственных предприятий, а из-за дефицита денежной массы, недоступности внутреннего кредита, высоких издержек и одновременно высоких инвестиционных рисков. Именно поэтому банкротство и выхолащивание «избыточных» государственных предприятий не стимулирует внутреннее производство, а лишь «освободит место» для высокотехнологичной импортной продукции. Следовательно, следуя «либеральному пути» развития, Россия рискует стать «бензоколонкой», как охарактеризовал ее в одном из своих выступлений в сенате политический деятель США Дж. Маккейн в 2014 г. [91].

По мнению академика С. Глазьева, условием благополучного выхода России из кризиса является наличие собственной стратегии, ориентированной на

сохранение своего экономического потенциала и опережающее создание предпосылок роста новых высокотехнологичных производств [16, с. 11]. Для этого требуется активизировать научно-технические и структурные изменения по созданию конкурентоспособных предприятий на перспективных направлениях экономического роста. При этом иностранные инвестиции не должны играть ключевую роль по обеспечению финансовыми ресурсами новой стратегии высокотехнологичного развития России. Еще до наложения экономических санкций на Россию, они привлекались в основном в финансовый сектор и рынок производных финансовых инструментов преимущественно для спекулятивного заработка. Немаловажной особенностью прямых трансграничных инвестиций является то, что большая их часть направляется из оффшорных зон формально нерезидентами, но в действительности российскими бенефициарами. Оффшоры значительно сужают налогооблагаемую базу и образуют сверхдоходы у предпринимателей, ограничивая налоговые поступления в государственный бюджет. При этом даже в условиях благоприятной экономической конъюнктуры инвестиции в основной капитал обрабатывающей промышленности не были привлекательными в силу высоких издержек и низкой рентабельности.

Проблематичность «сырьевой» специализации российской экономики не ограничивается только ценовыми ожиданиями на нефтегазовом рынке и низкой рентабельностью обрабатывающей промышленности, но также заключаются в неэквивалентном внешнеторговом обмене, возникающем вследствие «ножниц цен». Они устанавливаются между ценами на сырьевые товары, формируемыми на основе глобальной рыночной конкуренции, и ценами на готовые изделия, удерживающимися завышенными на величину интеллектуальной ренты из-за монопольного обладания технологиями их производства [16, с. 138].

«Сырьевая» специализация ведет страну в ловушку воспроизводящегося обмена принадлежащей ей природной ренты с невозобновляемых месторождений природных ресурсов на интеллектуальную ренту в цене импортируемых готовых изделий, финансируя научно-технический прогресс за рубежом и содействуя тем

самым расширению «ножниц цен», подрывая одновременно свой ограниченный ресурсно-производственный потенциал [16, с. 59].

Благодаря природным богатствам, располагаемым нашим государством, одновременно со свободными трудовыми ресурсами, можно рассчитывать на экстенсивный рост экономики, поэтому важнейшую роль в формировании и осуществлении долгосрочной экономической стратегии государства играет политическая инициатива. Безусловно, энергетический потенциал оказывает прямое воздействие на экономическое развитие России. Наряду с природным газом, нефть является важным стратегическим ресурсом. Около 13% мировых запасов нефти сосредоточены в России, однако при оценке долговременных перспектив международного нефтяного рынка выясняется, что тревожны не только долгосрочные прогнозы нефтяных цен, но и невозобновляемый характер полезного ископаемого; при интенсивной добыче через 20–30 лет страна может столкнуться с его дефицитом. К тому же конкуренция на мировом рынке нефти в будущем может усилиться по причине разработки сланцевых месторождений, а 60–70% степень износа основных фондов российских нефтяных компаний требует значительных денежных вливаний на обновление.

Структурная трансформация экономики, управляемая государством, решит проблему прямой зависимости экономического роста от темпов роста цен на нефть. Импортозамещение сэкономит значительные средства, которые страна расходует на импорт, перенаправит их на развитие внутреннего производства в соответствии с императивами нового технологического уклада, создаст рабочие места и обеспечит платежеспособный спрос. Прирост высокооплачиваемых рабочих мест по мере осуществления модернизации ожидается приблизительно в количестве 25 млн. [9, с. 13].

Определяющее значение будет иметь накопленный научно-технический потенциал в области биотехнологии, лазерной техники, геномной инженерии, ядерной энергетики, исследований космического пространства, авиации и в других областях [113, с. 82]. Не менее важны экологически чистые технологии,

искусственный интеллект, интегрированные высокоскоростные транспортные системы, атомная и солнечная энергетики.

Эти и другие ключевые направления новейшего технологического уклада будут определять степень глобального экономического развития примерно до середины XXI в. и характеризовать оптимальную структуру экономики развитых стран. Преодоление спада и обеспечение подъема российской экономики возможно на основе становления новых высокотехнологичных производств посредством реализации структурной политики. Государственное управление призвано сыграть главенствующую роль в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада. Кроме того, следует обновить основные фонды действующих производств, которые устарели и морально, и физически. От интенсивности обновления основных фондов во многом будет зависеть степень обеспечения со стороны производственного аппарата основы для экономического роста и преодоление технико-экономического отставания внутреннего хозяйства. Одним из главных условий интенсификации процесса воспроизводства основного капитала при ограниченных инвестициях является повышение эффективности капитального строительства [113, с. 83].

Переход российской экономики на траекторию экономического роста и расширение масштабов внутренних накоплений создадут предпосылки для интенсификации воспроизводства, технологическую независимость и защиту от неблагоприятных воздействий внешнеэкономической конъюнктуры обеспечит вывод из эксплуатации устаревшего капитала и обновление производственного потенциала.

Эффективное участие России в мировом хозяйстве станет возможно при устранении нынешней внешнеэкономической уязвимости промышленного комплекса, которая сегодня проявляется в следующем: [113, с. 85].

- в усилении сырьевой направленности российского экспорта и потере традиционных рынков сбыта промышленной продукции [113, с. 85];

- в отставании российских промышленных товаров от мировых стандартов в отношении цена / качество, лишающее возможности успешной конкуренции с иностранцами;

- в ограниченном масштабе и медленной передаче новых технологий из оборонного комплекса для производства конкурентоспособной продукции гражданского назначения [113, с. 85];

- в недостаточной защищенности российских производителей тарифными и нетарифными инструментами [113, с. 85];

- в высокой банковской ставке, значительно завышающей себестоимость продукции.

Для оздоровления экономики и преодоления «нефтяной иглы» необходимо сократить долю топливно-энергетического комплекса на фоне увеличения доли наукоемких отраслей, являющихся катализаторами экономического развития, а также предпринять протекционистские меры по защите внутреннего рынка на стадиях становления нового технологического уклада. Несмотря на то, что кардинально разнятся мнения российских экономистов относительно механизма регулирования экономики и обеспечения долгосрочного технико-экономического развития, в последнее время большую популярность набирают сторонники усиления роли государства. В настоящее время гипотеза А. Кудрина о том, что «проблемы российской экономики кроются в слабости рыночной среды, вызванной доминированием государственных корпораций, имеющих искаженную мотивацию по сравнению с рыночной логикой», [29, с.4] неверен. В. Наймушин отмечает, что до 1 июля 2014 г. в России не было ни индикативного, ни стратегического планирования, пока президент В. Путин не подписал закон «О стратегическом планировании» [43, с. 25]. Поскольку государство не регулирует цены, и антимонопольное ведомство безуспешно борется с монополизмом, то говорить об избыточности государственного регулирования не приходится и не имеет смысла [43, с. 26].

Не обоснована и позиция Е. Ясина, который утверждает: «Структурная политика – это диспропорция в экономике, развитие одних секторов экономики за

счет других, что ведет в конечном итоге к проеданию капитала» [114]. Известно, что страны Западной Европы, США и Япония перманентно оптимизировали структуру экономики путем развития высокотехнологичных секторов, в которых сконцентрирован НТП в наибольшей степени. Высокие технологии не просто выводили страну в технологические лидеры, но выступали в качестве доноров в инвестиционной цепочке, остальные сектора – в качестве реципиентов.

Академик Е. Примаков отмечал, что «без противодействия неолиберальной политике возникает угроза серьезных негативных последствий для России» [109]. После финансово-экономического коллапса в 2008–2009 гг. стало очевидно, что саморегулирование рынка неэффективно, поэтому государственное управление призвано сыграть ключевую роль в процессе структурных преобразований и модернизации. В экспертном сообществе сторонники усиления вмешательства государственного аппарата в экономику выступают за индустриализацию.

Так, А. Нешиной утверждает о необходимости технико-технологического оснащения высокотехнологичных секторов с центральным звеном в качестве машиностроения [52, с. 3]. Так как научно-технический прогресс в наибольшей степени сконцентрирован именно в высокотехнологичном секторе, то его роль первостепенна. В промышленно развитых странах разработкой принципиально новейших технологий занимаются до 80% предприятий, а в России – всего лишь 10–15% [52, с. 5]. Наряду с машиностроением велика роль микроэлектроники в современном постиндустриальном обществе. Ни один вид экономической деятельности не способен так критично влиять на производительность труда, уровень жизни населения, обороноспособность и конкурентоспособность страны, как микроэлектроника, которая обеспечивает до 90% инноваций [52, с. 5].

Положительным моментом функционирования т. н. «экспортно-сырьевой» модели экономики в России в первом десятилетии XXI века можно считать не только высокие темпы роста ВВП, номинальных зарплат и некоторых других макроэкономических показателей, но также частичное обновление технопарка, средств связи, электронных коммуникаций. Однако иностранные поставщики не обеспечили допуск к технологическим тайнам промышленного производства,

поэтому технологическое отставание России увеличилось. Основоположник современной неоиндустриальной парадигмы С. Губанов отмечает характерную особенность новой эпохи, заключающейся в релевантности науки как ключевой производительной силы и преобладании работников интеллектуального труда в производственной деятельности [17]. Однако, как утверждает А. Татаркин, крайне опасно пытаться улучшить социально-экономическое положение в стране лишь посредством улучшения макроэкономических параметров роста, ограничивая возможности бизнеса, муниципалитетов и населения [99, с. 8]. Но требуется консолидировать усилия органов власти, научного сообщества и бизнеса, и отказаться от бесперспективного «либерально-рыночного прорыва России» в экономические лидеры мирового сообщества, который, так и не состоялся, как показала двадцатилетняя практика [99, с. 10].

Л. Беляев считает, что структурные преобразования экономики России должны сопровождаться возвращением в государственную собственность предприятий добывающих отраслей, чтобы перевести сверхдоходы частных компаний в государственный бюджет и профинансировать целевые программы новой индустриализации [8, с. 29]. Но противники новой индустриализации, структурной и промышленной политики, ассоциируют данную инициативу с автаркией и возвращением к лекалам плановой экономики. Между тем новая индустриализация предусматривает развитие в условиях смешанной экономики. Речь не идет об отказе от международного экономического сотрудничества, в расчет принимается опыт США, Германии, Японии, Китая, Великобритании и других стран на различных исторических этапах.

1.2 Методология государственного управления структурными преобразованиями

Государственное регулирование в экономике обосновано по той простой причине, что совершенной конкуренции в современных рыночных условиях практически не существует. Обращающиеся на рынке товары не лишены внешних эффектов, субъекты рыночных отношений не обладают полной информацией и неограниченными вычислительными способностями [95].

Структурная политика призвана выявить основные макроэкономические пропорции и направления структурной перестройки экономики в рамках общегосударственных программ, включающих полный арсенал методов прямого и косвенного воздействия на внутреннюю экономическую среду.

К наиболее распространенным *прямым методам* относятся:

- государственные инвестиции;
- государственный заказ;
- дотации, субсидии и субвенции.

Государственные инвестиции – ресурсы из государственного бюджета, направляемые на финансирование целевых программ. Также государственные

инвестиции могут направляться в сферу государственно-частного партнерства, что способствует переводу части профинансированных активов юридического лица в государственную собственность. Основной областью применения ГЧП является строительство автомагистралей и иных объектов инфраструктуры.

Государственный заказ – это заказ на товары, работы и услуги за счет бюджетных средств и средств внебюджетных фондов. Госзаказы формируют государственный спрос, который выполняет функцию благоприятствования внутриэкономического климата, особенно в кризисные периоды. Посредством госзаказа регулируются цены, поддерживаются национальные производители, стимулируется деловая среда в различных отраслях и регионах, привлекается частный сектор к решению актуальных социально-экономических задач. Но в условиях масштабной коррупции госзаказ невольно служит предпосылкой злоупотреблений при расходовании бюджетных средств, что предполагает акцентирование внимания на повышение эффективности законодательной базы и работы исполнительных, судебных органов власти. Заказчики находят способы обходить законы и предоставлять предпочитаемому поставщику доступ к конфиденциальной информации: аукционную документацию о дате проведения аукциона, предмете контракта, сроках поставки. Например, Комитет по здравоохранению в Санкт-Петербурге ограничивал конкуренцию в аукционах по государственным закупкам лекарств в 2008–2010 гг., устанавливая барьеры, запрещенные антимонопольным законодательством [55, с. 43]. Вмешательство ФАС не помогло решить проблему, так как Комитет и его предпочитаемый поставщик использовали фиктивную конкуренцию: фиктивный конкурент был связан с чиновниками Комитета и поставщиком [55, с. 53]. Проблему удалось решить в результате отставки прежнего председателя Комитета. При этом очевидно, что штраф в размере 15–30 тыс. руб. за создание преимущественных условий участия в торгах (ст. 14. 9 КоАП) незначителен и не может влиять на решение чиновника о фаворитизме [55, с. 53]. Кроме того, законодательство о государственных закупках не разрешает конфликты интересов.

Государственные дотации, субсидии и субвенции осуществляются за счет средств федерального бюджета в целях покрытия текущих расходов бюджетов нижестоящих уровней, а также для выполнения целевых программ. Программы могут быть направлены на поддержание социальной стабильности общества и развитие среднего и малого предпринимательства, науки, ГЧП, строительство инфраструктуры.

Исходя из вышеперечисленных характеристик прямой государственной поддержки экономики, их значимость не подвергается сомнению. Между тем не стоит игнорировать высокую коррумпированность на всех уровнях управления, вследствие которой государственная политика де-факто представляет интересы определенных физических и юридических лиц, а не всего населения страны в равной степени. Данный вывод не подразумевает радикального сокращения государственных функций и расширения влияния частных структур на все виды социально-экономической деятельности. Как отмечает нобелевский лауреат П. Самуэльсон: «Децентрализованная система ценообразования не может служить определением оптимальных уровней коллективного потребления благ» [89]. Эту функцию может выполнять только государство, как, впрочем, и соблюдение правопорядка, и защиту национальных интересов и др.

Прямые методы регулирования структурных преобразований призваны для поддержания ключевых элементов структуры экономики. Без государственной поддержки малорентабельных системообразующих отраслей обрабатывающей промышленности, возникают дисбалансы в структуре экономики в форме отрицательных структурных сдвигов. В кризисных условиях положительные структурные сдвиги могут происходить только под контролем государства в рамках соответствующих государственных программ и стратегии национального развития. Рыночное саморегулирование создает лишь дисбалансы и обрекает страны, не обладающие конкурентными преимуществами в области высоких технологий, на «экспортно-сырьевую» модель развития. В качестве примера неудовлетворительных результатов саморегулирования можно привести нашу страну, которая на протяжении 27 лет либерально-монетаристского сценария

не только не стала одной из передовых индустриально развитых держав, но и вовсе продолжает деградировать. Даже в успешный период 2000–2008 гг., при высоких темпах экономического роста, доля России в мировой экономике увеличилась с 0,94% до 2,67%, а доля российских машин и оборудования – отраслей с высокой концентрацией НТП – выросла всего на 0,02% – с 0,28% до 0,30%, – согласно оптимистическим подсчетам А. Кудрина [29, с. 32].

Государственные инвестиции и заказ, субсидирование и другие методы прямого регулирования попадают в жесткую критику со стороны рыночных фундаменталистов из-за воздействия на конкурентную среду. Однако если обратить внимание на центральных панегиристов либерализации экономики, США, то и федеральный бюджет, и бюджеты штатов напрямую финансируют проекты новой индустриализации. Большая их часть запущена после обвала финансовых рынков в 2008 г. Президент США Б. Обама призвал Конгресс инвестировать 1 млрд. долл. в создание национальной сети инноваций в сфере обрабатывающей промышленности для поддержания конкурентоспособности американской экономики [101, с. 66]. На поддержку «программ наставничества» в апреле 2014 г. федеральный бюджет выделил 100 млн. долл., а власти штата Коннектикут увеличили налоговый кредит с 4800 до 7500 долл., то есть налогооблагаемая база компаний уменьшилась на эту величину за каждого принятого и обучаемого практиканта [101, с. 66]. Также Администрация Южной Каролины предоставила услуги по обучению работников для компании Kent Bicycles, производителя велосипедов, и полный пакет налоговых льгот в обмен на инвестиции в 4,5 млн. долл. в завод и создание 175 рабочих мест [101, с. 56].

Помимо этого, администрацией Б. Обамы был учрежден в штате Огайо Национальный инновационный институт аддитивного производства, а также планируется создание сети из 15 инновационных институтов. Примечательным примером государственной помощи бизнесу в США является беспрецедентный размер налоговой поддержки федерального бюджета в размере 550 млрд. долл. на проекты сланцевого газа [101, с. 66]. Но налоговые инструменты правомерно относить к косвенным методам государственного регулирования, несмотря на то,

что государственный бюджет лишается значительных источников поступлений, предоставляя льготы и преференции научно-исследовательским институтам и инновационным центрам. По этим и другим проектам видно, что структурные преобразования в США не лишены государственного регулирования.

Безусловно, компании, получающие государственную помощь, играют весомую роль в обеспечении национальной экономической безопасности России. Однако их деятельность должна быть максимально эффективной, чего не сказать о текущем положении дел. С коррумпированностью властей и 25–75% откатами по целевым программам регионального и отраслевого развития нужно бороться максимально жестким и бескомпромиссным способом. Проблема заключается в безнаказанности власть имущих, двойных стандартах, применяемых в отношении граждан разных социальных слоев. Безосновательны выводы либеральных экономистов касательно главной проблемы экономики РФ, кроющейся, по их мнению, в превалировании государственных и квазигосударственных компаний в крупном бизнесе. Из советской истории известно, что, несмотря на отсутствие внутренней конкуренции, СССР удалось запустить первый искусственный спутник Земли, производить конкурентоспособную по мировым стандартам продукцию в станкостроительной, электровозостроительной, авиационной, космической, атомной промышленности. А вступление в ВТО в 2012 г., вопреки ожиданиям, не обеспечило даже развития внутреннего сельского хозяйства. Картина здесь вырисовывается иная – импортные продовольственные товары постепенно вытесняют отечественные товары на внутреннем рынке, усиливая зависимость России от импорта.

Тяжело конкурировать с развитыми странами, которые на протяжении многих десятилетий наращивали «сравнительные преимущества». Поскольку российская экономика стихийно перестраивалась на рыночную основу в течение последних 27 лет, растеряв научно-производственный потенциал в большинстве отраслей, то она не способна конкурировать с развитыми экономиками Западной Европы, США, Канады, Японии, крупными транснациональными корпорациями. Свободная торговля и свободное трансграничное движение капитала вытесняют

отечественных производителей даже с внутреннего рынка ввиду абсолютной неконкурентоспособности последних. Исключение составляют добывающие и экспортирующие природные ресурсы компании, занимающие существенную нишу на глобальном рынке энергоресурсов. Так, нефтегазовая компания ОАО «Газпром» является одной из крупнейших монополистов, задавая цены на природный газ и занимая львиную долю рынка Евросоюза. Хотя нефтяной рынок и является больше конкурентным, чем газовый, российские нефтяные компании занимают большую долю в нем посредством экспорта нефтяного сырья и нефтепродуктов низкого качества, прошедших только первичную переработку. Сырая нефть и продукты первичной переработки экспортируются в Европу на нефтеперерабатывающие заводы, где проходят более глубокую переработку и формируют конечный продукт. Европейцы предпочитают специализироваться на производстве конечной продукции с высокой добавленной стоимостью, в то время как Россия вынуждена экспортировать сырье в рамках располагаемых ею «сравнительных преимуществ» в международном разделении труда.

Безусловно, более эффективная прямая государственная помощь может кардинально изменить текущий тренд, однако нельзя игнорировать ограничение возможностей использования прямых методов поддержки согласно нормативам ВТО и международным конвенциям, поэтому основная нагрузка ложится на косвенные методы государственного регулирования. На наш взгляд, косвенное регулирование в рыночной экономике гораздо привлекательнее и значительнее.

Косвенные методы призваны обеспечить макроэкономические пропорции расширенного воспроизводства, но не предполагают непосредственного участия государства в принятии решений экономическими агентами. Они включают:

- производственные стандарты, знаки качеств, их поддержание;
- контроль над монополиями;
- защита прав собственности;
- налоговое (фискальное) регулирование и таможенный контроль;
- регулирование денежно-кредитной (монетарной) системы;
- валютный контроль.

Производственные стандарты и знаки качества обеспечивают безопасность промежуточного и конечного потребления продукции, минимизируют вред для окружающей среды, а также задают направление структурных сдвигов в пользу наращивания более качественной продукции. После мировой индустриальной революции охрана окружающей среды приобретает все большую актуальность, поэтому разрабатываются и применяются фитосанитарные, экологические и другие нормы. Но эти нормы зачастую используются различными странами и регионами в качестве новых видов барьеров, не противоречащих требованиям ВТО. «Разрешенные» виды барьеров являются нетарифными, они связаны с качественными ограничениями, поэтому не принимают грубую форму торговых запретов и высоких пошлин. Они повышают уровень конкуренции благодаря введению норм и стимулируют производство высококачественной продукции, что также влияет на направление структурных сдвигов в экономике.

Контроль над монополиями также является одной из важнейших функций государственного регулирования экономики, осуществляемого федеральной антимонопольной службой. В компетенцию ФАС входит принятие нормативно-правовых актов, осуществление контроля над соблюдением антимонопольного законодательства и сферой естественных монополий, а также выполнение других функций, имеющих стратегическое значение для обеспечения безопасности страны. Эффективная работа антимонопольной службы призвана обеспечивать конкурентную среду для нормализации процессов структурных преобразований, заданных эволюцией производственно-хозяйственной системы.

Неэффективная база *защиты прав собственности* в России, согласно либеральным экономистам, нуждается в институциональных преобразованиях и передаче полномочий по регулированию и контролю в частные руки, поскольку подобные меры предположительно улучшат экономический климат. Но будут ли независимые общественные институты представлять интересы всего населения? Велика противоречивость государственных и частных интересов. К примеру, государство выполняет социально-экономические функции вне зависимости от рыночных принципов и финансовых результатов. В отличие от него, частные

организации всегда заинтересованы в предпринимательском успехе, сворачивая любые программы, не оправдывающие себя с финансовой точки зрения. Поэтому с проблемой незащищенности прав частной собственности нужно бороться посредством совершенствования законодательства, сокращения избыточного административного регулирования, борьбы с коррупцией.

С помощью *налоговых инструментов* государство может стимулировать предпринимательскую деятельность, расширение производства, отраслевое и секторальное инвестирование. Дифференциация налоговой ставки в отношении определенных отраслей задаст предпочтительное направление структурного сдвига. Налоговые преференции фактически представляют собой дополнительные конкурентные преимущества, поэтому их применение играет весомую роль в оздоровлении внутреннего хозяйства. Например, если предоставить налоговые льготы и кредиты или сузить налогооблагаемую базу для малого и среднего предпринимательства и обрабатывающей промышленности, то возрастет их рентабельность и инвестиционная привлекательность.

Особое значение в период смены технологических укладов приобретают НИИ и инновационные центры, которые задают темп и объем обновления технологической базы, поэтому государство должно предпринимать меры по стимулированию коммерческих вложений в разработку и внедрение новейших технологий, что позволит сократить издержки и повысить производительность труда.

Регулирование денежно-кредитной системы подразумевает выработку эффективных методов воздействия государственного аппарата на деятельность коммерческих банков и снабжение финансовыми средствами контрагентов во всей цепочке расширенного воспроизводства. Соответствующими полномочиями обладает Банк России, который осуществляет эмиссию национальной валюты, контролирует размер и структуру денежной массы, обращение денег, а также определяет величину учетной ставки. Банк России также выполняет множество других функций, начиная от борьбы с инфляцией, до обеспечения банковской ликвидности. Упрощенно принято считать, что прирост денежной массы без

соответствующего прироста производства приводит к инфляции. Но инфляция носит не только монетарный характер и может провоцироваться монополизмом, картелями, стагнацией, иными факторами. Причем, одновременно со стагнацией может происходить обесценение денежных знаков, и это явление называется стагфляцией. Следовательно, методология борьбы с инфляционными процессами должна располагать довольно широким спектром инструментов, но Банк России следует концепциям монетаристской экономической школы и предпочитает ограничиваться сдерживанием инфляции путем искусственного «зажима» денежной массы, перераспределяя большую часть нефтедоходов в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. При этом экономически развитые страны Западной Европы и Северной Америки предпочитают применять в кризисный период стратегию «количественного смягчения», то есть кредитного стимулирования конечного спроса и низких процентных ставок.

Валютное регулирование призвано предотвращать чрезмерную утечку капитала за границу и поток денежных ресурсов на валютный рынок для спекуляций. В период острой фазы кризиса 2008–2009 гг. Банк России резко увеличил денежную массу, предоставив российским банкам ликвидность и средства для кредитования внутреннего производства, однако они были направлены не в производственный сектор, а на финансовые рынки, когда вкуче с девальвацией, банки спекулировали против национальной валюты.

В целом методы прямого и косвенного воздействия включают инструменты многогранной экономической политики, разделенной по нескольким частям и обуславливающей общие условия хозяйствования (рис. 1.2.).

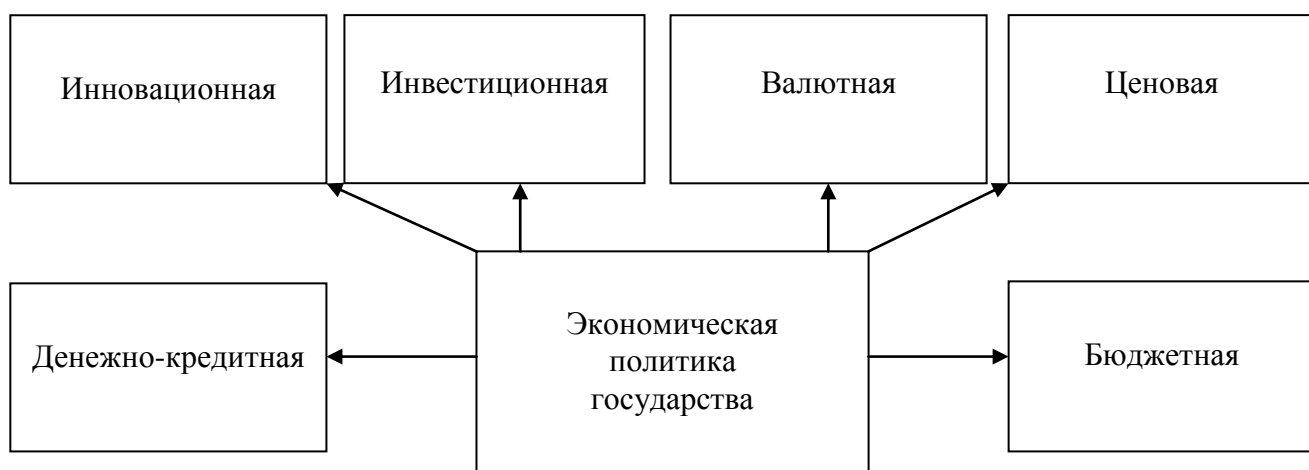

Рисунок 1.2. – Типология видов экономической политики государства
(разработан автором)

До 2014 г. в России практически не было акцентированной государственной экономической политики, лишь совсем недавно – 28 июня 2014 г. – был принят закон о стратегическом планировании и внесен в Госдуму закон о промышленной политике. Согласно заявлению Президента РФ В. Путина, «за ближайшие годы необходимо сделать значительный рывок в повышении конкурентоспособности производственного сектора. Наша главная цель – использовать конкурентное преимущество России – емкий внутренний рынок, заполнить его качественными товарами, которые производят реальные секторы отечественной экономики» [33]. В 2015 г. был запущен Фонд развития промышленности, а также несколько иных крупных инфраструктурных проектов.

В 2014 г. были проработаны восемь крупных проектов транспортной и энергетической инфраструктуры: Московский авиационный узел, Центральная кольцевая автодорога, железная дорога Кызыл – Курагино, Ангаро-Енисейский промышленный кластер и некоторые другие, а также модернизация БАМа и Транссибирской магистрали [103]. Данные проекты являются долгосрочными, а их реализация оценивается в триллионы рублей. Они обеспечат новые рабочие места, содействуют экономическому росту и расширят возможности выхода экспортеров на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако подобных позитивных шагов недостаточно для стимулирования деловой среды и диверсификации экономики, поскольку изменить имеющуюся картину может только комплексная программа. В ее отсутствие усугубляются структурные дисбалансы и растет финансовый сектор, перераспределяющий в

свою пользу более 30% совокупной прибыли. После майских указов В. Путина, согласно которым к концу 2018 г. в стране ожидается появление 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест, на начало 2014 г. появилось 9 млн. таких рабочих мест, однако в реальном секторе их немного. В Москве создано 349,2 тыс. рабочих мест, но из них 20% – в сфере услуг, 18% – в торговле, 11% – в банковском секторе, 15% – в государственном управлении [104]. Параллельно происходит потеря других рабочих мест, наиболее выраженная в 2015-2016 гг.

Также в период 1990–2008 гг. в России закрылось около 70 тыс. промышленных предприятий, на которых работали тысячи инженеров, были ликвидированы тысячи НИИ [26].

Таковы плоды либерализации российской экономики, но либерализация и глобализация выгодны индустриально развитым странам, которые за счет свободного движения капитала и трудовых ресурсов, а также обладания конкурентными преимуществами в ключевых секторах глобальной экономики, перераспределяют «львиную долю» совокупной прибыли в свою пользу и специализируются на производстве высоких технологий. При этом в развитых странах государство активно финансирует инвестиционные проекты, несмотря на все преимущества либеральной политики. Таким образом, вначале 2000-ых гг. в США штат Алабама инвестировал 253 млн. долл. на субсидирование завода «Mercedes-Benz» [120]. Это не единичный случай, так как администрация США тратит более 20 млрд. долл. ежегодно на поддержку малого бизнеса, предоставляя займы и гарантии частным компаниям [63, с. 33].

Методы прямого и косвенного регулирования должны устанавливаться как нормативы до осуществления хозяйственной деятельности, обязательные для выполнения всеми ее участниками, несущими материальную и юридическую ответственность. В настоящее время все большую экспертную и общественную поддержку получает политика структурной трансформации экономики России на индустриальном рыночном порядке. Как отмечает Н. Суслов, структура российской экономики достигла пределов роста, поскольку даже при наличии благоприятной внутриэкономической среды экономический рост будет низким,

так как мировой спрос на энергоресурсы падает [111, с. 46]. Велика вероятность затягивания глобальной экономической стагнации на 10–12 лет, ведь базовые технологии действующего технологического уклада, то есть информационные коммуникации, исчерпали свой ресурс.

Исходя из вышеперечисленных факторов и заданного тренда глобальной экономики, не возникает сомнений в приоритетности преобразований в пользу становления высокотехнологичных наукоемких направлений материального и нематериального производства [39, с. 83]. На этой основе, как свидетельствует зарубежный опыт, станет возможным и материализация желаемого потенциала рыночного развития [39, с. 84]. Достижение устойчивых темпов экономического роста становится возможным при позитивных сдвигах в структуре экономики: в увеличении доли обрабатывающей промышленности, малого и среднего бизнеса, и становлении новейших высокотехнологичных отраслей [39, с. 84].

Преодоление структурных ограничений экономического и социального развития позволит создать условия для достижения оптимального состояния национальной хозяйственной системы [39, с. 85]. Стратегические направления реформирования призваны сформировать рациональные территориально-хозяйственные связи в рамках единого российского рынка и обеспечить социальный прогресс регионов. Только лишь в ракурсе общенациональной идеи можно разрешить проблемы кризисных территорий: Крайнего Севера, Дальнего Востока, Крыма, Южного федерального округа [39, с. 85]. Перед государством стоит задача уравнивания социально-экономических параметров и интеграции регионов, расширения прерогатив местного самоуправления, совершенствования взаимодействия центра и регионов [39, с. 87].

Структура экономики современного типа должна характеризоваться:

- преобладанием в промышленности высокотехнологичных отраслей, адаптированных к достижениям новейшего этапа НТП;
- рациональным сочетанием крупных, средних и малых промышленных предприятий;

- наличием технически и технологически обновленных отраслей сферы услуг на базе реализации новых систем информатизации;
- эффективной инновационной средой;
- аграрным сектором, обеспечивающим продовольствием весь внутренний рынок и отвечающим современным рыночным стандартам и нормам.

К императивам структурных преобразований следует относить достижение конкурентоспособности традиционных отраслей. Стратегическим фактором обеспечения экономического роста и преодоления структурных диспропорций являются инновации. Степень их внедрения определяет темпы экономического роста, конкурентоспособность экономики и национальную безопасность. Инновации представляют собой движущую силу не только НТП, но и всего общественного развития. Мировая практика показывает, что в современной экономике устойчивое и независимое положение имеют страны, обладающие высоким инновационным потенциалом.

В современных моделях устойчивого развития национальной экономики (шведской, японской, американской и др.) государство берет на себя изрядную долю ответственности за процессы, происходящие в ней. Оно регулирует свой внутренний рынок методами защиты конкуренции, организации производства общественных благ, охраны природы и распределения национального дохода в целях предотвращения чрезмерной дифференциации уровня жизни. Зарубежный опыт служит основанием для включения в число экономических функций государства стабилизационную экономическую политику, целесообразность которой заключается в поддержании общего экономического равновесия при устойчивом росте экономики, стабильном уровне роста цен, полной занятости и сбалансированном платежном балансе.

Резервный фонд и Фонд национального благосостояния РФ, в конечном счете, не выполняют прямого предназначения – поддержания эффективности национальной экономики. Экспертные мнения о направлениях использования средств фондов показывают, что для модернизации национальной экономики рекомендуется масштабная закупка передовых технологий и оборудования.

Одним из вариантов может быть создание Государственного банка развития, капитал которого должен формироваться за счет валюты, приобретаемой правительством РФ из средств Фонда национального благосостояния у Банка России. На рыночной основе он мог бы финансировать проекты по модернизации внутреннего хозяйства [12].

Однако в условиях наложения экономических санкций на резидентов РФ, лишаящих их не только «длинных» внешних кредитов, но и разрушающих экономические связи, массивная закупка передовых технологий и оборудования не представляется возможным. Перед нашей страной встает принципиальный вопрос о разработке механизма, который обеспечит устойчивый экономический рост. Поэтому, чем быстрее решится этот вопрос, тем меньший вред нанесут западные санкции российской экономике. Инерционное следование либеральной экономической политике не преодолет траекторию спада и может привести к коллапсу.

Из-за тотальной коррупции прямые методы государственной поддержки становятся источником злоупотреблений при расходовании бюджетных средств, а также фактором, сдерживающим конкуренцию. Помимо этого, использование прямых методов ограничено в условиях вступления России в ВТО и другие международные организации, поэтому основная нагрузка ложится на косвенные методы регулирования экономики.

1.3 Зарубежный опыт структурных преобразований и связь с теориями экономического развития

Структурные изменения в народном хозяйстве происходят непрерывно, вне зависимости от степени вмешательства государства. Если государственный аппарат предпринимает попытку повысить эффективность структуры экономики, то осуществляет целенаправленные структурные преобразования. Результаты соответствующих инициатив могут быть самые разнообразные – от деградации внутренней хозяйственной среды, до процветания нации.

Исследования структурных преобразований целесообразно проводить на основе их сопоставления с периодами развития социально-экономических систем. Для этого применяют формационный и цивилизационный подходы [58, с. 30]. Если стандартная экономическая наука приучает нас смотреть на мир сквозь призму методологических и математических линз, упуская из виду факторы реальной жизни, то исторический подход собирает всевозможные фактические доказательства, если они имеют отношение к делу [63, с. 6].

Формационный подход акцентирует внимание исследователя на общие этапы развития всех стран, абстрагируясь от особенностей каждой из них, но учитывая их в конце исследования, дополняя общую картину.

Согласно формационному подходу, выделяются четыре типа государства (или четыре модели экономического устройства), каждый из которых охватывает определенный исторический этап:

- первобытнообщинный строй;
- рабовладельческое государство;
- феодальное государство;
- буржуазное государство.

Каждый тип государства представлял собой определенную, отличную от других, модель экономического устройства. Как известно, К. Маркс, предложив формационную теорию, основным критерием классификации различных типов государства считал экономические отношения, все остальное – надстройкой [42]. К формационным концепциям можно отнести также и теорию исторического процесса О. Конта, теории индустриального общества, постиндустриального и технотронного.

Цивилизационный подход, напротив, акцентирует внимание исследователя на характерные особенности страны или группы стран, абстрагируясь от этапов их исторической неравномерности в развитии. А. Дж. Тойнби, один из авторов цивилизационного подхода, выделил аж 21 цивилизацию, каждой из которых присущи схожие фазы от рождения до упадка [100]. Согласно А. Дж. Тойнби, цивилизация – замкнутое общество, имеющее две отличительные черты:

- религию и форму ее организации;
- территориальный признак, уровень удаленности от того места, где это общество возникло.

С. Хантингтон, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, отличительными чертами цивилизаций считал культурные особенности. Он выделил 8 цивилизаций: африканскую, западную, православную, индуистскую, латиноамериканскую, исламскую, китайскую, японскую [107].

Несмотря на концептуальные различия, в действительности исследователь будет исходить из обоих подходов, составляющих в совокупности диалектическое единство. Структурные изменения в экономике бывают двух видов:

- эволюционные;
- революционные.

Эволюционные структурные изменения происходят плавно, с довольно малой отдачей. Революционные структурные изменения происходят дискретно, подобно «инновационным всплескам» Й. Шумпетера, то есть это радикальное обновление технологий [40]. Так как кардинальные структурные изменения по времени осуществления обычно совпадают со сменой технологических укладов, то принято считать, что они генерируют долгосрочный экономический рост. Такой вывод опирается на фундамент доминирующей неоклассической теории с момента маргиналистской революции в последней четверти XIX столетия в Западной Европе и США, и распада СССР в начале 1990-х гг. во всем мире.

Понятие «технологический уклад» ввели советские экономисты Д. Львов и С. Глазьев [34]. Под данным термином подразумевается синхронное развитие новейших производств, обусловленных единым техническим уровнем. Смену технологических укладов связывают с «большими циклами» Н. Кондратьева, которые происходят в среднем раз в 50 лет. На определенном временном этапе, когда пересекаются «длинные волны» Н. Кондратьева, средние промышленные циклы (до 10 лет) К. Жюгляра, а также короткие денежные циклы (около 3–4 лет) Дж. Китчина, происходит смена технологических укладов.

Почему сменяются технологические уклады? По мнению Й. Шумпетера, НТП нарушает равновесие: предприниматели создают инновации, оттягивая финансовые ресурсы и вызывая инфляцию. Но поскольку инновации снижают издержки, то с течением времени инфляция сменяется дефляцией и экономика возвращается к равновесию. Данная модель объясняет переход экономической системы из одного состояния в другое, однако равновесие выступает в качестве застоя, что противоречит ортодоксии. А. Смит составил формулу цены товара:

$$Q = W + P + R + (C) \quad (1.1.)$$

Где Q – естественная цена товара;

W – заработная плата;

P – процент и / или дивиденды;

R – рента;

C – капитал, отражающий зарплату, процент и ренту предыдущих периодов.

Ж. Б. Сэй на основе формулы (1.1.) сформулировал закон рынков сбыта: производство создает спрос [1, с. 82]. Данный закон исключает возможность возникновения кризисов перепроизводства, так как совокупный общественный спрос математически приравнивается к совокупному предложению. Поскольку «классики» исходили из трудовой теории стоимости, то не только заработную плату, но и процент, и ренту, и капитал считали результатом трудовых затрат. Стандартная экономическая наука основана на метафоре равновесия из физики: подобно тому, как «невидимая рука» удерживает Землю на орбите вокруг Солнца, свободный рынок обеспечивает экономическую гармонию; но при этом физики отказались от понятия равновесия еще в 1930 гг. [63, с. 12]. Одной из основных слабых мест закона Ж. Б. Сэя является отсутствие прибыли в формуле (1.1.). Прибыль не интегрируется в закон рынков сбыта по той простой причине, что возникает позднее формирования естественных цен товаров.

К. Маркс успешно решил проблему отсутствия прибыли в формуле (1.1.) при помощи ввода понятия «прибавочная стоимость», согласно которой она представляет собой часть непосредственной трудовой деятельности наемных работников, не отражающейся в фонде заработной платы. К. Маркс предложил несколько иную формулу:

$$q = c + v + m \quad (1.2.)$$

Где q – естественная цена товара;

c – затраты постоянного капитала;

v – затраты переменного капитала;

m – прибавочная стоимость.

Под постоянным капиталом К. Маркс определил машины, оборудование и сырье, под переменным капиталом – заработную плату. В условиях простого

воспроизводства капиталисты потребляют всю прибавочную стоимость, но при расширенном воспроизводстве часть прибавочного капитала сберегается для накоплений и последующих чистых инвестиций [1, с. 115]. К. Маркс пытался сохранить равновесный подход, успешно интегрировав предпринимательскую прибыль в предпосылку о гармоничности экономики, но, по мере исследования, он столкнулся с эффектом падения нормы прибыли:

$$r = \left(\frac{m}{c}\right) + v \quad (1.3.)$$

Где r – прибыль.

$$r = \frac{\frac{m}{v}}{\frac{c}{v} + 1} \quad (1.4.)$$

По формуле (1.4.) показано, что прибыль имеет склонность к понижению. Соответственно, падает и норма прибыли:

$$b = \frac{r}{c+v} \quad (1.5.)$$

Где b – норма прибыли.

Норма прибавочной стоимости рассчитывается по формуле:

$$a = \frac{m}{v} \quad (1.6.)$$

Где a – норма прибавочной стоимости.

Из этого следует вывод: изменение прибавочной стоимости и заработной платы пропорционально, изменение постоянного капитала непропорционально изменению прибавочной стоимости. Логика рассуждений К. Маркса сводится к четырем пунктам:

- период экономического подъема характеризуется растущим спросом на рабочую силу, преобладанием стимулов к накоплению капитала, повышению заработной платы и снижению нормы прибыли;
- начинается кризис перепроизводства: нехватка стимулов к накоплению капитала, недостаток инвестиций, падение совокупного спроса;
- рост безработицы, падение заработной платы, падение цен, обесценение накопленного капитала;

– повышается норма прибыли, восстанавливаются стимулы к накоплению капитала, система перезапускается [1, с. 124].

Внедрение прибыли в формулу (1.1.) А. Смита и закон Сэя, не позволило эмпирически обосновать гармоничность рынка вследствие проявления эффекта падения нормы прибыли. Кроме того, теория К. Маркса фактически опиралась на элемент эксплуатации труда наемных рабочих, поэтому не приветствовалась с идеологической позиции. В. Ленин и большевистские реформаторы, опираясь на труды К. Маркса, пришли к выводу о том, что если экспроприировать средства производства в пользу государства, то оно пропорционально перераспределит прибавочную стоимость между накоплением постоянного капитала и фондом заработной платы. В результате этого тенденция падения нормы прибыли будет нивелирована, впрочем, как и эксплуатация рабочих. Но в Европе противники большевизма предприняли попытку реабилитировать рыночную экономику на научной основе. В конце XIX столетия сформировались 3 школы экономической мысли – австрийская, лозаннская и англо-американская, ставшие в передовых странах доминирующей ортодоксией. Лидер лозаннской школы, Л. Вальрас, математически обосновал предпосылку о гармоничности экономики при помощи системы уравнений. Он предположил, что в экономике m потребителей, которые владеют k факторами производства, и фирмы производят $n - 1$ товаров.

Поведение j -го потребителя:

$$x_{ij}^d = f(p_1, p_2, p_n; q_{1j}^s, q_{2j}^s, q_{vj}^s) \quad (1.7.)$$

Где $i = 1, 2, 3, \dots, n; j = 1, 2, 3, \dots, m$

$$p_1 x_{1j}^d + p_2 x_{2j}^d + p_n x_{nj}^d = r_1 q_{1j}^s + r_2 q_{2j}^s + r_v q_{vj}^s \quad (1.8.)$$

Где p_1 – цена i -го товара ($i = 1, 2, 3, \dots, n$);

x_{ij}^d – спрос j -го потребителя на i -ый товар;

q_{vj}^s – объем фактора k у j -го потребителя;

r_k – рыночная цена фактора k ($k = 1, 2, 3, \dots, v$)

Следующее уравнение товарных цен верно в условиях отсутствия у фирм прибыли:

$$p_i = r_1 a_{1i} + r_2 a_{2i} + \dots + r_v a_{vi} \quad (1.9.)$$

Где a_{ki} – коэффициенты удельных затрат.

Спрос фирмы на производственный фактор k :

$$q_{ki}^d = a_{ki} x_i^s \quad (1.10.)$$

Условие балансового неравенства на объем товаров в экономике:

$$q_{k1}^d + q_{k2}^d + \dots + q_{kn}^d = q_{k1}^s + q_{k2}^s + \dots + q_{km}^s \quad (1.11.)$$

Где $k = 1, 2, \dots, v$

Условие балансового неравенства на объем спроса и предложения:

$$x_{i1}^d + x_{i2}^d + \dots + x_{im}^d = x_i^s \quad (1.12.)$$

Где $i = 1, 2, 3, \dots, n$

Система уравнений (1.7.) – (1.12.) характеризует модель общего рыночного равновесия, которую в целом можно представить в виде:

$$\sum_{ij} p_i x_{ij}^s = \sum_{ij} p_i x_{ij}^d \quad (1.13.)$$

Где $i = 1, 2, 3, \dots, n; j = 1, 2, 3, \dots, m$

Формула (1.13.) показывает, что спрос равен предложению. К сожалению, релевантность была принесена в жертву математической строгости. Недостатки модели общего рыночного равновесия настолько существенны, что отражают вовсе не позитивную науку, на которую изначально претендовали неоклассики. Нормативный характер неоклассической экономической теории, подкрепленный идеологическим аспектом, не может оспариваться. Модель общего рыночного равновесия не объясняет, что является определяющим – спрос или предложение. Она представляет собой бартерную экономику, в которую не вписываются ни деньги, ни неопределенность. На протяжении всего XX столетия неоклассиками предпринимались попытки внедрения денег и неопределенности в равновесный подход иными моделями, которые, в свою очередь, тоже содержат множество недостатков. Но самой главной проблемой является статичность, в которой заданы и предпочтения индивидов, и исходные запасы товаров и ресурсов, и характеристики производственного процесса, отраженные в коэффициентах

удельных затрат; проблема динамики оказалась настолько сложной, что сегодня нельзя сказать, что она решена [1, с. 223].

Поскольку неоклассические модели исходят из неверных постулатов, то и многие выводы получаются неверными. В результате чего с течением времени опровергаются и модификации фундаментальных, и построенных на их основе, моделей. Например, в 1960–1970 гг. эмпирические исследования, проводимые в рамках поведенческой экономики, опровергли тезис о рациональном поведении индивидов. Г. Саймон, основоположник поведенческой экономической теории, доказал, что индивид выбирает между тремя вариантами – удовлетворительным, безразличным и неудовлетворительным. Математически выбор соответствует значениям $\{1; 0; -1\}$. Иные представители питтсбургской поведенческой школы Р. Сайерт и Дж. Марч доказали, что в фирме разные подразделения преследуют цели, которые могут противоречить друг другу, поэтому фирму невозможно представить в качестве индивида на рынке. Внедрение фирмы в равновесную экономику сталкивается и с другими сложностями. Например, существование фирмы на рынке не сочетается с постулатом о взаимозаменяемости ресурсов.

Пусть на рынке производится N товаров, производством заняты индивиды, получающие доходы $w_1 > w_2 > \dots > w_n$. Пусть индивид, получавший доход w_1 , решил создать фирму. Для этой цели он разбил свой производственный цикл на несколько стадий (рис. 1.3.) и нанял индивидов w_2, w_3, \dots, w_n .

Рисунок 1.3. – Результат возникновения фирмы (разработан автором)

Как показано на рис. 1.3., процесс обработки разбит на 6 стадий:

$$P = k (w_1 - w_n - \Delta) \quad (1.14.)$$

Где P – прибыль;

k – стадии обработки (6);

Δ – бонусы и прочие расходы индивида w_1 , создавшего фирму.

Чем технологичнее производство и больше стадий обработки, тем больше прибыли генерирует индивид w_1 . Пусть изначально на рынке функционировало M_1 производителей, но поскольку индивид w_1 создал фирму, то производство продукции возросло на $M_1 k$. Это повлекло падение цен на данную продукцию. Цены на продукцию, производимую индивидами $w_2, w_3 \dots, w_n$, то есть менее квалифицированными кадрами, возросли. Очевидно, что другие индивиды, обладающие знаниями и технологическими способностями индивида w_1 , решат создать фирмы, чтобы максимизировать прибыль. Они так же наймут индивидов w_n , то есть самый неквалифицированный труд, в результате чего спрос на него растёт, и он дорожает, прибыль фирмы падает. Квалифицированный труд w_1 находится в избытке, его стоимость падает. Среднеквалифицированный труд вытесняется с рынка по ненадобности, квалифицированный труд выравнивается по стоимости с неквалифицированным трудом. К подобному результату должна привести равновесная экономика, однако в реальности этого не происходит.

Несмотря на то, что теория общего рыночного равновесия не выдерживает критики, маржиналистская парадигма продолжает доминировать во всем мире. Локально возникают альтернативные воззрения, которые, впрочем, занимают место периферии науки вследствие непопулярности. Но поскольку в мейнстриме ядро теории не отвергается научным сообществом, то экономисты перманентно модифицируют ее предпосылки. Например, Ф. Х. Найт, основатель чикагской школы, предложил разграничить риск (исчисляемый по теории вероятности), и неопределенность (которая не исчисляется) [1, с. 302]. Тем самым прибылью было принято решение обозначить остаточный доход, который гипотетически может возникнуть вследствие предпринимательской неопределенности. Однако наличие неопределенности на рынке противоречит предпосылкам совершенной информации и рационального поведения индивидов.

Таким образом, равновесие представляется оптимальным состоянием экономики, но оно нарушается экономическим ростом. По этой причине модели экономического роста, как концепция Й. Шумпетера, не совсем интегрированы в ядро ортодоксии, поэтому существуют в некотором отрыве от нее. Изначально

они связывали экономический рост с наращиванием капитала. Если упростить модель Харрода-Домара, то она сводится к формуле:

$$G = \frac{S}{C} \quad (1.15.)$$

Где G – темп роста национального дохода / выпуска продукции;

S – постоянные в долгосрочном периоде сбережения;

C – требуемая капиталоемкость.

В духе кейнсианской традиции экономический рост связывался с ростом инвестиций. Подобный вывод был сделан Р. Харродом и Е. Домаром на основе бурного экономического роста в СССР при «сталинской индустриализации». В 1957 г. Е. Домар признал ошибочность своей модели [24, с. 16], но она до сих пор активно применяется во многих странах. Ее несостоятельность в краткосрочной перспективе подчеркивается и апологетами данной теории.

Неоклассическая модель, которую разработал в 1957 г. Р. Солоу, исходит из положения о том, что инвестиции в основной капитал не конвертируются в рост ВВП в долгосрочной перспективе. Старая модель еще одним фактором:

Предположим, что НТП и труд постоянны, то есть $A = const$, $L = const$.

$$Y = F(K) \quad (1.16.)$$

Где Y – выпуск продукции, который зависит только от капитала;

$F(K)$ – функция капитала.

Население сберегает и инвестирует долю от своего дохода:

$$I = sF(K) \quad (1.17.)$$

Где I – инвестиции в основной капитал;

s – норма сбережений, по условию $= const$.

$$Y = C + I \quad (1.18.)$$

Где C – потребление.

При этом перманентно выбывает капитал со скоростью δ :

$$\Delta K = I - \delta K = sF(K) - \delta K \quad (1.19.)$$

Где ΔK – абсолютное изменение капитала;

δK – выбытие капитала.

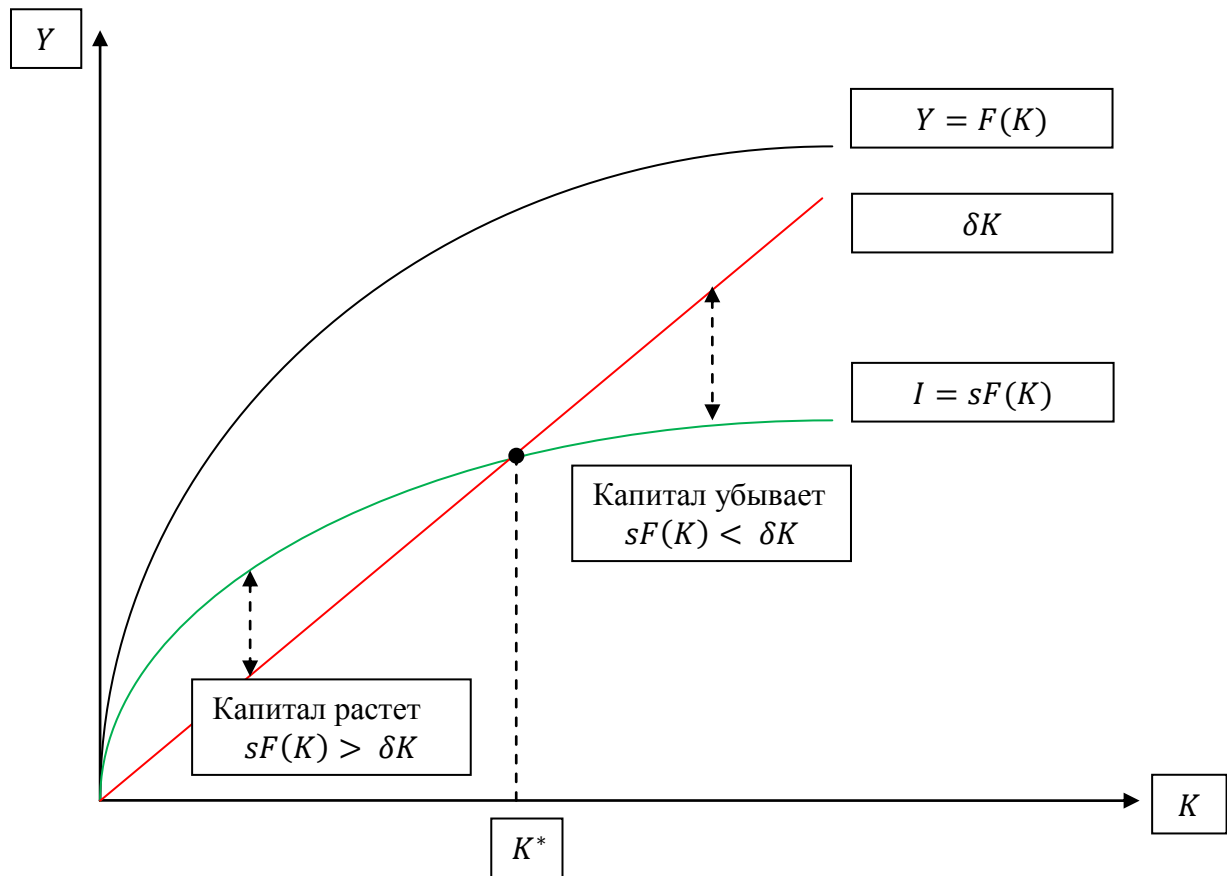

Рисунок 1.4. – Модель Солоу (разработан автором на основе [1, с. 548])

K^* – стационарное состояние. Смысл модели в том, что до определенного момента капитал наращивается, после чего выбытие существующего капитала превышает его прирост. Тем самым в долгосрочной перспективе рост должен прекратиться, однако непрекращающийся НТП нивелирует свойство убывающей отдачи, и рост становится непрерывным:

$$Y = F(K, A, L) \quad (1.20.)$$

Где L – труд;

A – научно-технический прогресс.

Логика рассуждений сводится к тому, что НТП позволяет перманентно повышать производительность труда, вследствие чего прирост ВВП в развитых странах не прекращается. В модели Солоу попадание в стационарное состояние происходит даже с учетом подвижности нормы сбережения, если нивелировать НТП. Однако мировой кризис 2008 г. показал, что данная модель так же, как модель Харрода-Домара, неверна. Другой парадокс, противоречащий модели Солоу, заключается в том, что должно было произойти сближение по уровню

развития между странами. Р. Лукас посчитал, что поскольку доход на душу населения в США в 15 раз превышает аналогичный показатель Индии, то на каждого американского работника должно приходиться примерно в 900 раз больше машин, чем на одного работника в Индии [24, с. 31]. Очевидно, что разрыв не столь существенный. Далее Р. Лукас, применив принцип Р. Солоу высокой отдачи от машин при их дефиците, в 1980-е гг. подсчитал, что норма прибыли на индийские машины должна была быть в 58 раз выше, чем в США, и это тоже противоречило реальной картине.

Апологеты модели Солоу предприняли попытку оживить теорию путем включения в нее понятия «человеческий капитал». Они утверждают, что в случае исключения влияния уровня образования на экономический рост, бедные страны развиваются быстрее, нежели богатые страны. В качестве показателя уровня вложений в человеческий капитал Г. Мэнкью использовал значение доли детей, получающих среднее образование [24, с. 41]. Однако различия в начальном образовании не объясняли различий в уровне доходов населения в богатых и бедных странах. Если в бедной стране квалифицированный труд дефицитен, то небольшое количество квалифицированных работников должно зарабатывать больше, чем огромное количество их коллег из богатых стран. В реальности высококвалифицированная рабочая сила США не эмигрирует массово в Индию, но высококвалифицированные индусы массово эмигрируют в США. Проводя соответствующие исследования, П. Ромер обнаружил, что в 1992 г. подушевой доход США был в 14 раз выше, чем в Индии [24, с. 31]. В настоящий момент в России примерно 80% выпускников средних школ поступают в вузы, но они не обеспечены высокооплачиваемыми рабочими местами, поэтому при получении дипломов частично эмигрируют в экономически развитые страны, частично занимают низкооплачиваемые рабочие места. Этот факт также противоречит допущению Г. Мэнкью, согласно которому человеческий капитал не способен перемещаться из одной страны в другую. Так Г. Мэнкью пытался объяснить, почему инвесторы предпочитают по большей части инвестировать в богатые страны, концентрируя в них физический капитал.

Ортодоксия экономической мысли доминирует в научном сообществе, в особенности тогда, когда решаются вопросы экономического развития бедных стран путем предоставления им финансовой помощи при условии проведения определенных структурных преобразований. Но на периферии науки имеются зачатки альтернативных взглядов, опирающихся на фундамент меркантилизма, марксизма, немецкой исторической школы, американского институционализма.

Изобретения возникали на протяжении всей истории человечества, однако индустриальный характер, заменивший ручной мускульный труд, широкое распространение получил лишь в последней четверти XVIII века. Именно в этот период зародился первый индустриальный этап развития технологий, хотя технологические возможности исчезнувших древних цивилизаций (шумеров, гиперборейцев, атлантов и др.) до сих пор вызывают полемику в научном сообществе. Так или иначе, старт первой промышленной революции пришелся на вторую половину XVIII века. С тех пор периодически происходит смена технологических укладов (табл.1).

Таблица 1.1.

Исторические этапы смены технологических укладов

ТУ	Период доминирования	Страны-лидеры	Технологическое ядро	Ключевые факторы
1	1780-1830	Великобритания, Франция	Текстильные машины, водяной двигатель, обработка железа, выплавка чугуна, строительство каналов, канат	Текстильная промышленность, водяной двигатель
2	1840-1880	Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Германия, США	Паровые машины, железные дороги, паровозы, пароходы, станкостроение, угольная промышленность, черная металлургия	Паровой двигатель, станки
3	1890-1930	Великобритания, Франция, Германия, США,	Электротехника, тяжёлое машиностроение, производство стали,	Электродвигатель

		Россия	электропередача, неорганическая химия	
4	1940-1980	США, СССР, Япония, Западная Европа	Автомобилестроение, атомная энергетика, цветная металлургия, синтетические материалы, органическая химия, нефтяная промышленность	Двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия
5	1985-2015	США, Западная Европа, Япония, Южная Корея, Китай	Вычислительная техника, электронные устройства, телекоммуникации, лазерное оборудование, роботостроение, авиапром.	Микроэлектроника, программное обеспечение
6	2020-?	?	Нанoeлектроника, нанофотоника, наноматериалы, нанотехника, биотехнологии	Нанотехнологии, клеточные технологии

Источник: [16, с. 96-97]

Продолжительность доминирования технологического уклада составляет около 40–50 лет, но считается, что по мере увеличения скорости технического прогресса, она сокращается. Перед зарождением очередного технологического уклада происходит падение эффективности капитала, снижаются возможности генерирования рисков, заметно падает потребительский спрос и эффективность институтов. Возникает необходимость трансформации структуры экономики.

В последней четверти XVIII века сформировался первый индустриальный технологический уклад, трансформировавший аграрно-феодальный строй в индустриальное общество. В Западной Европе развернулась стартовая волна промышленной революции, «краеугольными камнями» формирования новой эпохи оказались Великобритания и Франция. Эти державы соперничали между собой за колонии и торговые пути в Азии, Африке и Новом Свете. Британцы строили водные каналы для сокращения транспортных издержек, выращивали хлопок, сахарный тростник, чай, табак, другие сельскохозяйственные культуры

на плантациях в подконтрольных им колониях. Едва ли уступали англичанам французы, которые до середины XVIII века претендовали на роль лидера в Европе. Во Франции динамично развивались промышленность и торговля. Ведущими отраслями были шерстяная, шелковая, бумажная, фарфоровая и стекольная. Протекционистская позиция обеспечивала внутреннее хозяйство Великобритании и Франции конкурентными преимуществами для быстрого развития. Протекционизм и дирижизм активно применялись в Великобритании с середины XVII века, когда О. Кромвелем были введены «навигационные акты», которые положили конец гегемонии Голландии на море. Британский флот находился на стадии становления и не мог конкурировать с голландским флотом, но «навигационные акты» обязали торговые компании ввозить товары из Азии, Африки и Америки только на английских судах. При этом $\frac{3}{4}$ экипажа должны были составлять британские подданные. Одновременно были введены высокие таможенные пошлины и наложен полный запрет на ввоз определенных видов товаров (например, шерстяных тканей). По этим и иным причинам НТП был сконцентрирован в Великобритании и Франции. Первая паровая машина была изобретена Д. Папеном, но окончательно усовершенствована Дж. Ваттом в 1769 г. А в 1785 г. Э. Картрайт изобрел ткацкий станок, заменивший ручной труд 40 человек. При этом если текстильная промышленность стала по большей части механизированной, то массовое внедрение парового двигателя в производство произошло только на рубеже смены первого технологического уклада.

XVI–XVIII вв. ознаменовались первоначальным накоплением капитала и отхождением от традиционного кустарно-цехового производства. Образовалась новейшая экономическая модель, ускорившая углубление разделения труда и экономический рост. Итальянский экономист А. Серра писал: «Чем глубже уровень разделения труда в городе, тем богаче его жители» [92]. Но разделение труда не может быть безграничным – к такому выводу впервые пришел А. Смит в последней четверти XVIII века, утверждая: «Углубление разделения труда в замкнутой системе ограничено размерами рынка» [94].

В 1825 г. в Великобритании начался первый в истории капитализма кризис перепроизводства, предзнаменовавший смену технологического уклада. Затем он охватил и другие страны Европы. Таким образом, к концу 20-ых гг. XIX в. британский рынок (включая колонии) был перенасыщен, поэтому требовалось расширение. В течение всего XIX в. ведущие европейские державы расширяли горизонты своих интересов во всем мире, подминая под свое влияние страны Азии, Африки и Америки. Однако рынки сбыта расширялись и в самой Европе: если перед сменой второго технологического уклада насчитывалось более десяти действительно независимых государств, обладающих всеми преимуществами самостоятельного развития, то к концу века их осталось пять – Великобритания, Франция, Германия, Россия и США. Технологическим ядром второго уклада стало широкое применение парового двигателя; строительство железных дорог, улучшивших транспортную инфраструктуру; производство станков; развитие угольной промышленности. Период доминирования второго технологического уклада пришелся на «викторианскую эпоху», при которой, как принято считать, функционировала эталонная модель социально-экономического развития. В «викторианскую эпоху» Великобритания взяла курс на либерализацию внешней торговли, посредством которой страны, специализировавшиеся на экспорте продовольствия, получили доступ к ее рынкам. Такой беспрецедентный случай был научно обоснован трудовой теорией стоимости Д. Рикардо. Однако, как утверждает Э. Райнерт, все богатые страны разбогатели одинаковым способом, используя одну и ту же стратегию отказа от производства сырьевых товаров с убывающей отдачей для специализации на производстве высоких технологий, обладающих свойством возрастающей отдачи [63, с. 8]. Убывающая отдача присуща продукции, которая производится благодаря естественным дарам природы, ограниченным по количеству и качеству, поэтому при расширении производства в некоторый момент оно становится нерентабельным, то есть с каждым новым увеличением фактора производства, производится все меньшее количество продукции. Экономист У. Эшворт утверждал, что уникальный путь индустриализации Великобритании в период промышленной революции

полностью определялся институциональной системой, главную роль в которой играли тарифная стена, акцизы и налоги [115].

В период классического капитализма, в котором регулярно происходили кризисы перепроизводства, преодолевались они не только лишь расширением рынков, но и более радикальным способом – перераспределением активов и «сжиганием» избыточного капитала [106]. Но в процессе развития экономики кризисы усиливались, поэтому данный подход исчерпал свои возможности. К концу XIX столетия количество стран, независимых технологических лидеров, сократилось до пяти. Были расширены рынки сбыта, одновременно состоялся переход от второго на третий технологический уклад, ключевым параметром которого стал электродвигатель. Данный исторический цикл ознаменовался господством маржинальных теорий в экономической науке и усилением роли США, которые к тому времени контролировали собственную технологическую зону. В США уровень разделения труда достиг апогея к началу XX столетия, банковские риски возросли и должны были повлечь экспоненциальный рост процентных ставок. Рыночный спрос на кредиты оказался слишком низким и банки были вынуждены опустить кредитную ставку и столкнуться с дефицитом ликвидности. Как результат, в американской банковской системе разразился кризис в 1907 г. Решением этой проблемы послужило создание надбанковского финансового института ФРС, которая взяла на себя часть банковских рисков посредством банковского рефинансирования. Таким образом, США получили дополнительный ресурс для углубления разделения труда. Великобритания, в свою очередь, развивалась за счет победы стран Антанты над Тройственным союзом в ПМВ, повлекшей аннексию рынков Германии. Уже к концу 1920-х гг. рухнул американский фондовый рынок, началась Великая депрессия, которая охватила не только США, но и Канаду, Великобританию, Францию, Германию. Кризис перепроизводства и падение платежеспособного спроса на 40–60%, массовые банкротства банков и предприятий продолжались вплоть до начала второй мировой войны, передела рынков и смены технологического уклада.

Эффективность внедрения новейших технологий зависит от возможности углубления разделения труда, которая была получена после ВМВ. Остались только США и СССР в качестве технологических лидеров. Экономический бум двух технологических зон продолжался до конца 1960-х гг. Далее темпы роста начали замедляться, но если в СССР они были еще достаточно высокими, то в США уже нивелировались и в 1971 г. произошел дефолт. Четвертый уклад, ключевым звеном которого являлся двигатель внутреннего сгорания, уступил доминирующее положение микроэлектронике и телекоммуникациям. Переход осуществлялся не без новых рычагов роста экономики, которые применялись с 1980-х гг. Экономическая политика президента США Р. Рейгана базировалась на теории предложения, согласно которой при снижении налогов и рыночных барьеров, связанных с государственным управлением, можно стимулировать экономический рост. «Рейганомика» включала тезис о сокращении денежной массы в целях борьбы с инфляцией. В результате следования по этому вектору годовой дефицит государственного бюджета при Р. Рейгане достиг в среднем 4,2% ВВП, в 1980 г. он составлял всего 2,7 %. Структурные преобразования и экономический рост оказались следствием не столько послабления налоговой нагрузки на производственный сектор экономики, сколько изменения модели кредитования. В 1980 г. кредиты стали доступны широкой массе потребителей, немаловажным фактором стимулирования потребительского спроса явилось их рефинансирование. Ключевая ставка составила 19% годовых и перманентно снижалась до 2008 г., после чего разразился мировой экономический кризис, масштабы которого объясняются глобализацией, запущенной в период распада СССР и объединения рынков. С 2008 г. по 2014 г. ФРС США производила беспрецедентную денежную эмиссию для сохранения ликвидности финансовой системы. С 2015 г. темпы экономического роста в мире существенно снизились, ожидается новая волна финансовой диверсии.

Современная неоклассическая экономическая теория стала мейнстримом экономической мысли вначале 1980-х гг., аутентичность ее основных аксиом подверглась сомнению в кризис 2008 г. и затянувшейся рецессии, которая по

длительности идентична глубокой депрессии. Кратковременный рост, ставший возможным вследствие усиленной денежной накачки глобальной экономики, искусственно удерживает спрос, не решая проблему, но лишь отсрочивая ее последствия на неопределенный срок. Экспоненциальное увеличение денежного агрегата M2 поддерживает высокий уровень потребления в краткосрочной и среднесрочной перспективе, но в долгосрочной неминуемо повлечет очередную волну кризиса финансовой системы.

Возвращаясь к тенденции падения нормы прибыли по К. Марксу, следует отметить, что командно-административная система управления не справилась с ней при пропорциональном перераспределении прибавочной стоимости между постоянным капиталом и заработной платой. СССР был подвержен влиянию тех же процессов, которые приводили к кризисам перепроизводства в капитализме. Спрос не равен предложению по причине существования предпринимательской прибыли. Столь очевидный вывод является «краеугольным камнем» объяснения причин системных экономических кризисов. Однако ортодоксия экономической науки продолжает следовать по ложному пути в рамках равновесного подхода, поэтому неверные предпосылки приводят к неверным теориям.

Согласно историческому анализу, технологические уклады сменялись не по причине «инновационных всплесков» Й. Шумпетера или НТП Р. Солоу, но по причине расширения рынков и стимулирования потребительского спроса. Для математического обоснования данной концепции применим следующую модель:

Пусть в замкнутой экономике 3 фирмы, каждая из которых производит 1 продукт. Введем условные параметры каждой фирмы в табл. 1.2.

Таблица 1.2.

Параметры фирм по формуле цены товаров А. Смита

	Фирма «А»	Фирма «Б»	Фирма «В»
Продукт	Продовольствие	Одежда	Домашняя мебель
Заработная плата	50	80	100
Рента	20	30	30
Дивиденды	10	20	50
Капитал	70	100	200
Налоги	10	20	30
Естественная цена	160	250	410

Рыночная цена	161	252	413
---------------	-----	-----	-----

Источник: таблица составлена автором

Если устанавливаются естественные цены на каждый продукт, то спрос и предложение в совокупности равны 820 денежным единицам. Теоретически весь произведенный продукт может быть потреблен. Однако если ввести параметр предпринимательской прибыли, то рыночные цены на продукты окажутся выше естественных цен. Пусть наценка на совокупный продукт составляет 6 денежных единиц, тогда спрос останется прежним (820 денежных единиц), но предложение составит 826 денежных единиц.

Модель Солоу предполагает, что НТП позволяет снизить издержки и тем самым расширить потребительский спрос, однако если разбираться в деталях этого, на первый взгляд, логичного утверждения, окажется, что оно практически не укладывается в реальную картину экономики. Прежде всего, стоит задаться вопросом: каким образом могут быть сокращены издержки?

Случай 1: предположим, что изначально в фирме «А» 100 человек вручную обрабатывали поле. Затем в условиях НТП изобрели трактор. Ортодоксия при этом предполагает, что предприниматель уволит 99 пахарей, и оставшегося 1 пахаря посадит на купленный трактор. В результате этого предприниматель сократит расходы на фонд заработной платы, к тому же производительность трактора выше, чем производительность 100 пахарей. Высвободившаяся рабочая сила найдет другую работу, то есть произойдет увеличение рабочей силы без прироста населения. Если далее роботы заменят трактор, то это высвободит того единственного тракториста, который тоже найдет другую работу.

В чем состоит недостаток данного представления роли инновации (НТП) в экономическом росте? На самом деле недостатков сразу несколько: во-первых, трактор должен быть производительнее, чем труд 100 пахарей, то есть трактор должен произвести больше продукции за весь срок эксплуатации, нежели 100 пахарей за этот же период. При этом стоимость трактора с учетом срока его эксплуатации не должна быть выше стоимости рабочей силы 99 пахарей за тот же период времени. Без соблюдения этих условий предпринимателю не выгодно

применять инновацию (покупать трактор). Во-вторых, если эти условия все же будут соблюдены той или иной инновацией (пускай и трактором по нашему примеру), то возникает другой вопрос: что если высвободившиеся не найдут другую работу? Именно по этой причине ортодоксии приходится отрицать факт существования вынужденной безработицы. Помимо этого, даже если пахарям удастся обустроиться на новом рабочем месте (в фирме «Б», «В», или в новой фирме «Г»), то нет гарантии того, что они будут получать заработную плату настолько высокую, чтобы удовлетворить спрос (пускай и подешевевшей) продукции фирмы «А». Фирмы «Б» и «В» по-прежнему убыточны, поскольку инновация не распространилась на них – рыночная цена продолжит превышать естественную цену даже с учетом расширения персонала. Если фонд заработной платы в фирме «А» после ввода инновации упал с 50 единиц до 0,5 единиц (50/100), то есть естественная цена упала на 49,5 единиц, а рыночная цена – на 50 единиц (ввиду большей производительности трактора)? Вырастет покупательная способность только оставшегося 1 тракториста ($W \geq 0,5$) при снижении рыночной цены и самого предпринимателя (трактор эффективнее 100 пахарей), но упадет покупательная способность 99 уволенных пахарей. В-третьих, в отдаленном будущем, роботы высвободят последнего пахаря.

Случай 2: пусть фирма «В» внедрила инновацию в качестве новейшего оборудования по производству мебели, которое дешевле и производительнее старого оборудования. Допустим, предприниматель в состоянии повысить даже заработную плату персоналу, не сократив его, и при этом все равно сэкономить издержки (ввиду очень высокой эффективности новейшего оборудования). Если предприниматель поднимет рыночную цену на 1 условную денежную единицу (до 414 единиц), но заработную плату – на 2 единицы (до 102 единиц), причем капитальные расходы упали на 5 единиц (до 195 единиц), то естественная цена окажется – 407 единиц. Разница между рыночной и естественной ценой станет – 7 единиц (при 3 единицах до внедрения инновации), то есть, несмотря на прирост покупательной способности персонала, предпринимателю не выгодно повышать рыночную цену. Это, во-первых. Во-вторых, если предприниматель снизит

рыночную цену на большую величину, чем естественную цену (что позволяет очень эффективное оборудование), то он сможет рассчитывать на прибыль, но только в рамках 1 производственного цикла. В следующем производственном цикле ему снова потребуется новая инновация, чтобы еще больше сократить издержки и выйти в прибыль. Очевидно, что в реальности революционного характера инновации не случаются ежегодно, причем в одной и той же отрасли. В-третьих, от внедрения инновации провоцируется дефляция, особенно если предприниматель решил запатентовать и массово продавать свою технологию. Рыночная цена на производимую в отрасли продукцию упадет хотя бы по факту расширения производства и насыщения рынка данным товаром. Между тем, в реальности (с учетом эмпирического опыта) экономический рост сопровождается не дефляцией, но инфляцией.

Проблема ортодоксии состоит в том, что она переоценивает роль НТП в экономическом росте. Экономический рост происходит в условиях прироста эффективности одних участников рыночных отношений на фоне других ее участников. Фактором прироста эффективности выступает производительность труда, которая обеспечивается наращиванием физического капитала и труда, а также сокращением издержек. Кроме того, рост производства обеспечивается расширением рынков сбыта и кредитным стимулированием потребительского спроса, образованием финансовых пузырей. Конкурируя между собой, фирмы стараются занять ограниченный спрос. Чем интенсивнее происходит процесс разделения труда в конкретный момент времени, тем выше экономический рост. По этой причине потенциал экономического роста в развивающихся странах гораздо выше, нежели в развитых странах, поскольку в первых сосредоточено большое количество незанятой и низкооплачиваемой рабочей силы. Жесткую зависимость повышения производительности труда от увеличения количества трудящихся можно рассмотреть на примере Робинзона Крузо, потерпевшего кораблекрушение и оказавшегося на необитаемом острове.

Если в рамках ортодоксии экономической науки считается, что Робинзон Крузо мог бы повышать производительность труда бесконечно за счет опыта и

искусности, о чем предполагал О. Бем-Баверк, вводя понятие окольного способа производства, то в реальности это невозможно. Предположим, что Робинзон Крузо производил зерно и ткань, но не домашнюю утварь, хотя и располагал знанием по ее производству (рис. 1.5.). По той же причине программист не смог бы заниматься программированием на необитаемом острове.

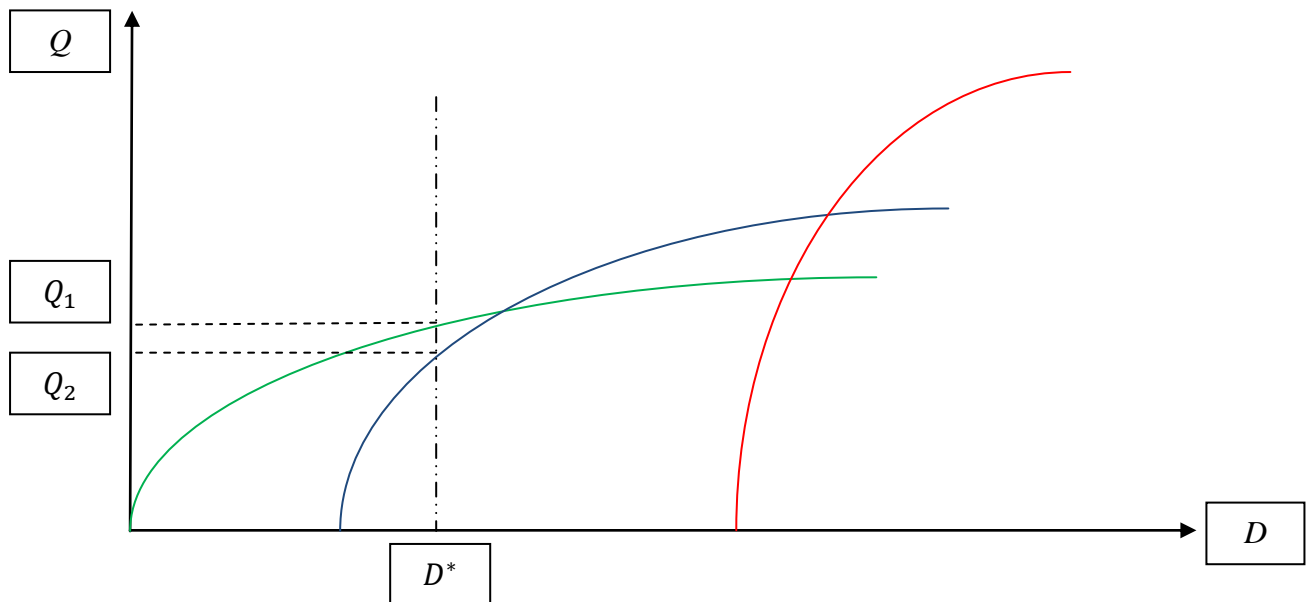

Рисунок 1.5. – Производительность труда Робинзона Крузо
(разработан автором)

Где Q_1 – производство зерна;

Q_2 – производство ткани;

D^* – доход / или потребление Робинзона Крузо.

Точка D^* является максимальным уровнем производительности Робинзона Крузо, которого он достиг за долгое время за счет опыта. При этом домашнюю утварь он не может производить, хотя располагает знанием по технологии ее производства. Пусть на производство ткани он тратит 1/5 часть своего рабочего времени. Робинзон предложит Пятнице производить ткань, ограничившись сам производством зерна, чтобы перейти на новый технологический уровень. Если таким образом произойдет разделение труда, то оно окажется неэффективным, так как Пятница произведет ткани в 5 раз больше, чем производил Робинзон, отводя этому 1/5 часть своего времени. Робинзон, в свою очередь, произведет

зерна на 20% больше, чем ранее. В результате мы получим перепроизводство ткани, не удовлетворяющее спрос, и недопроизводство зерна. Пятнице выгоднее производить и зерно, и ткань в примерных пропорциях Робинзона. Переход на новый технологический уровень, олицетворяющий рост производительности в условиях разделения труда, возможен только в том случае, если количество производителей зерна возрастет настолько, чтобы удовлетворить предложение одного производителя ткани.

Пусть в замкнутом контуре есть 1 ремесленник, производящий в среднем 1 стол в месяц, чье предложение удовлетворяют 100 фермеров. Для того чтобы появилась фабрика по производству столов, состоящая из 10 работников, чья совокупная производительность составляет 15 столов в месяц, это предложение должны будут удовлетворить 1500 фермеров. Фабрика может снизить цену за счет большей производительности (по сравнению с 1 ремесленником) и эффекта масштаба, но рано или поздно придет к порогу, так как невозможно бесконечно снижать цену. Внедрение новейших машин и оборудования, которые способны повысить производительность без снижения цены, также требуют разделения труда для их производства. Таким образом, рост производительности труда жестко привязан к увеличению численности трудящихся.

Поскольку углубление разделения труда сопровождается наращиванием предпринимательских рисков, то при дефиците трудящихся происходит падение нормы прибыли. Существование безработицы в данной концепции объясняется низкой ставкой заработной платы. Развивающиеся страны и «третий мир», как правило, при формировании и координировании программ экономического развития исходят из рекомендаций МВФ и ВБ, которые до сих пор применяют модели Солоу и Харрода-Домара. В результате большинство стран потерпели крах по мере реализации структурных преобразований, ориентируясь на свои сравнительные преимущества в соответствии с торговой теорией Д. Рикардо и предпосылкой равновесия глобальной экономики. Имеется и положительный зарубежный опыт, опирающийся на развитие передовых технологий. Данную стратегию пытается применить Казахстан, которому, как и России, характерна

«сырьевая» экономика. На 2016–2019 гг. прогнозируется ежегодный 5%-й рост казахстанской экономики [4, с. 65].

Благодаря «Стратегии 2010» и «Стратегии 2020» в Казахстане происходит структурная трансформация экономики, разработана долгосрочная программа устойчивого развития до 2050 г., включающая в себя множество отраслевых, региональных и функциональных проектов. На фоне сокращения иностранных инвестиций растет доля внутренних вложений, источниками которых выступают собственные средства предприятий. К 2015 г. они достигли 60% и продолжают расти. В 2010 г. была запущена Государственная программа форсированного индустриально-инновационного развития, то есть изменение вектора инвестиций в пользу обрабатывающей промышленности, доля которой составила 57%, а иностранные инвестиции за 2010–2013 гг. составили 80 млрд. долл. [4, с. 66]. Стимулами совершенствования инвестиционного климата служат налоговые преференции, которые освобождают инвесторов от уплаты корпоративного, подоходного, земельного налога сроком на 10 лет, а также налога на имущество сроком на 8 лет. Предусмотрена государственная инвестиционная субсидия, компенсирующая 30% капитальных затрат при вводе в эксплуатацию [4, с. 67]. Законом утвержден институт омбудсмана для защиты интересов инвесторов. Иностранным инвесторам практически предоставляют гарантии стабильности законодательства, неизменности налоговых ставок в течение 10 лет, прогнозы тарифов, цен на долгосрочный период. В программе индустриального развития Казахстана в 2015–2019 гг. ключевую роль играют квазигосударственный и частный секторы, которые выделяют примерно 6 трлн. тенге, еще 1 трлн. тенге выделяет Национальный фонд [28].

В Казахстане затраты на приобретение новых технологий составили всего 3% в 2012 г., а доля машин и оборудования в них – 67%. Казахстан активно привлекает высококвалифицированных иностранных специалистов и поощряет собственных ученых. В 2010–2013 гг. гранты получили 182 новатора, в 2014 г. – 120 новаторов на 1,8 млрд. тенге, а в целом на реализацию индустриальных и инфраструктурных проектов выделено 150 млрд. тенге [4, с. 68]. Казахстанский

бюджет на 2015 г. предусматривал финансирование приоритетных направлений научной сферы в размере 43 млрд. тенге, из которых на программно-целевое финансирование расходы составили 16 млрд. тенге, на базовое – 5,4 млрд. тенге, на грантовое – 21,6 млрд. тенге [4, с. 68]. При этом планировалось увеличение доли частного капитала в финансировании НИОКР на 25%.

Экспорт Казахстана на 90% состоит из сырьевых товаров, формирующих до 75% ВВП [4, с. 66]. По прогнозам, к 2050 г. ожидается полномасштабное преобразование в наукоемкую модель экономики, удельный вес несырьевой продукции экспорта должен составить 70%. К 2020 г. Национальная экспортная стратегия предусматривает увеличение объема несырьевого экспорта в 1,6 раз.

Стратегия форсированного индустриально-инновационного развития на 2003–2015 гг. рассчитывала на 8%-е темпы ежегодного прироста несырьевого сектора [54]. В 2010 г. удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП составлял 11,3%, в 2012–2013 гг. – 11,4%, в 2014 г. – 12,5% [4, с. 69]. Судя по результатам структурных преобразований, ожидания первой пятилетки новой индустриализации не оправдались, но стоит отметить как выбор правильного вектора развития, так и положительные сдвиги в его сторону. Темпы прироста ВВП в 2011 г. – 6,6%, в 2012 г. – 5%, в 2013 г. – 6,6%, в 2014 г. – 4,3% [35].

Негативно повлияли на результаты первой пятилетки индустриализации непрозрачность финансовых операций, отсутствие координации работ между исполнителями, слабый контроль над финансированием и реализацией целевых программ. Выявленные нарушения по мере реализации программы по развитию горно-металлургической отрасли на 2010–2014 гг. составили 3,1 млрд. тенге; нефтегазового сектора – 3,8 млрд. тенге; нецелевое финансирование программы по содействию технологической модернизации – 13,4 млрд. тенге [4, с. 73].

Казахстан выбрал стратегию высокотехнологического развития, однако к настоящему моменту не оправдывает собственных ожиданий. Одним из наиболее позитивных примеров реформ в развивающихся странах на современном этапе, повлекших положительные структурные сдвиги, является Китай. Он развивался по административно-плановому принципу, но, начиная с 1979 г., осуществлял

постепенный переход к смешанной экономике. Был утвержден законопроект, разрешающий совместные предприятия. Реформы коснулись коллективизации сельского хозяйства, начал расти частный сектор, привлекались иностранные инвестиции, развивался фондовый рынок, расширялись инструменты денежно-кредитной политики. Не обошлось без либерализации цен и внешней торговли, но, в отличие от российской «шоковой терапии», Китай осуществлял реформы постепенно, подкрепляя переход к рыночным отношениям соответствующей институциональной базой.

Благодаря реструктуризации экономики ВВП Китая за 1978–2014 гг. увеличился более чем десятикратно. ВВП Китая по ППС превзошел показатель США в 2014 г., опередив Японию еще в 2001 г. Объем сельскохозяйственной и промышленной продукции Китая превышает показатели США, а совокупная стоимость сектора услуг едва уступает им.

ВВП на душу населения в Китае по-прежнему ниже, чем в большинстве развивающихся стран, но за три десятилетия индустриализации, включающей пятилетние планы, Китай достиг значительных успехов, вследствие чего уже в начале XXI столетия стал космической и ядерной державой. Конечно, подобная успешность во многом является результатом аутсорсинга.

В настоящее время Китай является мировым лидером по производству автомобилей, мобильных телефонов, телевизоров, фотоаппаратов, стиральных машин, мотоциклов, велосипедов. Промышленность и строительство формируют около 50% ВВП, позволяя занимать третье место в мире после ЕС и США по объему промышленного производства. К 2009 г. 8% товаров обрабатывающей промышленности в мире имели китайское происхождение, а в 2010 г. Китай произвел уже 19,8% продукции обрабатывающей промышленности и занял лидирующее положение, сместив с данной позиции США, лидировавших в течение последних 110 лет.

При этом в государственной собственности по-прежнему остаются отрасли промышленности, имеющие стратегическое значение. Доля государственного промышленного производства составляет около 30% ВВП. Вследствие наличия

многомиллионной дешевой рабочей силы Китай стал привлекательной средой для аутсорсинга. Развитые страны специализируются на высоких технологиях, перенося традиционные отрасли промышленности в развивающиеся страны. Китайское промышленное производство росло по 10% в год за последние два десятилетия. Государство производит вооружение, машиностроение, текстиль, сталь, уголь. Ведущими статьями китайского экспорта являются электроника и машиностроение. В 1975 г. в Китае было произведено 140 тыс. автомобилей, в 1985 г. – 450 тыс., в 2002 г. – 3,25 млн., в 2010 г. – 13,9 млн.

Доля Китая в мировом спросе на нефть составляет около 30%. Стратегия энергетической безопасности Китая до 2020 г. подразумевает диверсификацию потребления энергоресурсов и ввод в эксплуатацию мощностей альтернативных источников энергии [98].

Государственная поддержка сельского хозяйства, в котором заняты около 300 млн. человек к 2016 г., предусматривает: полное освобождение от уплаты сельскохозяйственного налога, предоставление крестьянам субсидий и дотаций, государственный заказ с закупкой по фиксированным ценам. При этом расходы в социальный фонд и фонды накопления и административного управления полностью покрывает государство.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

2.1 Статистическая идентификация структурных дисбалансов в российской экономике как результат неэффективности экономической политики

Анализ качества структурных преобразований народного хозяйства, при помощи статистической идентификации ряда макроэкономических показателей, позволяет ответить на вопрос об эффективности заданного вектора социально-экономического развития пореформенной России, опирающегося на равновесный подход и сравнительные преимущества в международной торговле. Методы математического моделирования, популярные в современной экономической

науке, также исходят из статистической информации, на основе которой и составляются вероятные сценарии развития ситуации. Однако математическая тщательность неприемлема для качественного анализа. Нельзя одними лишь количественными параметрами (высотой, весом, количеством воды и минералов в организме) выявить разницу между человеком и крупной медузой, так как мы упустим множество качественных аспектов. Используя только количественные параметры, окажется, что различие между ними состоит в объеме имеющейся воды в их организмах. Также экономическая наука не должна изучать общество исключительно математическими расчетами.

Нобелевский лауреат Р. Фогель доказал, что производство и эксплуатация железных дорог не сыграло важную роль в развитии США в середине XIX века, так как оно увеличило ВВП всего лишь на 2,5% [126]. Но, следуя этой логике, можно заявить о том, что человеческое сердце не является важным элементом организма, поскольку составляет всего 2,5% его веса. Потому нецелесообразно пытаться улучшить социально-экономическое положение в государстве лишь посредством улучшения макроэкономических параметров роста, ограничивая возможности бизнеса, муниципалитетов и населения [99, с. 8]. Важно учитывать макросреду и микросреду. Тем не менее, эконометрические расчеты являются частью экономической науки, поэтому их использование вполне обосновано. В настоящее время существует ряд способов выявления и оценки структурных сдвигов, среди которых и метод евклидова расстояния [7], и стохастический подход, и векторный анализ [3]. Некоторые исследователи прибегают к расчету массы, индекса, скорости и интенсивности структурных сдвигов [64, с. 112-115].

Структурные сдвиги обычно выявляют и оценивают в отраслевом разрезе посредством динамики валового выпуска продукции, накопления основного капитала и движения трудовых ресурсов. Однако, на наш взгляд, ключевым параметром, отражающим структуру экономики, является динамика валовой добавленной стоимости в процентном выражении. ВДС учитывает только часть стоимости, которая формируется непосредственно в отрасли или секторе, давая структуре наиболее объективную оценку.

$$\Delta d^i = d_1^i - d_0^i \quad (2.1.)$$

При этом Δd^i – абсолютное изменение удельного веса i -той отрасли;

d_0^i – удельный вес i -той отрасли в базовом периоде;

d_1^i – удельный вес i -той отрасли в отчетном периоде.

По формуле (2.1.) вычисляется абсолютный показатель роста удельного веса i -той отрасли Δd^i , показывающий разницу в процентах между удельным весом i -той отрасли в отчетном периоде d_1^i и удельным весом i -той отрасли в базовом периоде d_0^i .

$$T\Delta d^i = \frac{d_1^i}{d_0^i} \times 100\% \quad (2.2.)$$

При этом $T\Delta d^i$ – темпы роста удельного веса i -той отрасли.

По формуле (2.2.) можно вычислить показатель темпов роста удельного веса i -той отрасли $T\Delta d^i$, который показывает, на сколько процентов изменился удельный вес i -той отрасли в отчетном периоде d_1^i на фоне базового периода d_0^i .

$$k = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_1 - d_0)^2}{\sum_{i=1}^n (d_1^2 + d_0^2)}} \quad (2.3.)$$

При этом k – интегральный коэффициент структурных сдвигов К. Гатева;

n – количество отраслей.

Обязательным условием является:

$$0 \leq k \leq 1 \quad (2.4.)$$

По формуле (2.3.) вычисляется показатель интенсивности структурных сдвигов k как i -той отрасли, так и группы отраслей, а также структуры в целом. Этот коэффициент К. Гатева может применяться и для сравнительного анализа интенсивности структурных сдвигов регионов.

В отраслевом разрезе структурный сдвиг является положительным, если увеличился удельный вес обрабатывающей промышленности. Но в отдельных случаях, например, если в стране зарождается сфера услуг, включая финансово-посредническую деятельность, то увеличение ее удельного веса можно считать положительным структурным сдвигом. Проблема неразвитости сферы услуг присуща странам третьего мира, которые не вступили в постиндустриальную

стадию развития. Для развивающихся стран увеличение удельного веса сферы услуг, в особенности торгово-посреднического характера, на фоне снижения показателя обрабатывающей промышленности, демонстрирует технический упадок. В условиях «количественного смягчения», активно применяемого ФРС США, мировой потребительский спрос искусственно поддерживался до 2014 г. денежной эмиссией и наращиваем кредиторской задолженности, поэтому в приросте ВВП развивающихся стран значительную роль играло экзогенное расширение сферы услуг. Ввиду наличия экономического роста технологическое отставание развивающихся стран от развитых стран игнорировалось. Но затем кредитный мультипликатор в США снизился до 2,7 п. п., резко возросли инфляционные ожидания. Эмиссионный механизм стимулирования мирового потребительского спроса был исчерпан, расширение сферы услуг оказалось малорентабельным. Но в «экспортно-сырьевых» странах продолжают уповать на глобализацию, и модернизация тормозится целенаправленно. Интенсивная эксплуатация природных ресурсов подавляет стимулы в отраслях с высоким уровнем человеческого капитала, поскольку, чем выше зависимость отрасли от него, тем заметнее она проигрывает от разработки природных ресурсов [97, с. 155]. Низкие цены на нефть провоцируют наращивание нефтедобычи.

Между тем на протяжении многих столетий, начиная от первоначального накопления капитала, развитые страны предпочитали специализироваться на производстве высоких технологий. Таким образом, стандартная экономическая теория, предложившая от лица международных организаций развивающимся странам тезисы «Вашингтонского консенсуса» о выгоде свободной торговли и сравнительных преимуществах, не основывается на пятисотлетнем применении теории эмуляции [63, с. 11]. Опыт структурных преобразований в зарубежных странах и в СССР в период коллективизации и индустриализации наглядно демонстрирует преимущества отказа от экспортно-сырьевого пути развития ради обрабатывающей промышленности.

Сначала А. Серра, затем Дж. С. Милль и А. Тюрго описали тенденции возрастающей и убывающей отдачи, первая из которых свойственна продукции

обрабатывающей промышленности, вторая – сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых. В своем труде «Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии» (1767 г.) Дж. С. Милль пришел к выводу, что рост численности населения неизбежно ведет к обработке менее плодородных земель, поэтому падает урожайность [41]. Когда отношение прироста продукции к приросту капитала в определенной точке достигает максимума, тогда рост равных количеств капитальных затрат создает меньший прирост продукции. Странам, специализирующимся на производстве сырьевых товаров, присуща убывающая отдача. А развитые страны специализируются на продукции с высокой добавленной стоимостью. Чем больше программных обеспечений произведет Microsoft, тем больше сократит издержки и увеличит прибыль. И чем больше пахотных земель задействует сельскохозяйственная компания, тем больше увеличит издержки и сократит выручку.

Неэффективное государственное регулирование и неудовлетворительные результаты рыночных реформ 1990-х гг. повлекли усугубление структурных дисбалансов в России. Принятый «сырьевой вектор» развития необоснованно связывают с эффективностью таких «сырьевых» стран, как Канада и Австралия. Они не одно десятилетие разрабатывали месторождения полезных ископаемых, выстроив на их основе весьма солидную производственную инфраструктуру и воспроизводственный контур. Экспорт сырья активно использовался ими для технологического рывка, поэтому в настоящее время они обладают достаточно конкурентоспособной промышленностью. Но Россия не обладает – ни развитой производственной инфраструктурой, ни достаточными мощностями, которые являются советским наследием и устарели морально и физически. В 2015 г. степень износа основных фондов в России уже достигала 48,8% [77, с. 551].

Удельный вес добывающей промышленности, ориентированной главным образом на экспорт, достаточно велик в Канаде и Австралии, однако затраты на научные исследования и разработки в этих странах превышают аналогичный показатель России. Если в России он составлял 1,09% ВВП в 2014 г., то в Канаде – 1,61% в том же году, а в Австралии – 2,11% в 2013 г. [88, с. 326]. В России

30,5% затрат на исследования и разработки относятся к государственному сектору, для сравнения аналогичный параметр Канады равен 9,2%, Австралии – 11,2%. [88, с. 327]. В данных странах упор делается на развитие передовых технологий и предпринимательства.

На рубеже XX–XXI веков заметно повышался удельный вес сферы услуг в мировом ВВП, и вырисовалась постиндустриальная схема развития. При этом затраты на науку и инновации продолжали расти в развитых и динамично развивающихся странах. Научно-технический прогресс в наибольшей степени сконцентрирован в отраслях обрабатывающей промышленности, сфере высоких технологий, поэтому логично предположить, что мир никогда не отказывался от промышленности. В ведущих постиндустриальных странах последние четверть века сокращался удельный вес обрабатывающей промышленности, но отрасли высоких технологий шестого технологического уклада при этом расширились. Однако в России сложилась тенденция к сокращению расходов на науку и инновации, что не могло не отразиться на потере технологического потенциала. Наглядно это демонстрирует хронический характер сокращения численности персонала в научной сфере, продолжившийся при высоких ценах на нефть и быстром росте прямых иностранных инвестиций и в 2000-е гг.

Таблица 2.1.

Численность персонала научной сферы, тыс. чел.

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Россия	1943,4	1210,6	1007,3	919,7	839,2	802,3
Китай	-	751,7	922,1	1364,8	2882,9	3758,9
Индия	-	-	-	391,2	441,1	528,2
Турция	14,0	18,5	27,0	49,3	92,8	122,3
Бразилия	-	106,0	119,3	196,3	266,7	-
Мексика	-	33,3	-	83,7	-	59,1
Канада	116,1	145,0	167,9	218,6	233,1	226,6
Австралия	69,0	-	95,6	-	147,8	-

Источник: [23, с. 246–247]; [83, с. 356]; [85, с. 305]; [87, с. 320]

В табл. 2.1. представлены страны БРИК, другие крупные развивающиеся страны, и развитые страны с большой долей добывающей промышленности в ВВП. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в России

в 1990 г., более чем в три раза превосходила показатели всех представленных в таблице государств. Многие предприятия до распада СССР были убыточными, поэтому в рыночных условиях не могли выжить, однако «шоковая терапия» не только не исправила структурные диспропорции, но и вовсе усугубила их. Никакая страна выборки, кроме России, не демонстрирует убыль численности научного персонала на протяжении всех отрезков анализируемого периода. Для всех стран и их отрезков, за исключением Мексики и Канады, характерен прирост научных сотрудников. На последнем отрезке в этих странах так же, как в России, зафиксирована убыль.

Темпы роста ВВП развитых стран уступали аналогичным показателям развивающихся стран в последние 25–35 лет ввиду экстенсивного характера развития последних. Свободный капитал экспоненциально перетекал на более доходные развивающиеся рынки. Россия не воспользовалась благоприятной конъюнктурой на сырьевых рынках в 2000–2008 гг. и не форсировала развитие научной сферы, структурную перестройку, поэтому продолжается деградация технологической базы и в настоящее время.

Радикальная рыночная либерализация и учащение коррупции отбросили экономику России на десятилетия назад. Поскольку в условиях глобализации размыты экономические границы различных государств, то появляются широкие возможности для свободной международной интеграции, и национальным производителям приходится конкурировать с крупными транснациональными корпорациями и самыми популярными брендами. Следовательно, особенности формирования внешнего спроса на российскую продукцию во многом зависят от международных стандартов и знак качеств. Важно отметить, что уменьшение удельного веса перерабатывающих отраслей в статьях экспорта характеризует отрицательный структурный сдвиг. Удельный вес экспорта и импорта рассчитаем по формуле:

$$d_{\text{экс.; имп.}} = \frac{V_{\text{экс.; имп.}}}{\text{ВВП}} \times 100\% \quad (2.5.)$$

Где $V_{\text{экс.; имп.}}$ – физический объем экспорта; физический объем импорта.

Таблица 2.2.

Экспорт и импорт российских товаров в ВВП, в процентах

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Импорт	24,2	24,0	21,5	21,1	20,6
Экспорт	27,5	22,7	35,2	29,2	25,7
Баланс товаров и услуг	3,3	-1,3	13,7	8,1	5,1

Источник: таблица составлена автором по данным: [46, с. 30]; [47, с 21]; [49, с. 28-29, 48-49]; [51, с. 22]

В 1995 г. российский экспорт несколько превышал показатель импорта, а в 2000 г. уступал ему. К 2005 г. ситуация резко изменилась в пользу наращивания экспорта в ВВП, но к 2016 г. внешнеторговый баланс сократился почти втрое. Внешнеторговый баланс России за исследуемый период 1995–2016 гг. является положительным, однако статьи экспорта в значительной степени представлены «сырьевыми» товарами: нефтью, природным газом, драгоценными камнями, черными и цветными металлами, древесиной. А статьи импорта представляют собой готовую высокотехнологичную продукцию – машины, оборудование, цифровую вычислительную технику. В экспорте преобладают сырьевые товары, так как машиностроение неконкурентоспособно на внешних рынках. Разрыв между машиностроением и ТЭК увеличивался за исследуемый период, усугубляя структурные диспропорции. Растет и зависимость российской экономики от конъюнктуры нефтяного рынка, поэтому при низких нефтяных ценах расходы консолидированного бюджета России значительно превосходят доходы. На рис. 2.1. изображена товарная структура экспорта, в которой явное превосходство у продукции ТЭК.

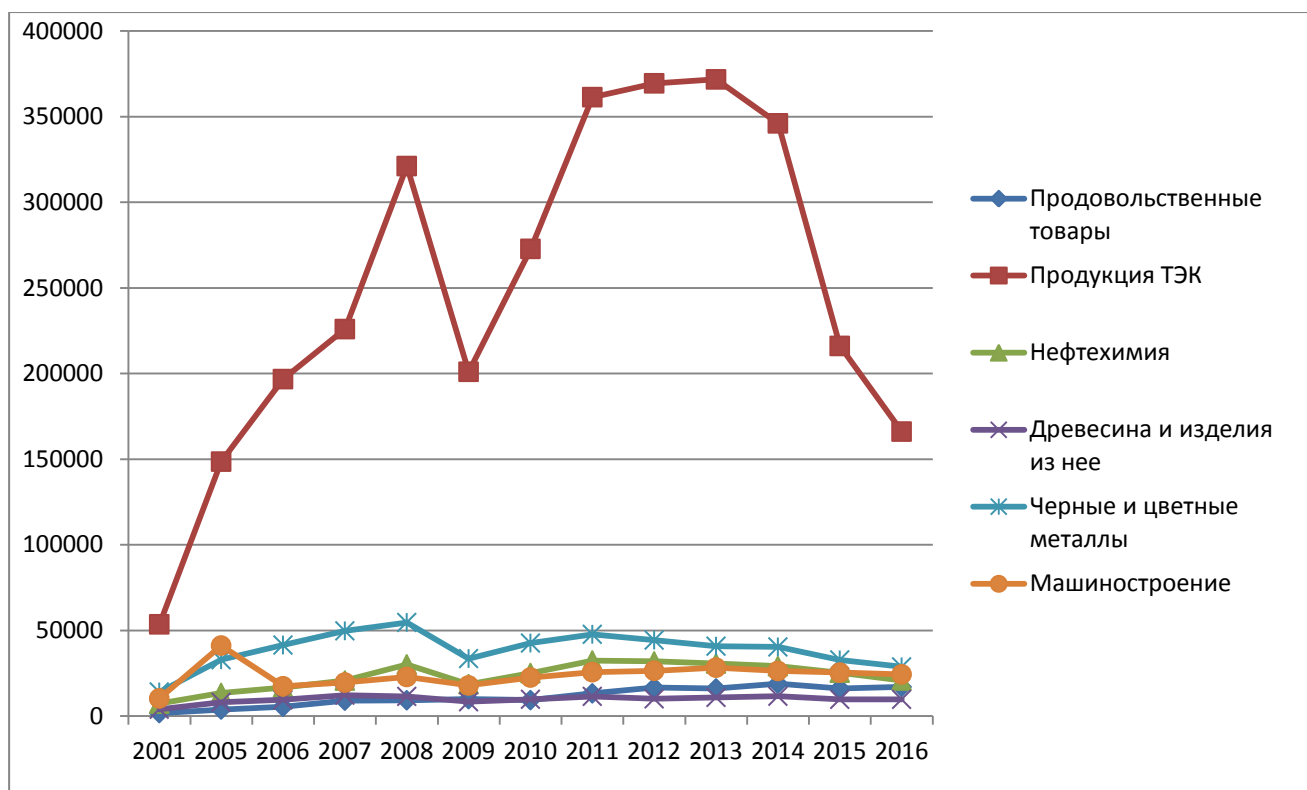

Рисунок 2.1. – Товарная структура экспорта, млн. долл. США
(составлен автором по данным: [72, с. 954]; [74, с. 978]; [75, с. 988];
[76, с. 996]; [77, с. 986]; [78, с. 991]; [79, с. 985]; [80, с. 986];
[81, с. 986]; [82, с. 896]; [83, с. 1252]; [84, с. 1310]; [85, с. 1384])

Структура внешней торговли отражает степень конкурентоспособности различных отраслей национальной экономики на мировом рынке. В 2001–2013 гг. наблюдался экспоненциальный рост экспорта продукции ТЭК – с 53,6 млрд. долл. до 371,8 млрд. долл. Качество российских нефтепродуктов уступает импортным, произведенным на НПЗ Европы и США. Вследствие низкой технологической оснащенности НПЗ в России качество переработки нефтяного сырья остается низким, поэтому экспортная продукция ТЭК представлена в основном мазутом, вакуумным газойлем и прямогонным бензином, и направляется за границу преимущественно в виде сырья для дальнейшей переработки. В 2014–2016 гг. экспорт продукции ТЭК резко снизился вследствие существенного удешевления нефти, сокращения потребления «черного золота» и наложения экономических санкций на Россию. Поскольку в 2014 г. «количественное смягчение» ФРС США

было приостановлено, то мировой производственный и потребительский спрос основательно начали падать. Производители вынуждены сокращать издержки, однако в результате стагнации падает ВВП и растет безработица.

В 2001–2016 гг. наращивание экспорта черной и цветной металлургии заметно уступило наращиванию экспорта ТЭК – с 14,2 млрд. долл. показатель возрос до 28,8 млрд. долл.

Чуть менее изменился экспорт машиностроения, который за тот же период вырос с 10,4 млрд. долл. до 24,4 млрд. долл. Показатель машиностроения едва превзошел показатель нефтехимии, экспорт которой вырос с 7,4 млрд. долл. до 20,8 млрд. долл.

Экспорт продовольствия вырос с 1,8 млрд. долл. до 17,1 млрд. долл., экспорт древесины и изделий из нее – с 4,1 млрд. долл. до 9,8 млрд. долл. В табл. 2.3. рассчитаны абсолютные и относительные изменения удельных весов отраслей в товарной структуре экспорта.

Таблица 2.3.

Товарная структура экспорта России, в процентах

	2001 г.	2016 г.	2001–2016 гг.	
	d_0	d_1	Δd	$T\Delta d$
Топливо-энергетический комплекс	58,7	62,2	3,5	106,0
Черные и цветные металлы	15,5	10,8	-4,7	69,7
Древесина и изделия из нее	4,4	3,7	-0,7	84,1
Продовольственные товары	2,0	6,4	4,4	320,0
Нефтехимия	8,1	7,8	-0,3	96,3
Машиностроение	11,3	9,1	-2,2	80,5

Источник: таблица составлена автором по данным рис. 2.1.

В 2001–2016 гг. наименьшие темпы роста удельного веса зафиксированы в черных и цветных металлах и машиностроении, наибольшие – в продовольствии и ТЭК. Удельный вес машиностроения, передовой отрасли промышленности, уменьшился на 2.2 п.п., удельный вес ТЭК к 2016 г. составил почти 2/3 всего экспорта. Объем экспортируемого продовольствия вырос на 320%. На фоне

масштабной экспансии продукции ТЭК показатели машиностроения, черных и цветных металлов, нефтехимии и древесины снизились. Выраженный тренд ярко иллюстрирует технологический упадок. Темпы роста экспорта машиностроения являются одними из самых низких относительно других отраслей. На рис. 2.2. изображен график товарной структуры импорта.

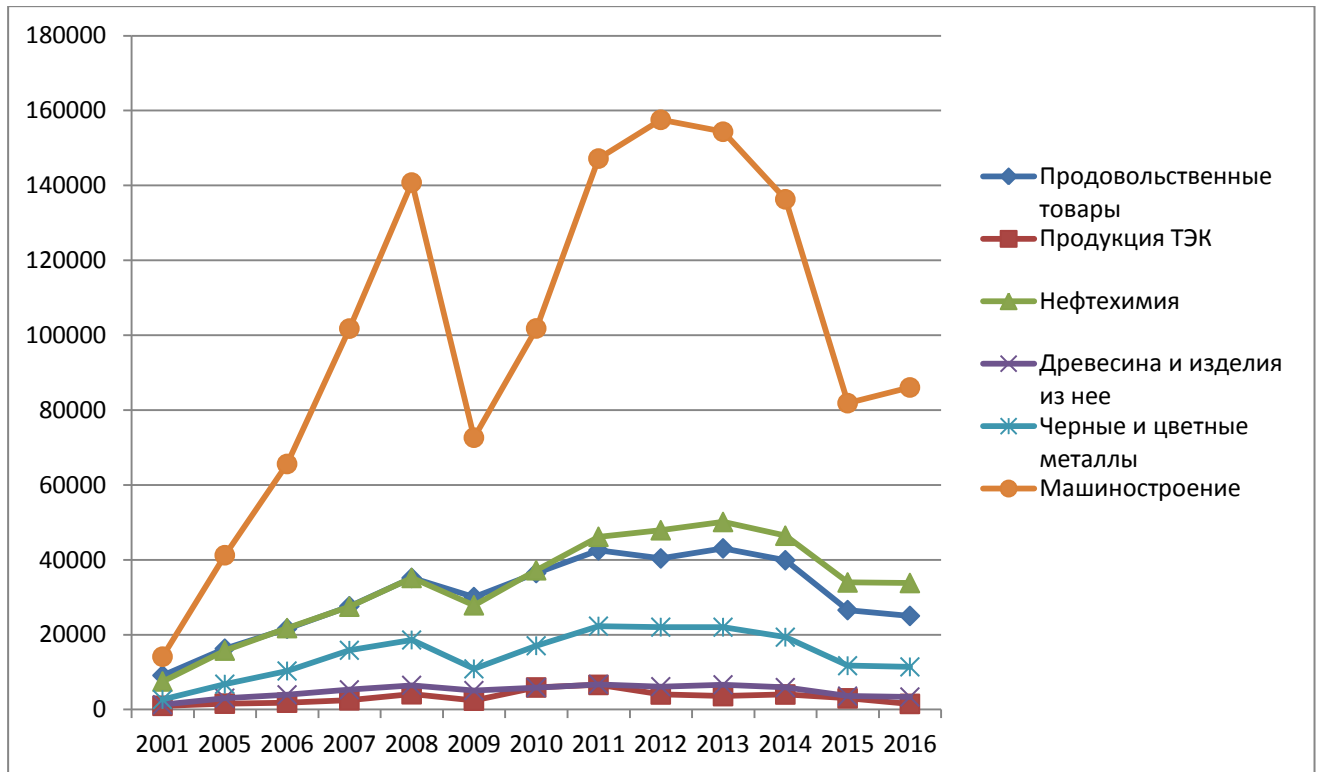

Рисунок 2.2. – Товарная структура импорта, млн. долл. США
(составлен автором по данным: [72, с. 954]; [74, с. 978]; [75, с. 988];
[76, с. 996]; [77, с. 986]; [78, с. 991]; [79, с. 985]; [80, с. 986];
[81, с. 986]; [82, с. 896]; [83, с. 1252]; [84, с. 1310]; [85, с. 1384])

Рисунки 2.1. и 2.2. похожи, однако главное их отличие состоит в том, что в товарной структуре экспорта выделяется кривая продукции ТЭК, а в товарной структуре импорта – кривая машиностроения. Очевидны «сырьевой перекося» экономики России и неконкурентоспособность машиностроения на мировом рынке. В период 2001–2016 гг. импорт машиностроения вырос от 14,2 до 86,1 млрд. долл., нефтехимии – от 7,5 до 33,8 млрд. долл., продовольствия – от 9,1 до 25,0 млрд. долл.

Импорт черных и цветных металлов увеличился с 2,7 до 11,4 млрд. долл., древесины – с 1,3 до 3,4 млрд. долл., продукции ТЭК – с 1,0 до 1,5 млрд. долл.

Зависимость российской экономики от импортных высокотехнологичных товаров усиливается одновременно с ростом удельного веса сырьевых товаров в экспорте. В станкостроении удельный вес импорта составляет 90%, в тяжелом машиностроении – 80%, в легкой промышленности и радиоэлектронике – 90%, в фармацевтике и медицине – 80% [31, с. 44].

Импорт экскаваторов достигает 85%, металлургического оборудования – 75%, нефтегазового – 70%, горного – 40%, бульдозеров, подъемно-транспортного оборудования – 60% [111, с. 39].

Таблица 2.4.

Удельный вес товарной структуры импорта, в процентах

	2001 г.	2016 г.	2001–2016 гг.	
	d_0	d_1	Δd	$T\Delta d$
Топливо-энергетический комплекс	2,8	0,9	-1,9	32,1
Черные и цветные металлы	7,5	7,1	-0,4	94,7
Древесина и изделия из нее	3,6	2,1	-1,5	58,3
Продовольственные товары	25,4	15,5	-9,9	61,0
Нефтехимия	21,0	21,0	0	100,0
Машиностроение	39,7	53,4	13,7	134,5

Источник: таблица составлена автором по данным рис. 2.2.

В структуре импорта положительные темпы роста зафиксированы лишь в машиностроении, в черных и цветных металлах они нулевые. Дифференциация внешней торговли и экспортно-сырьевой перекос демонстрируют структурные дисбалансы экономики России. Не конкурентоспособны отрасли, производящие технически сложную продукцию. Также стоит отметить, что более примитивные формы обретает структура образования ВДС по институциональным секторам. Они выражаются в возрастании удельного веса государственного управления и снижении удельного веса нефинансовых организаций.

В рамки методологии системы национальных счетов укладывается два определения объема ВВП – как суммы ВДС по отраслям и чистых налогов на продукты и как суммы расходов на конечное потребление и инвестиции в ценах конечного потребления [57, с. 12]. В табл. 2.5. использованы ретроспективные данные структуры ВДС по институциональным секторам экономики России.

Удельный вес различных секторов рассчитаем по формуле:

$$d_{\text{ВДС}}^i = \frac{V_{\text{ВДС}}^i}{\Delta V_{\text{ВДС}}} \times 100\% \quad (2.6.)$$

Где $d_{\text{ВДС}}^i$ – удельный вес i -того сектора по ВДС;

$V_{\text{ВДС}}^i$ – физический объем ВДС i -того сектора;

$\Delta V_{\text{ВДС}}$ – физический объем ВДС, всего.

Таблица 2.5.

ВДС по институциональным секторам экономики России, в процентах

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Нефинансовые корпорации	76,1	78,5	74,0	72,5	66,7
Финансовые корпорации	-	1,3	4,1	4,5	3,9
Государственное управление	10,6	7,9	10,2	12,2	14,9
Домашние хозяйства	13,3	10,7	11,3	10,5	14,3
Некоммерческие организации	-	0,4	0,4	0,3	0,2
ВДС, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: таблица составлена автором по данным: [45, с. 84-85]; [46, с. 43-44]; [50, с. 28-29, 48-49]; [51, с. 62]

Рыночная самоорганизация и радикальная либерализация способствовали выхолащиванию технологически сложных производственных кластеров и возникновению множества коммерческих банков, страховых компаний и иных финансово-посреднических организаций. Финансовая деятельность в период расцвета постиндустриальной экономики стала достаточно привлекательной сферой деятельности по причине высокой доходности, предоставляющая своим участникам возможности для стремительного обогащения. Роль финансового посредничества существенна для развития товарно-денежных отношений, но проблема состоит в увеличении его удельного веса в ВДС на фоне сокращения аналогичного показателя нефинансового сектора.

С 2000 г. удельный вес государственного управления в ВДС неизменно повышается, нефинансовых корпораций снижается. При этом эффективность государственного управления падает, так как в условиях тотальной коррупции появляется больше административной волокиты и почвы для злоупотреблений. Кроме прочего, чиновники фактически не несут ответственность за результаты профессиональной деятельности. Очевидна деморализация производственного сектора экономики и усиление внешней технологической зависимости.

Особое место в исследованиях структурных сдвигов занимает аналитика динамики отраслевой структуры ВВП. Формула расчета ВВП имеет вид:

$$\text{ВВП} = \text{ВДС} + \text{Н}_{\text{пр.}} \quad (2.7.)$$

Где ВДС – валовая добавленная стоимость;

$\text{Н}_{\text{пр.}}$ – налоги на продукты.

Многие исследователи анализируют отраслевую динамику по показателю валового выпуска продукции. На основе полученных результатов выявляется структурное запаздывание, равновесие или опережение. Однако эти параметры связаны с равномерностью или неравномерностью прироста продукции, либо обновления основных фондов, либо движения трудовых ресурсов. То есть ими нивелируется приоритетность обрабатывающей промышленности, в которой в наибольшей степени сконцентрированы НТП и ядра шестого технологического уклада, представленные микроэлектроникой и геной инженерией, атомной промышленностью и нанотехнологиями.

В исследовательской базе довольно освещены труды, согласно которым выявлена и обоснована зависимость экономического роста и некоторых других макроэкономических параметров России от динамики цен на энергоресурсы. Очевидно, что чем выше цены на нефть и природный газ, тем выше и темпы прироста ВВП, капитальных инвестиций, денежных доходов домохозяйств и прибыли предприятий. Но как динамика нефтяных цен влияет на добывающие и обрабатывающие отрасли? Ответ на этот вопрос позволит определить влияние высоких нефтяных цен на технологическое оснащение и преобразование России.

Среднегодовые нефтяные цены марки Brent рассчитаем по формуле:

$$P_{\text{ср.}} = \frac{P_1 + P_2 + P_n}{n} \quad (2.8.)$$

Где n – количество месяцев в году.

Удельный вес различных отраслей рассчитаем по формуле (2.6.), но вместо данных институциональной структуры ВДС подставим данные из отраслевой структуры ВДС. Темпы роста удельного веса в процентах к предыдущему году рассчитаем по формуле (2.2.).

Таблица 2.6.

Изменение промышленных отраслей в ракурсе динамики нефтяных цен

	Среднегодовая цена на нефть марки Brent в долл./бarr.	Добывающая промышленность		Обрабатывающая промышленность и услуги в промышленности	
		Удельный вес по ВДС в процентах	Темпы роста в % к предыд. году	Удельный вес по ВДС в процентах	Темпы роста в % к предыд. году
2001 г.	24,46	6,8	-	23,4	-
2002 г.	25,03	6,7	98,5	20,8	88,9
2003 г.	28,87	6,6	98,5	20,0	96,2
2004 г.	38,27	9,5	143,9	21,1	105,5
2005 г.	54,50	11,1	116,8	21,6	102,4
2006 г.	65,38	10,9	98,2	21,1	97,7
2007 г.	73,09	10,1	92,7	20,6	97,6
2008 г.	98,49	9,3	92,1	20,3	98,5
2009 г.	62,71	8,5	91,4	19,0	93,6
2010 г.	80,31	9,6	112,9	18,7	98,4
2011 г.	110,48	10,7	111,5	19,7	105,3
2012 г.	111,42	11,0	102,8	18,3	92,9
2013 г.	108,41	10,4	94,5	18,6	101,6
2014 г.	99,54	10,3	99,0	19,0	102,2
2015 г.	53,9	9,7	94,2	16,7	87,9
2016 г.	45,1	9,4	96,9	16,8	100,6

Источник: таблица составлена автором по данным: [18]; [47, с. 74]; [48, с. 64]; [49, с. 133]; [51, с. 131]

По данным табл. 2.6. видно, что темпы роста удельного веса той или иной отрасли промышленности не пропорциональны к изменению вектора нефтяных цен. Показатели добычи в процентах к предыдущему году то превосходили, то уступали аналогичным показателям обработки независимо от динамики цен на нефть. Но если объединить следующие друг за другом годовые показатели роста цен на нефть и отделить их от периодов спадов, то в результате получим тенденцию, согласно которой в период последовательного роста нефтяных цен

показатели темпов роста добывающей промышленности опережают аналогичные совокупные показатели обрабатывающей промышленности и промышленных услуг (табл. 2.7.).

Выделим четыре периода нефтяных цен, разграниченных изменением их динамики. Формула расчета отраслевых темпов роста удельного веса каждого из выделенных периодов выглядит следующим образом:

$$T\Delta d_{\text{общ.}} = (I_{Td_1} \times I_{Td_2} \times I_{Td_n}) \times 100\% \quad (2.9.)$$

При этом $I_{Td_{1,2,n}}$ – индекс темпов роста удельного веса отрасли в процентах к предыдущему году.

Таблица 2.7.

Влияние нефтяных цен на отрасли российской промышленности

	Вектор движения нефтяных цен марки Brent	Темпы роста удельного веса добывающей промышленности в процентах	Темпы роста удельного веса обрабатывающей промышленности и услуг в процентах
2001–2008 гг.	↑	136,7	86,8
2008–2009 гг.	↓	91,4	93,6
2009–2012 гг.	↑	129,4	96,3
2012–2016 гг.	↓	85,4	91,8

Источник: таблица составлена автором по данным табл. 2.6.

Согласно данным табл. 2.7. в периоды подъема нефтяных цен темпы роста удельного веса добывающей промышленности превосходят соответствующий показатель обрабатывающей промышленности и промышленных услуг. В периоды падения нефтяных цен темпы роста удельного веса добычи полезных ископаемых уступают аналогичному показателю обработки и промышленных услуг. Несмотря на то, что динамика удельного веса ВДС различных отраслей промышленности зависит не только от вектора движения нефтяных цен, но также от государственного регулирования и помощи, внутреннего и внешнего спроса потребителей, внутриотраслевой инфляции, инвестирования и многих других факторов, полученные в табл. 2.7. результаты расчетов весьма когерентны и примечательны. Отсюда следует вывод о том, что в условиях повышения цен на энергоресурсы структура российской экономики становится примитивней, так

как темпы роста удельного веса добывающей промышленности оказываются выше аналогичного показателя обрабатывающей промышленности и услуг.

Рассмотрим отраслевую динамику удельного веса инвестиций в основной капитал. Дихотомию промышленности представим в виде добычи топливно-энергетических ресурсов и машин и оборудования, поскольку первая отрасль является ключевым звеном сырьевой направленности экономического развития, вторая – максимально технически и технологически оснащенной. Удельный вес капитальных инвестиций для отраслей машин и оборудования и ТЭК рассчитаем по формуле:

$$d_{\text{инв.}}^i = \frac{V_{\text{инв.}}^i}{\Delta V_{\text{пром. инв.}}^i} \times 100\% \quad (2.10.)$$

Где $V_{\text{инв.}}^i$ – физический объем капитальных инвестиций в i -той отрасли;

$\Delta V_{\text{пром. инв.}}^i$ – всего капитальных инвестиций в промышленности.

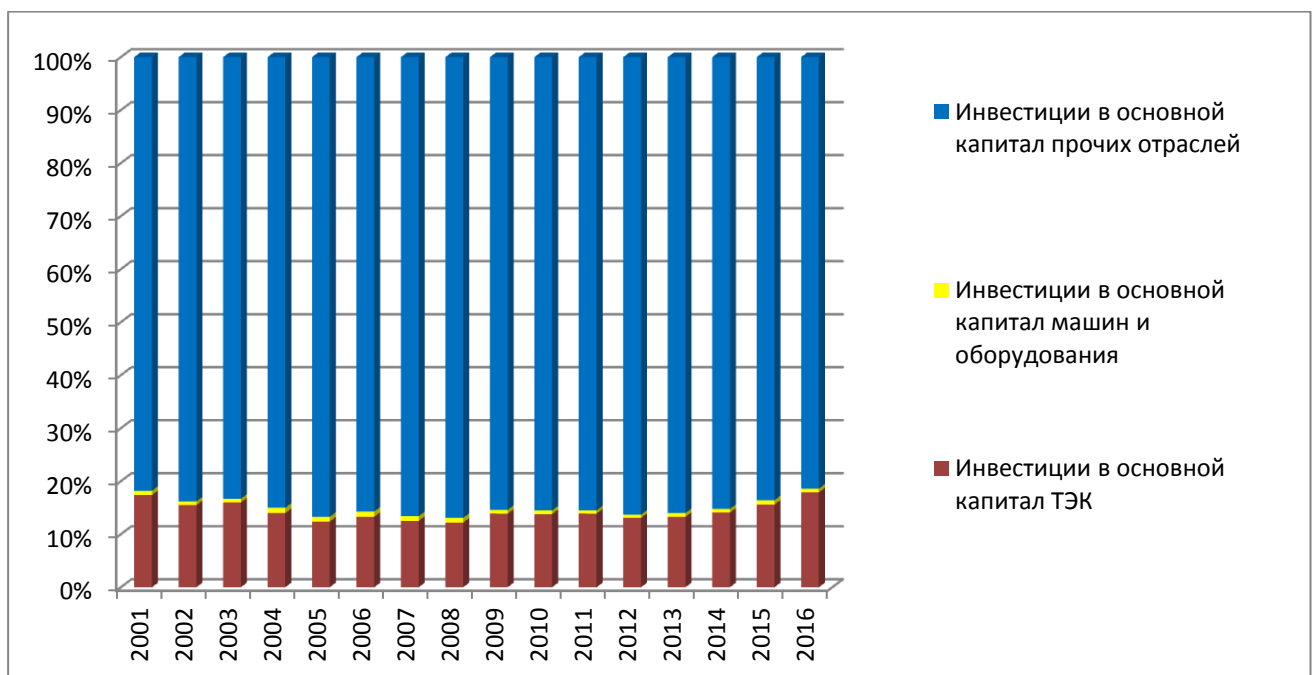

Рисунок 2.3. – Удельный вес капитальных инвестиций в отраслевой структуре экономики России (разработан автором по данным:

[79, с. 403-406]; [80, с. 480-483]; [81, с. 428-430])

Согласно диаграмме на рис. 2.3. удельный вес капитальных инвестиций в предприятия отрасли машин и оборудования варьируется на протяжении всего исследуемого периода в диапазоне 0,6–1%. В 2001 г. показатель составил 0,8%, а

в 2016 г. – 0,7%. Показатель ТЭК снижался до 2009 г., но затем стал возрастать. Если в 2001 г. он составил 17,4%, то в 2016 г. достиг 17,9%.

Исходя из вышеизложенных данных, следует вывод о том, что период высоких цен на энергоресурсы не способствовал форсированию технического и технологического развития России. Инвесторы не стали переориентироваться с вливаний в экспортно-сырьевую сферу на вливания в инновационные проекты и высокотехнологичные производственные кластеры. Несколько вырос удельный вес прочих отраслей в совокупности, которые по большей части представляют собой среднетехнологичный сектор. Более подробно эти отрасли представлены в табл. 2.8. и 2.9., и рассчитаны по формуле (2.6.).

Таблица 2.8.

Удельный вес по ВДС отраслей, производящих товары, в процентах

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Промышленность	32,8	33,0	31,0	26,2
Сельское хозяйство, охота, рыболовство	6,8	5,5	4,0	4,8
Строительство	6,6	5,4	5,7	6,2
Производство товаров, всего	46,2	43,9	40,7	37,2

Источник: таблица составлена автором по данным: [46, с. 43-44]; [49, с. 65, 85]; [51, с. 93]

В период 2000–2016 гг. удельный вес производства товаров снизился на 9 п.п. и составил 37,2%. Наиболее существенно спад ощутили сельское хозяйство и промышленность, а удельный вес строительства снизился всего на 0,4 п.п. В промышленности спад стал следствием выхолащивания высокотехнологичных отраслей, рентабельность в которых существенно снижается при высокой инфляции и завышенной ключевой ставке Банка России. Вступление России в ВТО в статусе развитой страны заблокировало налоговые и иные льготные преференции, что не могло не отразиться на снижении конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей [37, с. 147]. Кризис высокотехнологичного сектора приобретает перманентный характер, поскольку требует огромных вложений при больших рисках и сроках окупаемости.

В США и Западной Европе центральные банки осуществляют политику «количественного смягчения», несмотря на эфемерность данного инструмента стимулирования инвестиционного механизма. В 2014 г. масштабы денежной

эмиссии ФРС и ЕЦБ заметно сузились, отразившись на падении реальных доходов потребителей и конечного спроса. Упали цены на энергоресурсы и замедлились темпы роста ВВП России. Его реальные значения в процентах к предыдущему году снизились сначала с 4,3 в 2011 г. до 3,4% в 2012 г., затем – до 1,3 в 2013 г. и 0,6 в 2014 г. По итогам 2015 г. был зафиксирован спад на 2,5% ВВП, по итогам 2016 г. – на 0,2% ВВП. Оживление промышленности в России в период 2010–2012 гг. носило временный характер, вернувшись к траектории стагнации в 2013 г., с момента падения цен на энергоресурсы.

США, Великобритания, Франция, Германия, Япония, иные ныне развитые страны десятки лет в период Промышленной революции тщательно защищали внутренние рынки и в частности промышленное производство от конкурентов. Вследствие протекционистской политики им удалось нарастить существенные конкурентные преимущества в ключевых факторах первых технологических укладов. Китай, в свою очередь, в последней четверти XX века проигнорировал советы таких авторитетных международных организаций, как МВФ и Всемирный банк, и, разработав собственную стратегию долгосрочного экономического развития, к началу XXI века вплотную приблизился по емкости экономики к США, лидировавшими с конца ВМВ. В Азербайджане, который в последние годы динамично развивается, доля промышленности почти вдвое превосходит показатель России [32, с. 27].

Таблица 2.9.

Удельный вес сферы услуг в ВДС, в процентах

	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Оптовая и розничная торговля	19,1	18,2	15,9
Гостиницы и рестораны	0,9	1,0	0,8
Транспорт и связь	10,0	9,7	7,8
Финансовая деятельность	3,9	4,4	4,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,6	11,4	17,2
Государственное управление, оборона	5,1	6,2	7,9
Образование	2,6	3,1	2,6
Здравоохранение и социальные услуги	3,1	3,7	3,8
Прочие коммунальные и социальные услуги	1,8	1,7	2,3
Всего услуг	56,1	59,3	62,8

Источник: таблица составлена автором по данным: [49, с. 65, 85]; [51, с. 93]

Удельный вес сферы услуг равномерно увеличивался в мире со времени кризиса американской экономики в 1970-х гг. В 1971 г. президент США Р. Никсон отменил конвертируемость доллара к золоту, однако экономика продолжила регрессировать, вследствие чего кейнсианство потеряло позиции и привело к возрождению неоклассической экономической теории. В середине 1970-х гг. в США происходил беспрецедентный одновременный спад производства и рост инфляции, названный стагфляцией, совпавшей с фазой завершения четвертого технологического уклада. Поток значительной части избыточного капитала в динамично развивающуюся сферу услуг был неизбежен. Мировая экономика вступила в постиндустриальную стадию, в которой высокими темпами росла сфера услуг, но технологическими ядрами пятого уклада стали программное обеспечение и микроэлектроника. Бурный рост сферы услуг в развитых странах был обусловлен широким распространением телекоммуникаций, продлившимся до глобального экономического кризиса 2008–2009 гг.

Однако Россия не является экономически развитой страной, поэтому столь высокий удельный вес сферы услуг в ВВП связан, прежде всего, с деградацией и частичной ликвидацией высокотехнологичного промышленного производства. Причем быстрее всего росли финансовые услуги, государственное управление, операции с недвижимостью, аренда и консалтинг. Услуги социальной сферы – образование и здравоохранение – совокупно продемонстрировали небольшой рост. Финансовая деятельность, оптовая, розничная торговля формируют более 20% ВВП, однако столь значительная доля финансовых услуг и торговли не соответствует их реальному вкладу в экономику России [57, с. 16]. Еще одна существенная причина гипертрофированного роста сферы услуг представляет собой передачу российскими фирмами продукции оффшорным трейдерам по демпинговым ценам в целях уменьшения налогооблагаемой базы, в результате чего прибыль фиксируется на счетах торговли или финансово-посреднических услуг.

Регресс научной сферы, доминирование машиностроения и оборудования в импорте и топливно-энергетического комплекса в экспорте, увеличение доли добывающей промышленности и финансово-посреднических услуг на фоне сокращения обрабатывающей промышленности, являются следствием крайне неэффективной экономической политики России. Но последний пункт присущ не только структуре российской экономики, но и структуре экономики стран БРИК и иных развивающихся стран, являющихся региональными лидерами. В табл. 2.10. рассмотрим формирование ВДС по видам экономической деятельности в различных странах для выявления вектора структурных сдвигов. Удельный вес различных отраслей рассчитаем по формуле (2.6.).

Таблица 2.10.

ВДС по видам экономической деятельности, в процентах

Год	1	2	3	4	5	6	7
Россия							
1990	17,9	39,9	26,6	10,3	6,7	10,5	14,7
2000	6,8	32,9	22,4	6,6	23,9	9,1	20,8
2010	3,9	28,2	14,8	6,5	21,0	9,2	31,3
2016	4,8	26,2	13,7	6,2	16,7	7,8	38,3
Китай							
1990	26,8	36,7	-	4,4	8,9	6,5	16,6
2000	15,1	40,4	-	5,6	10,4	6,2	22,4
2010	10,1	40,0	32,5	6,6	10,9	4,8	27,6
2016	8,9	33,3	27,5	6,7	11,3	4,5	35,3
Индия							
1990	30,0	22,3	17,2	5,3	12,5	6,5	23,5
2000	23,2	20,7	15,8	5,7	14,4	7,7	28,3
2010	17,9	19,6	15,1	8,1	17,0	7,3	30,2
2016	17,4	21,2	16,5	7,6	11,5	6,9	35,4
Турция							
1990	13,4	32,4	29,1	6,6	17,0	10,3	20,3
2000	10,8	24,6	21,4	5,4	16,1	13,0	30,1
2010	9,5	21,8	17,6	4,7	15,2	14,4	34,5
2016	7,0	22,3	18,8	9,7	15,8	11,3	33,8
Бразилия							
1990	10,1	29,9	25,5	7,1	7,1	4,9	40,9
2000	5,6	22,2	17,2	5,5	18,3	8,5	39,9
2010	5,3	22,4	16,2	5,7	20,4	8,2	38,0
2016	5,1	18,7	12,5	6,1	15,8	8,1	46,2
Мексика							
1990	7,3	34,5	19,7	5,5	20,0	7,0	25,8
2000	4,0	31,2	20,5	7,7	18,1	9,1	29,8
2010	3,3	30,1	17,3	8,2	17,1	9,0	32,2

2016	3,6	23,4	17,9	7,9	22,2	8,2	34,8
Канада							
1990	2,8	23,9	16,5	6,6	14,2	7,0	43,0
2000	2,3	28,2	19,2	5,0	13,3	7,0	44,2
2010	1,4	21,1	11,1	7,4	12,9	8,7	48,5
2016	1,7	20,5	10,3	8,0	12,4	7,5	49,9
Австралия							
1990	3,5	23,0	13,7	7,3	13,2	9,0	44,0
2000	3,8	20,3	12,1	5,6	13,2	9,1	48,0
2010	2,5	20,6	8,0	8,0	11,8	8,1	49,0
2016	2,5	17,1	6,7	8,6	11,5	8,1	52,3

Примечание: 1. Сельское хозяйство, охота, рыболовство. 2. Промышленность. 3. Обрабатывающая промышленность. 4. Строительство. 5. Торговля, рестораны и отдых. 6. Транспорт и связь. 7. Государственное управление, финансовая деятельность, аренда и другие виды экономической деятельности, относящиеся преимущественно к услугам.

Источник: таблица составлена автором по данным: [118]

В табл. 2.10. приведены данные международного сопоставления ВДС по видам экономической деятельности, позволяющие статистически зафиксировать степень разнородности структуры российской экономики по отношению к иным крупным развивающимся экономикам. За исследуемый период 1990–2016 гг. удельный вес сельского хозяйства сократился во всех анализируемых странах. Теоретически существенное снижение доли российского сельского хозяйства не кажется деморализующим фактором, так как, во-первых, структура глобальной экономики меняется в сторону технологически сложных производственных кластеров, а во-вторых, на роль продовольственных поставщиков все больше претендуют страны третьего мира. Однако в России доля сельского хозяйства снижалась при наличии еще одной причины – ликвидации колхозов и совхозов. Замещение внутренней сельскохозяйственной продукции импортом оказалось в России широкомасштабным. В некоторых крупных развивающихся странах производство сельскохозяйственной продукции росло, несмотря на сокращение его удельного веса в ВВП. Сельское хозяйство не является системообразующей отраслью шестого технологического уклада, однако, в свете развития генной инженерии, может улучшить свои позиции в формировании ВВП.

Все страны, специализирующиеся в системе международного разделения труда посредством имеющихся у них «сравнительных преимуществ» в основном

на производстве сельскохозяйственной продукции, являются странами третьего мира. Разрыв по уровню жизни между самыми богатыми и самыми бедными странами не сокращается, но только увеличивается.

Иной негативный момент радикальной либерализации экономики России заключается в деиндустриализации, повлекшей резкое снижение удельного веса обрабатывающей промышленности в ВВП. Он снижался и в развитых странах, включая Канаду и Австралию, которые посредством аутсорсинга переносили низкотехнологичные и среднетехнологичные предприятия в развивающиеся страны, сокращая затраты на трудовые ресурсы. Однако в Китае удельный вес обрабатывающей промышленности составляет 27,5%, в Индии он снизился в период 1990–2016 гг. всего лишь на 0,7 п.п. и составляет 16,5%.

Последствия бесконтрольной эскалации финансово-посреднических услуг отразились во всем мире и привели к структурным деформациям экономики. В настоящее время более 50% прибавочной стоимости формируется в сферах торговли, финансовых и посреднических услуг. Механизм перераспределения доходов крайне неэффективен.

Проблемы российской экономики связаны как с ошибками во внутреннем управлении, так и с неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, которая сложилась в период острой фазы мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. и продолжается в настоящее время. Однако, несмотря на все сложности, Россия обладает достаточным потенциалом для возобновления экономического роста. Локомотивом выхода на новую длинную волну роста может быть новая индустриализация, подкрепленная устойчивой финансовой системой и защитой ключевых секторов внутреннего рынка от спекулятивного капитала и внешней конкуренции.

Современная экономическая теория утверждает, что свободная торговля, свободное движение капитала и трудовых ресурсов обеспечат выравнивание цен на производственные факторы. Данное утверждение не находит эмпирического подтверждения, поэтому обеспеченные люди советуют своим детям получить высшее образование и стать юристом, экономистом, врачом, не идти в ресторан

мыть посуду в соответствии со своим «сравнительным преимуществом». Советы этих же экономистов для развивающихся стран и стран Африки совсем другие. Согласно неоклассической теории, «страна посудомоек и чистильщиков обуви» гарантированно сравнится по уровню благосостояния со «страной инженеров и биржевых брокеров». В реальности бедные страны больше отстают от богатых стран.

2.2 Влияние структурных сдвигов на макроэкономические параметры

Отрицательные структурные сдвиги усиливают технологическое отставание развивающихся стран от развитых стран. Изменения удельного веса по видам экономической деятельности различных стран отражаются на данных табл. 2.11., описывающей темпы роста этих стран.

Темпы роста ВВП рассчитаем по формуле:

$$T'_{\text{ВВП}} = I_{T_{\text{ВВП}_1}} \times I_{T_{\text{ВВП}_2}} \times I_{T_{\text{ВВП}_n}} \times 100\% \quad (2.11.)$$

Где $T'_{\text{ВВП}}$ – темпы роста ВВП, объединенные в один период;

$I_{T_{\text{ВВП}_{1,2,n}}}$ – годовые индексы темпов роста ВВП.

Таблица 2.11.

Темпы роста ВВП ряда стран в сопоставимых ценах, в процентах

Годы	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2010	2010–2016
Россия	62,1	106,6	134,7	119,0	105,8
Китай	172,3	145,9	157,5	170,1	155,5
Индия	123,4	133,3	140,8	151,7	147,8
Турция	116,8	121,6	125,0	117,2	127,5
Бразилия	-	-	-	124,4	101,0
Мексика	-	130,8	109,9	108,8	117,5
Канада	-	119,6	113,4	106,1	112,9
Австралия	-	123,9	116,8	114,6	116,9

Источник: таблица составлена автором по данным: [82, с. 48-49]; [83, с. 81-82]; [84, с. 79-80]; [86, 80-81]; [116]

ВВП в сопоставимых ценах отражает динамику экономического роста с учетом инфляции. В период 1990–2000 гг. реальный ВВП России значительно спал, однако удельный вес торговли, финансовых услуг и государственного управления увеличился, обрабатывающей промышленности – снизился. Самые высокие темпы роста реального ВВП демонстрирует Китай, в котором в период 1990–2016 гг. доля обрабатывающей промышленности хотя и снизилась, но на небольшую величину. Обрабатывающая промышленность Китая представляет собой ключевое звено хозяйственной системы страны, обеспечивающее создание огромного множества рабочих мест. Канада и Австралия являются развитыми странами, в хозяйственной структуре которых «сырьевые» отрасли занимают значительную нишу, поэтому панегиристы и лоббисты глобализации считают,

что «сырьевой» путь развития для стран, обладающих огромными запасами природных ресурсов, должен быть приемлемым. В противовес данной гипотезе свидетельствуют статические данные и расчеты, представленные в табл. 2.6. и 2.11. В периоды высоких нефтяных цен темпы экономического роста России опережают аналогичные показатели Канады и Австралии, а в периоды низких нефтяных цен соответствующий показатель России уступает соответствующему показателю этих стран. Отсюда следует вывод о том, что Канада и Австралия однозначно менее зависимы от экспорта нефти, нежели Россия. Либеральные экономисты отнюдь не стремятся принижать значимость инноваций и высоких технологий, но продолжают прогнозировать перспективы экономики России в рамках ожиданий благоприятной конъюнктуры на нефтяных рынках. Россия и Бразилия испытывают критическую зависимость от нефтяных цен, поэтому они демонстрируют схожие показатели в табл. 2.11.

Развивающиеся страны, которые берут курс на индустриальное развитие, менее волатильны к финансовой турбулентности, чем развивающиеся страны, примитивизирующие свое производство. Ярчайшим примером приоритетности индустриального пути развития для стран с переходной экономикой является Китай, в котором удельный вес обрабатывающей промышленности, образования и здравоохранения превышает совокупный показатель операций с недвижимым имуществом, консалтинга, аренды, финансовой деятельности, государственного управления.

Несмотря на высокие темпы роста ВВП в России в период 2000–2008 гг., структурные дисбалансы усиливались от снижения доли высокотехнологичных отраслей и роста зависимости от цен на энергоресурсы. При высоких нефтяных доходах Россия не совершила технологического рывка посредством развития научной сферы и наращивания инновационного производства. Устойчивость российского фондового рынка во многом зависит от конъюнктуры нефтяного рынка. Падение нефтяных цен поощряет инвесторов сужать инвестиционные портфели, избавляясь от акций российских компаний. Последствия глобального экономического кризиса отразились в России в середине 2009 г., сразу после

падения цен на нефть, однако при этом спад ВВП оказался самым сильным по сравнению с развитыми и развивающимися странами. Зависимость российского фондового рынка РТС от цены нефтяной марки Urals в 2008 г. стала более определенной, коэффициент детерминации вырос на 0,9 в 2012 г. [56, с. 27].

В последнее десятилетие страны БРИК, за исключением России, старались снизить энергоемкость и сократить производственные издержки. В российской экономике не произошло серьезных изменений. В результате временного скачка вверх нефтяных цен в 2010 г. прирост реального ВВП составил 4,5%, в 2011 г. – 4,3%, но в 2012 г. рост глобальной экономики замедлился, и стало понятно, что рецессия затянется на долгий период. В 2012 г. прирост ВВП в России снизился до 3,4%, а цены на нефть перестали расти и у российских компаний возникли проблемы с обслуживанием кредитов и инвестиций. В 2013 г. прирост реального ВВП составил 1,3%, в 2014 г. – 0,6%. В следующие пару лет был зафиксирован спад ВВП. Так, макроэкономические показатели не являются ориентиром для инвесторов на российском фондовом рынке, они предпочитают инвестировать в добывающие отрасли, причем в периоды высоких нефтяных цен.

Таблица 2.12.

Темпы роста ВВП в текущих ценах, в национальных валютах

Годы	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2010	2010–2016
Россия	239,3	511,3	296,5	214,3	188,9
Китай	324,2	153,6	189,0	217,2	187,0
Индия	227,5	176,6	170,3	211,5	198,5
Турция	197,7	215,3	389,5	169,3	249,2
Бразилия	646,1	170,2	182,7	176,0	173,9
Мексика	177,3	299,1	211,6	141,4	156,3
Канада	-	130,1	127,3	118,4	127,4
Австралия	-	133,3	137,7	139,2	131,2

Источник: таблица составлена автором по данным: [82, с. 45-47]; [83, с. 77-80]; [84, с. 75-78]; [86, с. 77-79]; [117]; [118]

В таблице 2.12. рассмотрен ВВП России и ряда стран в текущих ценах, без учета инфляции. Российский ВВП в текущих ценах в 1990–1995 гг. намного превышает ВВП в сопоставимых ценах. В России этот разрыв больше, чем в остальных странах, что объясняется более высокой инфляцией. Далее ВВП России в текущих ценах также значительно опережает показатель Китая и Индии

в 1995–2000 гг. В результате дефолта 1998 г. рубль подвергся обесценению в несколько раз, вследствие чего импортные товары значительно подорожали, но посредством использования консервированных производственных мощностей, внутреннее производство экстенсивно наращивалось. Реальный ВВП России значительно уступает аналогичному показателю не только Китая и Индии, но и остальных стран, поэтому роль инфляции в номинальном увеличении ВВП в 1990–2000 гг. превалирует.

В период экономического бума 2000–2005 гг. в развивающихся странах, ставшего возможным благодаря эскалации глобализации и международной интеграции, широкое распространение получили аутсорсинг и кооперационные связи. Внутренние рынки развитых стран были предельно насыщены товарами доминирующего пятого технологического уклада, развивающиеся страны стали ареалом интенсификации ее ключевых факторов. Концессионные соглашения с крупными транснациональными корпорациями поощряли приток капитала и мощностей в развивающиеся страны. В России экономический рост обеспечили высокие темпы роста нефтяных цен и бурный рост экспортно-ориентированной добывающей промышленности.

От воздействия синергетического эффекта развивались смежные отрасли, получившие достаточный спрос для наращивания производства и мощностей, привлекались прямые иностранные инвестиции на обновление технического парка, закупку оборудования и геологоразведочные работы энергетических компаний. Сложившаяся благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позволила России увеличить реальный ВВП в 2000–2005 гг. на 34,7%. Этот показатель уступал лишь аналогичным показателям Китая и Индии, однако экспоненциальный рост цен на энергоресурсы не мог быть устойчивым, потому было вполне понятно, что вскоре исчерпает себя. Рост глобальной экономики продолжался до 2008 г., но затем «лопнул пузырь» на рынке недвижимости, вызвавший финансовый кризис. Если номинальный прирост ВВП России в период 2005–2010 гг. находится на одном уровне с аналогичными показателями Китая и Индии, то в сопоставимых ценах он значительно уступает им. Несмотря

на все старания Банка России в борьбе с инфляцией, она по-прежнему остается неприемлемой. В данной связи вполне обоснована критика действующего монетарного механизма со стороны ряда экономистов нелиберального крыла.

В период 2010–2016 гг. темпы роста номинального ВВП России уступают показателям Индии, Турции, превосходя показатели Китая, Бразилии, Мексики, Канады и Австралии. Однако в соотношении номинального и реального ВВП показатель России превосходит показатели всех остальных стран, показатель Бразилии находится на втором месте. Отсюда следует вывод о том, что, во-первых, инфляция выше в странах, зависимых от экспорта сырой нефти; во-вторых, таргетирование инфляции в России и «свободное плавание» рубля не обеспечивают стабилизацию цен на внутренних рынках. При оценке структуры российской экономики важно также рассчитать долю объема производства в приросте ВВП.

Для этого сначала рассчитаем физический объем ВВП в сопоставимых ценах:

$$\text{ВВП}_{\text{с. ц.}} = \frac{\text{ВВП}_{\text{т. ц. пред. пер.}} \times T_{\text{ВВП}_{\text{с. ц. в \% к пред. пер.}}}}{100} \quad (2.12)$$

Где $\text{ВВП}_{\text{т. ц. пред. пер.}}$ – физический объем ВВП в текущих ценах в предыдущем периоде;

$T_{\text{ВВП}_{\text{с. ц. в \% к пред. пер.}}}$ – темпы роста ВВП в сопоставимых ценах в процентах к предыдущему периоду.

Затем рассчитаем абсолютный прирост ВВП в сопоставимых ценах:

$$\Delta \text{ВВП}_{\text{с. ц.}} = \text{ВВП}_{\text{с. ц.}} - \text{ВВП}_{\text{т. ц. пред. пер.}} \quad (2.13)$$

Еще необходимо рассчитать абсолютный прирост ВВП в текущих ценах:

$$\Delta \text{ВВП}_{\text{т. ц.}} = \text{ВВП}_{\text{т. ц.}} - \text{ВВП}_{\text{т. ц. пред. пер.}} \quad (2.14)$$

Где $\text{ВВП}_{\text{т. ц.}}$ – физический объем ВВП в текущих ценах.

На основе полученных данных можно определить удельный вес прироста производства в увеличении ВВП:

$$\Delta d_{V \text{ произв. в ВВП}} = \frac{\Delta \text{ВВП}_{\text{с. ц.}}}{\Delta \text{ВВП}_{\text{т. ц.}}} \times 100\% \quad (2.15)$$

Таблица 2.13.

Удельный вес прироста объема производства в увеличении ВВП,
в процентах (в текущих ценах)

Годы	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2016
Россия	-1,6	1,6	17,7	16,6	6,5
Китай	32,2	87,1	64,2	62,2	63,8
Индия	18,3	43,9	3,1	46,6	48,5
Турция	35,4	1,4	8,6	24,8	18,4
Бразилия	-	-	-	32,3	1,4
Мексика	-	15,5	8,9	21,3	31,1
Канада	-	59,9	49,2	33,0	47,2
Австралия	-	70,1	44,4	35,4	54,2

Источник: таблица составлена автором по данным табл. 2.11. и табл. 2.12., а также: [82, с. 45-49]; [83, с. 77-82]; [84, с. 75-80]; [86, с. 77-81]; [116]; [117]; [118]

В 1991–1995 гг. удельный вес прироста производства в ВВП России в текущих ценах был отрицательным, то есть ВВП упал даже на фоне сильной инфляции. В 1996–2000 гг. ситуация едва изменилась – прирост производства составил всего 1,6%. В этот же период темпы прироста производства в Китае и Индии составили 87,1 и 43,9% соответственно. В период высоких цен на нефть 2001–2005 гг. прирост российского производства составил 17,7%, китайского – 64,2%, канадского – 49,2%, австралийского – 44,4%. При этом Банк России борется с инфляцией монетарными методами, зажимая денежный агрегат М–2 путем повышения ключевой ставки и консервирования нефтегазовых доходов в Резервном фонде. В период 2006–2010 гг. роль прироста производства в ВВП вновь оказалась самой низкой в России.

В период 2011–2016 гг. удельный вес прироста производства в России и Бразилии уступает аналогичному показателю всех остальных стран. Бразилия и Россия остро зависимы от конъюнктуры нефтяных рынков и проводят схожую экономическую политику, опирающуюся на рекомендации МВФ и Всемирного банка. В 2016 г. президенту Бразилии Д. Русеф был предъявлен импичмент. В стране произошла смена власти ненасильственным путем, однако исправление структурных дисбалансов остается открытым вопросом.

В таблице 2.14. представлено сопоставление ВВП ряда стран по паритету покупательной способности в процентах относительно показателя США.

ВВП по ППС ряда стран в процентах относительно США

	1993 г.		2005 г.		2016 г.	
	ВВП	ВВП на душу населения	ВВП	ВВП на душу населения	ВВП	ВВП на душу населения
Россия	11,6	20,4	13,7	28,4	20,8	46,7
Китай	39,4	8,6	43,0	9,8	114,3	26,7
Индия	17,1	5,0	18,9	5,1	46,7	11,6
Турция	5,0	22,1	4,5	18,7	10,7	43,4
Бразилия	13,0	21,7	12,8	20,6	16,9	26,5
Мексика	9,8	28,0	9,5	27,1	12,7	32,9
Канада	9,2	81,8	9,2	84,2	9,1	80,6
Австралия	5,3	76,6	5,4	78,7	6,4	84,6

Источник: таблица составлена автором по данным: [82, с. 92]; [85, с. 91-95]; [117]

В последние два десятилетия темпы экономического роста развивающихся стран опережали соответствующий показатель развитых стран. Развивающиеся страны увеличивали физический объем своего ВВП по паритету покупательной способности относительно показателя США и прочих развитых стран. Если в 1993 г. ВВП России составлял всего 11,6% по отношению к США, то в 2005 г. он вырос до 13,7%, а в 2016 г. – до 20,8%. Наиболее быстрыми темпами рос ВВП Китая и к 2013 г. превысил показатель США.

ВВП на душу населения по ППС не характеризует структуру экономики, но представляет некоторый интерес в международной статистике. Его не следует рассматривать без численности населения и особенностей перераспределения доходов в стране. ВВП на душу населения не интерпретируется как параметр, проецирующий уровень жизни. ВВП на душу населения Китая составляет всего 26,7% по отношению к США, Индии – 11,6%, в России – 46,7%. Но численность населения Китая – 1,4 млрд. человек, Индии – 1,17 млрд., России – всего 146 млн., поэтому превосходство российского показателя над китайским и индийским является формальным. Также дифференциация доходов в нашей стране одна из самых больших в мире.

Неблагоприятный внутриэкономический климат в России сформировался в результате неэффективного государственного регулирования деловой среды.

Одной из ключевых слабых мест регулирования является налогообложение, призванное стимулировать производство, приток инвестиций, разработку и внедрение инноваций. В теоретической главе настоящей работы был рассмотрен пример китайской государственной поддержки экономики инструментами налогообложения. В табл. 2.15. приведены результаты китайской и российской налоговой политики, а также прочих стран выборки. В России предоставляются налоговые льготы и преференции предприятиям, включая занятых в малом и среднем предпринимательстве, но они предназначены для столь небольшого круга предпринимателей, что не предоставляют реальной помощи народному хозяйству. Тяжелое налоговое бремя является весомым фактором торможения развития предпринимательской деятельности в России.

Таблица 2.15.

Удельный вес в ВВП налогов на продукты

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Россия	7,4	8,3	12,3	14,3	13,5	7,2
Китай	1,0	0,3	0,3	1,0	-0,6	0,2
Индия	8,8	7,9	8,3	8,4	7,2	10,0
Турция	7,0	5,5	8,6	12,8	12,7	11,9
Бразилия	1,4	12,2	14,3	15,1	15,0	14,5
Мексика	-2,6	-3,6	4,1	4,2	4,1	6,3
Канада	7,2	7,3	7,1	6,9	6,4	6,2
Австралия	7,8	8,2	8,7	8,0	6,7	6,6

Примечание: ВВП = ВДС + налоги на продукты (чистые). Если налоги на продукты минус субсидии является величиной отрицательной, то их сумма вычитается из объёма ВВП.

Источник: таблица составлена автором по данным: [118]

Удельный вес налогов на продукты в России перманентно повышался в течение 1990–2005 гг., затем начал снижаться вследствие кризисных явлений. В различные годы отрицательные значения данный показатель демонстрировал в Китае и Мексике. В этих государствах, а также в Австралии и Канаде налоговое бремя для предпринимательства невелико, поэтому технологически сложное обрабатывающее производство имеет достаточный ресурс для развития.

Примечательно, что в числе развивающихся стран с наибольшим уровнем снижения удельного веса обрабатывающей промышленности в ВВП – в России, Турции и Бразилии – налоги на продукты наивысшие. Это объясняется тем, что

рентабельность в технологически сложных производствах ниже, чем в других сферах. И производство сложной продукции содержит больше рисков, так как имеет много звеньев в добавленной стоимости. В 2016 г. удельный вес налогов на продукты Индии превысил показатель России, который резко сократился по причине существенного спада производства.

Неблагоприятные условия ведения бизнеса, неразвитость экономических институтов, повышенные риски и коррумпированность всех звеньев властных структур обуславливают непривлекательность российской экономики. Однако, несмотря на это, внешние и внутренние инвестиции в национальной валюте в основной капитал российских организаций росли в пореформенный период по причине высоких нефтяных цен.

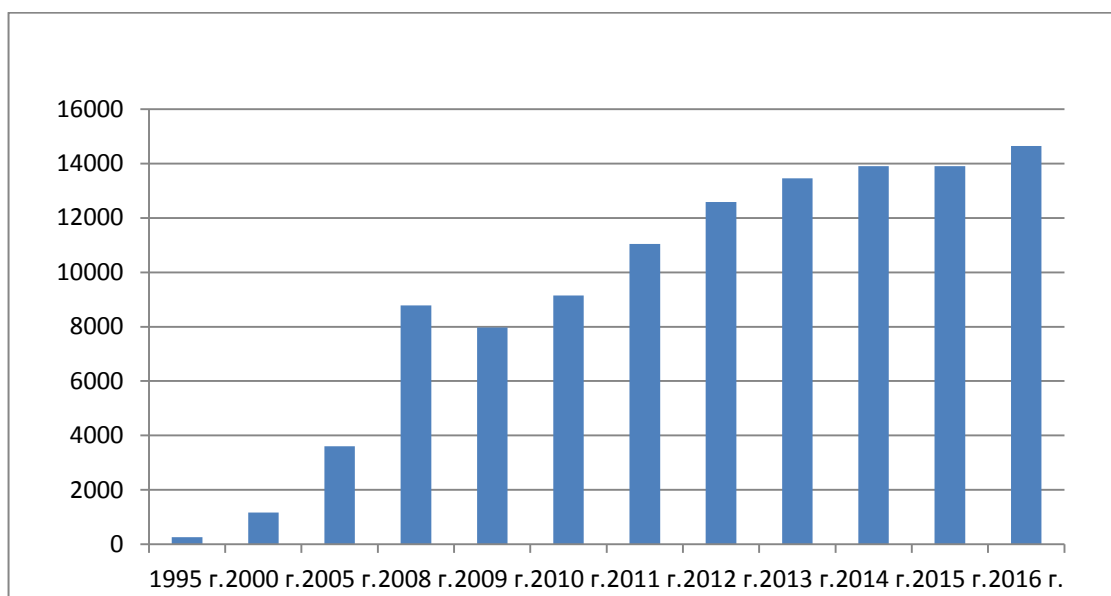

Рисунок 2.4. – Инвестиции в основной капитал российских организаций, млрд. руб. (составлен автором по данным: [79, с. 401]; [80, с. 477]; [81, с. 423])

Лишь в 1998 г. и в 2009 г. были отмечены небольшие спады инвестиций вследствие дефолта и мирового финансового кризиса соответственно. Однако в 2015 г. показатель оказался ниже уровня 2014 г. даже с учетом девальвации национальной валюты, произошедшей на рубеже 2014–2015 гг.

В 2014 г. инвестиции составили 13902,7 млрд. руб., а в 2015 г. – 13897,2 млрд. руб. В 2014 г. страны ЕС, США, Канада и Австралия ввели несколько пакетов международных экономических санкций, которые отрезали российскую экономику от внешнего финансирования. Российские банки и компании были лишены источников внешнего кредитования. За рубежом кредиты в период рецессии мировой экономики предоставляются по символической процентной ставке и на более длительный срок, чем в России. Балансовые планы российских организаций составлялись с учетом обоснованных внешних кредитов. Потеряв зарубежное финансирование, они оказались в тяжелом финансовом положении.

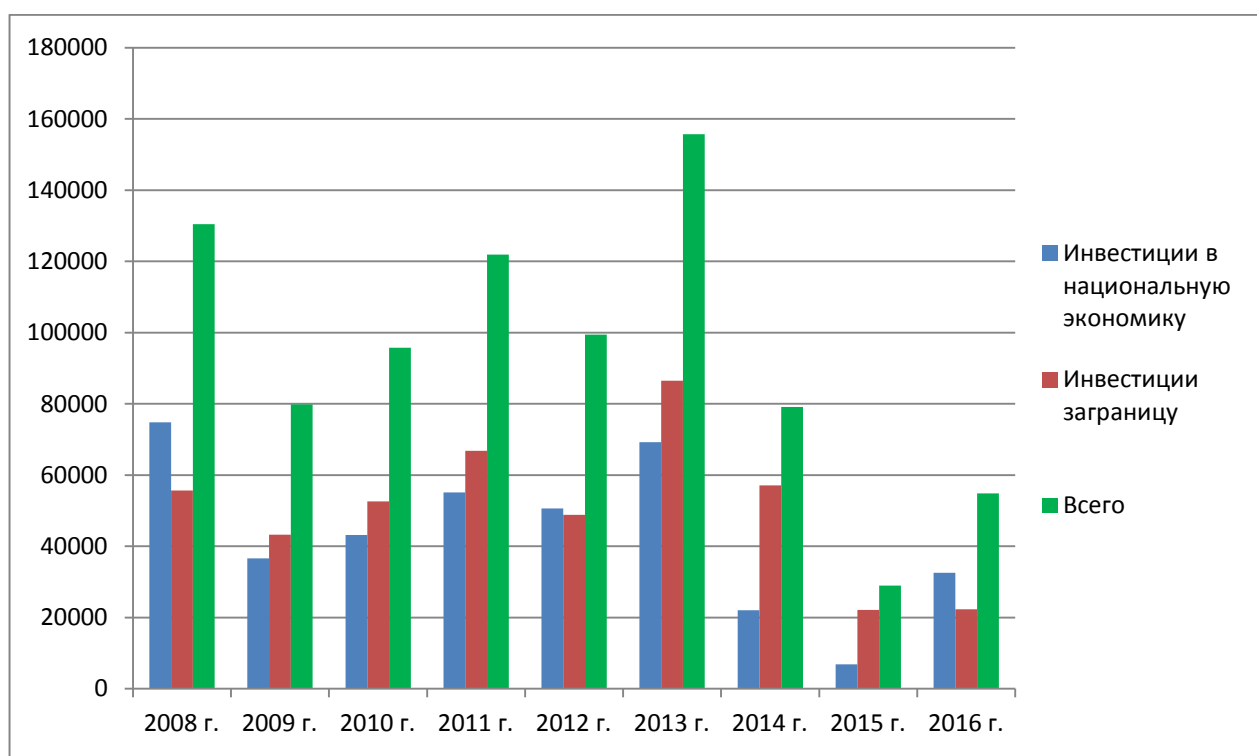

Рисунок 2.5. – Инвестиции в Россию и за границу

(составлен автором по данным: [61])

Международные экономические санкции крайне негативно сказываются на внутренней инвестиционной активности в России, однако вложения резидентов сокращаются не только в российскую экономику, но и за границу. В 2014 г. они составили 22 млрд. долл. и 57,1 млрд. долл. соответственно, причем их сумма оказалась меньше суммы прямых инвестиции резидентов в 2009 г. При этом в 2009 г. темпы прироста ВВП составили минус 7,8%, а в 2014 г. – 0,6%.

В 2016 г. показатели немного улучшились по сравнению с 2015 г., но это обусловлено возвращением к сложившемуся тренду, нарушенному вследствие девальвации.

2.3 Структурные дисбалансы на региональном уровне в пореформенный период

Структурные проблемы российской экономики проявляются не только в отраслевом разрезе, но и в региональном. К примеру, г. Москва и Московская область являются финансовым центром, и концентрируют значительно больше финансовых, трудовых и технологических ресурсов, чем любой другой регион России. Поскольку Россия – «сырьевая» страна, в которой значительную часть доходов консолидированного бюджета составляют поступления от экспорта полезных ископаемых, то их вклад в экономику является определяющим.

Несмотря на явное превалирование удельного веса сферы услуг в ВВП, производственная инфраструктура выстроена вокруг нефтегазового сектора. Как уже было отмечено, российский фондовый рынок коррелирует с динамикой нефтяных цен, а не с краткосрочными и среднесрочными улучшениями деловой среды и макроэкономических показателей, как в развитых странах [56, с. 28]. Таким образом, привлекательность российской экономики полностью зависит от конъюнктуры нефтегазового рынка.

Месторождения нефти, природного газа, алмазов и других полезных ископаемых по естественным причинам не располагаются равномерно на всей территории России, поэтому строящаяся вокруг них производственная цепочка создает преимущества одним регионам по отношению к другим. Однако кроме данного фактора на степень развитости региона влияет управленческий аспект, состоящий из региональных и муниципальных органов власти. Совокупные факторы социально-экономического устройства различных регионов разнятся кардинальным образом, предоставляя одним регионам свод дополнительных экономических преференций на фоне других. В данной связи уровень жизни и степень развитости социально-экономической системы внутри субъектов РФ значительно варьируется. По-нашему мнению, это также следует относить к структурной несбалансированности экономики России. В качестве анализа были выбраны несколько субъектов федерации из центра и периферии. Соотношение макроэкономических показателей, а также институциональных и неформальных рыночных особенностей различных регионов позволит определить причины

структурных диспропорций внутри них. В предыдущих пунктах аналитической главы данная методика раскрыла острые недостатки российской экономической политики на международном уровне, но «структурные перекосы», связанные, главным образом, с неэффективным государственным управлением, отражаются и на региональном уровне.

В выборку вошли по одному субъекту федерации из каждого федерального округа, за исключением Крыма и Севастополя. В табл. 2.15. проанализирован ВРП субъектов РФ.

Таблица 2.16.

ВРП в России, млрд. руб.

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Москва	1343,0	4005,9	8401,9	13532,6
Санкт-Петербург	205,4	668,0	1673,7	3034,0
Краснодарский край	151,4	371,2	1008,2	1946,8
Северная Осетия	11,7	31,0	74,8	127,5
Татарстан	202,7	488,6	1004,7	1833,2
Челябинская область	136,1	350,3	645,9	1170,3
Новосибирская область	77,0	240,8	482,0	980,8
Хабаровский край	68,7	161,3	351,2	571,5

Источник: таблица составлена автором по данным: [66, 19-22]; [68, с. 20-23]; [73, с. 20-23]; [78, с. 18-21]

Структурные диспропорции регионального уровня выражены не столько физическим объемом ВРП Субъектов Федерации в некоторый период, сколько соотношением абсолютных изменений ВРП. При распаде плановой системы и переориентации на рыночные отношения средства производства перешли от государства к частному сектору, был предоставлен необходимый плацдарм предпринимательской инициативе. Однако особенности хозяйственной среды, институтов и региональная поддержка весьма существенно разнятся, поэтому основополагающим фактором социально-экономического положения региона является концепция регионального и местного управления. Роль федеральных органов власти также следует брать в расчет, однако региональный властный аппарат обладает широким спектром инструментов для воздействия на условия ведения бизнеса на мезоуровне. От качества регионального управления зависят макроэкономические показатели, инвестиционный климат, уровень жизни.

Темпы роста ВРП рассчитаем по формуле (2.11).

Таблица 2.17.

Темпы роста ВРП субъектов РФ в текущих ценах

	2000–2005 гг.	2005–2010 гг.	2010–2015 гг.
Москва	298,3	209,7	161,1
Санкт-Петербург	325,2	250,6	181,3
Краснодарский край	245,2	271,6	193,1
Северная Осетия	265,0	241,3	170,5
Татарстан	241,1	205,6	182,5
Челябинская область	257,4	184,4	181,2
Новосибирская область	312,7	200,2	203,5
Хабаровский край	234,8	217,7	162,7

Источник: таблица составлена автором по данным: [66, 19-22]; [68, с. 20-23]; [73, с. 20-23]; [78, с. 18-21]

По данным представленных в табл. 2.17. Субъектов РФ, темпы роста ВРП располагаются в широком диапазоне друг от друга, но главным проблемным местом является не столько отставание темпов роста одних регионов от других регионов, сколько эскалация разницы между физическими величинами ВРП.

Например, в период 2010–2015 гг. темпы роста ВРП Северной Осетии превосходят показатель Хабаровского края, однако абсолютное изменение ВРП Северной Осетии уступает показателю Хабаровского края. Неимоверно растет отставание показателей аутсайдеров относительно лидеров – Москвы и Санкт-Петербурга, – достигая критического уровня. Сложившуюся тенденцию нужно интерпретировать как крайне неблагоприятную, обуславливающую растущее социальное расслоение российского общества.

Как известно, чем глубже уровень разделения труда в регионе, тем богаче его жители [92]. Нарастивание производства и его диверсификация способствуют повышению уровня жизни населения. При этом необходимо поддерживать динамичный рост платежеспособного спроса на товары промежуточного и конечного потребления, длительное отсутствие которого также характеризует структурный кризис, связанный с системой нерационального распределения и перераспределения ресурсов. Региональное управление не располагает всеми инструментами для поддержания сбалансированной деловой среды, которыми

располагает государство. Так, эмиссия денежной единицы является прерогативой Банка России, по этой причине регионы не могут напрямую влиять на изменение денежной массы, кредитное рефинансирование и банковские ставки.

Однако в соответствии с Налоговым кодексом РФ (п. 3, ст. 12 НК РФ) [44], региональные органы обладают следующими инструментами налогообложения:

- налог на имущество организаций;
- налог на игорный бизнес;
- транспортный налог.

Налог на имущество организаций не может превышать 2,2%, но, тем не менее, является расходной статьей организаций, у которых и без того высокие издержки в нынешних кризисных условиях.

Налоговая база на игорный бизнес определяется по количеству объектов налогообложения. Так как игорный бизнес является очень прибыльным даже в условиях экономического кризиса и при этом не обременен производством, то налогооблагаемая база должна быть широкой. Высокие процентные выплаты по игорному бизнесу позволят расширить доходную часть регионального бюджета и распределять дополнительные ресурсы на реализацию социальных программ. Денежный оборот индустрии игорного бизнеса в России экспоненциально вырос со времени его зарождения в нашей стране. Если в 2002 г. он аккумулировал около 1,6 млрд. долл., то к 2007 г. – 6,6 млрд. долл. А к 2015 г., вопреки всем законодательным ограничениям, его оборот превысил 20 млрд. долл.

В условиях тотальной коррупции игорному бизнесу удастся уклоняться от уплаты и без того небольших налогов по сравнению с США и рядом развитых стран, где налог на прибыль игорных предприятий составляет около 50%. А в Германии этот показатель и вовсе достигает 80%.

Величину транспортного налога, порядок и сроки его уплаты, формы отчетности, а также налоговые льготы, устанавливают органы законодательной власти Субъектов РФ. Снижение тарифов по транспортному налогу могло бы сократить логистические издержки, но вместо этого государство ввело новый

налог – т. н. систему «Платон». В результате грузоперевозки стали значительно накладнее и вызвали массовые протесты дальнобойщиков.

Помимо налоговых инструментов регулирования, Субъекты РФ имеют возможность разрабатывать региональные программы развития социальной и экономической сферы. Но прямое финансирование из регионального бюджета зачастую приводит к еще более нецелевому расходованию средств, нежели на федеральном уровне. Зачастую предпочтение в выборе отдается приближенным к чиновникам организациям. Таким образом, регулирование выходит далеко за рамки экономических проблем, несмотря на то, что влияет непосредственно на деловую среду. Чтобы сойти с траектории коррупционных схем, довольно прочно укоренившихся в 1990-е гг., необходимо изменить модель социально-экономического развития и ужесточить меры чиновничьей ответственности.

При этом особо примечателен опыт Сингапура в борьбе с коррупцией. Влияние коррупции не следует преуменьшать, поскольку она разрушает весь воспроизводственный контур. Уровень коррупции растет линейно от центра к периферии. В данной связи наихудшие показатели физического объема ВРП демонстрируют наиболее отдаленные от центра регионы: Северная Осетия, Новосибирская область, Хабаровский край.

Поскольку рост удельного веса высокотехнологичных отраслей является благоприятным трендом, то он характеризует положительный структурный сдвиг, а рост удельного веса отраслей, генерирующих небольшую добавленную стоимость, – отрицательный структурный сдвиг.

Безусловно, бурный рост обрабатывающей промышленности в Китае не возник по естественным рыночным причинам. Его стимулирует эффективная экономическая политика, в которой государственное регулирование занимает ключевое место. То есть «правила игры» определяет государство, осуществляя контроль над их исполнением. В табл. 2.18. представлена отраслевая структура ВДС субъектов РФ за исследуемый период, позволяющая выявить направления структурных сдвигов.

Таблица 2.18.

Отраслевая структура ВДС субъектов РФ в процентах

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Москва										
2000 г.	0,0	7,9	-	5,2	-	49,9	7,2	-	-	-
2005 г.	0,0	14,0	12,9	4,1	16,0	44,4	8,2	3,5	1,6	3,2
2010 г.	0,0	16,3	12,8	2,6	20,1	37,3	10,3	1,2	3,3	5,4
2015 г.	0,0	16,1	12,7	4,8	23,3	33,1	9,0	1,2	5,0	5,2
Санкт-Петербург										
2000 г.	0,0	25,6	-	6,6	-	21,5	16,1	-	-	-
2005 г.	0,0	24,5	20,9	5,7	12,2	24,8	14,5	0,9	3,2	9,5
2010 г.	0,0	27,5	23,8	7,8	18,5	19,0	10,0	0,8	3,9	9,0
2015 г.	0,1	21,9	18,3	5,1	20,2	25,1	11,1	0,5	3,8	9,8
Краснодарский край										
2000 г.	17,7	15,8	-	16,1	-	10,8	16,3	-	-	-
2005 г.	15,8	18,2	13,0	9,4	7,1	14,3	19,3	0,0	3,7	8,2
2010 г.	12,5	13,3	10,0	16,8	7,1	16,6	15,5	0,4	5,9	7,9
2015 г.	12,5	16,0	12,9	10,9	8,8	20,0	16,5	0,3	4,6	8,0
Северная Осетия										
2000 г.	8,1	13,8	-	8,5	-	18,1	5,7	-	-	-
2005 г.	18,3	18,8	15,2	5,9	7,0	19,6	9,8	0,0	6,6	11,4
2010 г.	18,4	15,2	10,9	7,1	5,7	20,6	8,7	0,2	11,8	10,5
2015 г.	16,0	11,5	9,3	8,0	4,0	18,9	9,5	0,2	16,1	13,9
Татарстан										
2000 г.	7,2	50,5	-	8,7	-	9,3	4,5	-	-	-
2005 г.	7,8	49,7	16,9	10,0	4,8	11,2	7,3	0,5	1,8	4,9
2010 г.	5,1	41,9	17,0	9,0	11,3	14,0	8,4	0,5	2,8	4,7
2015 г.	7,5	43,2	19,1	9,1	9,0	15,1	6,5	0,3	2,7	5,3
Челябинская область										
2000 г.	4,1	46,9	-	7,5	-	8,3	7,7	-	-	-
2005 г.	7,6	45,6	41,4	5,6	8,1	12,5	9,5	0,4	2,8	6,4
2010 г.	6,3	41,0	36,2	5,3	7,9	14,2	10,5	0,4	5,3	7,2
2015 г.	6,9	41,4	35,7	7,2	9,5	12,7	8,3	0,2	4,7	7,9
Новосибирская область										
2000 г.	18,8	23,2	-	3,8	-	13,3	12,2	-	-	-
2005 г.	8,8	24,9	17,7	3,4	13,4	13,8	17,4	1,0	3,9	11,2
2010 г.	6,1	23,8	16,4	5,1	15,9	18,3	13,3	0,5	5,0	9,6
2015 г.	5,7	17,7	13,0	4,7	21,5	19,4	15,0	0,3	5,5	9,0
Хабаровский край										
2000 г.	3,6	45,9	-	5,6	-	8,6	14,4	-	-	-
2005 г.	10,1	24,9	15,0	5,9	9,5	13,0	19,1	0,3	5,6	9,2
2010 г.	7,3	18,5	8,7	13,6	9,9	14,0	16,7	0,4	8,9	8,7
2015 г.	6,7	22,3	12,3	5,7	8,3	16,3	19,7	0,3	9,2	10,0

Примечание: 1. Сельское и лесное хозяйство, рыболовство. 2. Промышленность в целом. 3. Обрабатывающая промышленность 4. Строительство. 5. Операции с недвижимым имуществом, аренда, консалтинг. 6. Торговля. 7. Транспорт и связь. 8. Финансовая деятельность 9. Государственное управление. 10. Образование и здравоохранение.

Источник: таблица составлена автором по данным: [66, 300-301]; [68, с. 359-361]; [73, с. 397-399]; [78, с. 554-555]

В России наиболее развитыми субъектами федерации являются Москва и Санкт-Петербург, в которых удельный вес сельского хозяйства не превышает 0,1% за весь исследуемый период. Сельское хозяйство обладает свойством убывающей отдачи, его чрезмерное наращивание способствует трансформации в «аграрную экономику». Но город не располагает достаточными ресурсами для аграрной специализации, поэтому полное отсутствие аграриев в Москве и Санкт-Петербурге имеет, в том числе, и техническое обоснование. Безусловно, развитие сельского хозяйства зависит и от климатических условий, однако межгосударственные пропорции в структуре мировой экономики по данной отрасли начала XX столетия разительно отличаются от нынешних показателей. Изменения пропорций между странами происходили на основе принимаемых концепций экономического развития. Тем не менее, сокращение удельного веса сельского хозяйства должно происходить на фоне роста наукоемких отраслей, а вовсе не по причине снижения рентабельности, вызванного вредительскими управленческими решениями со стороны чиновников. Например, вступление в ВТО крайне негативно отразилось на конкурентоспособности отечественных сельскохозяйственных предприятий и домохозяйств, поскольку себестоимость российских сельхозпродуктов выше из-за холодного климата и неплодородной почвы. Данные особенности были проигнорированы.

Удельный вес промышленности в период 2000–2015 гг. увеличился только в Москве и Краснодарском крае, в остальных Субъектах Федерации снизился. Наибольший спад составил 23,6% в Хабаровском крае. Доля обрабатывающей промышленности снижалась в период 2005–2015 гг. во всех регионах выборки, кроме Татарстана. В Москве и Краснодарском крае она снизилась минимально, наибольшее снижение зафиксировано в Северной Осетии.

Региональная экономическая политика играет важную роль в обеспечении комфортабельных условий ведения бизнеса, развития тех или иных отраслей и секторов. Если в одних регионах принимаются адекватные меры по решению вопросов структурных дисбалансов, возобновлению экономического роста, то в других регионах принимаются вредительские решения.

Проблема острой дифференциации социально-экономического развития и уровня жизни населения между центром и перифериями заключается в том, что более высокие темпы роста макроэкономических показателей не гарантируют догоняющее развитие. Татарстан является одним из динамично развивающихся регионов, в котором темпы роста реальных доходов населения составили 193,4% в 2005–2015 гг. [77, с. 223]. В Москве и Санкт-Петербурге за тот же период показатель достиг 119,7% и 135,7% соответственно [77, с. 222]. Но, несмотря на сравнительно лучшую динамику роста реальных доходов, она недостаточна для Татарстана, так как темпы роста среднедушевых доходов составили 435,8%, а абсолютный показатель возрос на 24,8 тыс. руб. [77, с. 223]. В Москве темпы роста данного показателя составили 240%, но абсолютный показатель возрос на 34,9 тыс. руб. [77, с. 222]. Таким образом, уровень жизни в Москве вырос значительно больше, нежели в Татарстане, несмотря на более высокие темпы роста реальных и среднедушевых денежных доходов в последнем. Отставание иных регионов от Москвы выросло больше. Уровень жизни измеряется не только по денежным доходам населения, но динамика других параметров также указывает на эскалацию разницы между самыми богатыми и бедными регионами.

В период 2000–2015 гг. доля строительства в ВДС снизилась в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Северной Осетии, Челябинской области.

Удельный вес производственного сектора в период 2000–2015 гг. вырос в Москве и Северной Осетии. Однако в Северной Осетии спад промышленности компенсировался наращиванием сельскохозяйственной продукции. Фактически произошла трансформация некогда промышленно перспективной республики в «аграрную», примитивизация ее производственной инфраструктуры вследствие безалаберного отношения властей к внутреннему хозяйству.

Доля финансовой сферы в ВДС незначительна и не изменялась заметными темпами. В 2008 г., вследствие финансового кризиса, она сократилась во всех регионах, лишь в Краснодарском крае увеличилась на 0,1%, причем с нулевой отметки. Наибольший спад в финансовой деятельности в 2008 г. зафиксирован в

Москве, он составил 1,4%. Рост финансового сектора носил восстановительный характер после резкого спада в период 2008–2009 гг.

Доля государственного управления в ВДС увеличилась во всех регионах выборки в период 2005–2015 гг., однако его эффективность снизилась, судя по ухудшению инвестиционного и инновационного климата, огромному оттоку капитала и общему экономическому спаду.

Динамика удельного веса в ВДС образования и здравоохранения во всех регионах неприметна, но вопрос социальной обеспеченности состоит в том, что государственное финансирование сужается, уступая место коммерциализации образовательных и медицинских учреждений, что перекладывает финансовую нагрузку на население.

Большое значение имеет отраслевая структура основных фондов, которая позволяет определить отрасли с наибольшей концентрацией производственных ресурсов, однако она не очень отличается от отраслевой структуры ВДС.

Рассчитаем величину региональных отраслевых структурных сдвигов по данным табл. 2.18. с помощью ИКСС Гатева по формуле (2.3.) за 2005–2015 гг.

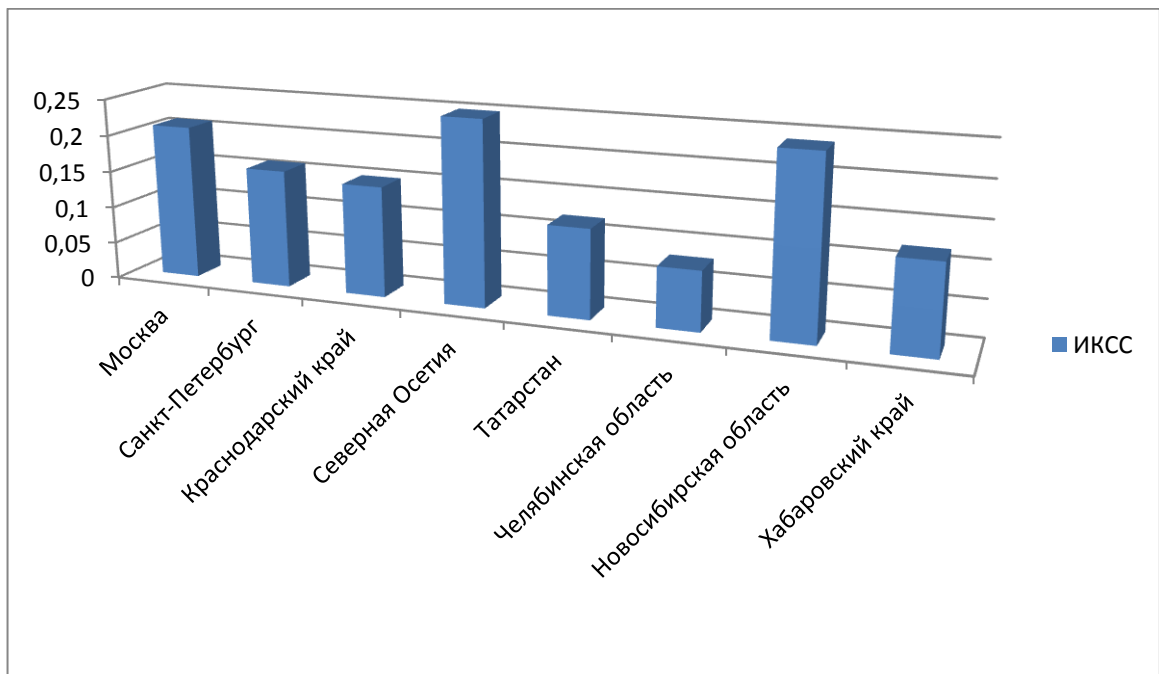

Рисунок 2.6. – Интегральный коэффициент структурных сдвигов в 2005–2015 гг. в отраслевой структуре субъектов РФ (разработан автором по данным табл. 2.18.)

Поскольку удельный вес обрабатывающей промышленности снизился во всех Субъектах Федерации, участвующих в выборке, кроме Татарстана, то лишь его ИКСС отражает положительный структурный сдвиг. ИКСС Северной Осетии самый высокий, но он характеризует отрицательный структурный сдвиг.

Структурные сдвиги отражаются и в отраслевой динамике коммерческих организаций. Неоспорим факт размытия отраслевых границ от интеграционных процессов и кооперационных связей, создания альянсов и конгломератов, но формально организацию можно включить в одну из отраслей, в которой она осуществляет основную деятельность.

Конкуренентоспособность экономики зависит также от количества и качества хозяйствующих субъектов. Причем, если качеству уделяется много внимания в макроэкономике, то количество зачастую игнорируется. В рыночных условиях неизбежны процедуры банкротства организаций, которые обуславливаются неэффективностью их внутреннего менеджмента, не способного оперативно реагировать на изменения внешней среды по мере корректировки «правил игры» на рынке и внедрения новой технологии и техники, а также нанесения ущерба естественными силами природы и преступной деятельностью. Однако в период благоприятной экономической конъюнктуры, как правило, приток новейших хозяйствующих субъектов много больше оттока старых. Сначала происходит обновление производственной сферы и мощностей при смене технологического уклада, затем – диверсификация и усложнение производства, что способствует появлению множества новых мелких и средних предприятий, обслуживающих «гигантов». На фазе экспансии новейших технологий в период доминирования нового технологического уклада прибыльность на рынке высокая, поэтому в среднем в течение последующих 15–20 лет экспоненциально растет количество новых предприятий. Но временной континуум с момента зарождения нового технологического уклада до времени логического его завершения вследствие пространственного ограничения рынков не имеет строгих пределов, поскольку емкости рынков разнятся в значительной степени. В табл. 2.19. представлена динамика предприятий по отраслям.

Распределение организаций по отраслям, производящих товары

	1	2	3	4
Москва				
2002 г.	5487	75748	-	72328
2008 г.	4528	81527	77207	74499
2016 г.	4831	70753	66107	95650
Санкт-Петербург				
2002 г.	914	30275	-	23692
2008 г.	2006	42649	41639	32597
2016 г.	1435	30443	29051	39228
Краснодарский край				
2002 г.	17674	13659	-	11850
2008 г.	14646	11265	10167	12039
2016 г.	5140	12172	10716	18610
Северная Осетия				
2002 г.	1290	2316	-	1260
2008 г.	1346	1960	1788	1050
2016 г.	974	1342	1114	940
Татарстан				
2002 г.	4002	6053	-	8100
2008 г.	4465	9705	8873	10052
2016 г.	2550	13314	12094	15507
Челябинская область				
2002 г.	7557	9361	-	6712
2008 г.	5590	11187	10095	8453
2016 г.	1948	12440	11023	11540
Новосибирская область				
2002 г.	7100	9598	-	8190
2008 г.	5970	13596	12695	11026
2016 г.	3005	11465	10459	12124
Хабаровский край				
2002 г.	2210	3937	-	3757
2008 г.	2690	3334	2877	4274
2016 г.	1751	3467	2853	5495

Примечание: 1. Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство. 2. Промышленность в целом. 3. Обрабатывающая промышленность. 4. Строительство.

Источник: таблица составлена автором по данным: [66, 329-333]; [69, с. 386-389]; [78, с. 646-649]

В период 2002–2008 гг. количество аграрных предприятий увеличилось в Санкт-Петербурге, Северной Осетии, Татарстане и Хабаровском крае, в прочих регионах оно снизилось. В 2008–2016 гг. банкротство продолжило превышать регистрацию новых предприятий уже во всех регионах, кроме Москвы. В ряде регионов количество аграрных предприятий снизилось вдвое.

Поскольку в 2012 г. Россия вступила в ВТО в статусе развитой страны, то лишилась «корзины развития», позволяющей развивающимся странам выводить желтую корзину из учета агрегированного показателя поддержки [37, с. 147]. Таким образом, первым обязательством России стало сокращение общего лимита агрегированного показателя поддержки сельского хозяйства. В Индии доля аграрной поддержки, проходящей по «корзине развития», составляет 41% от общего объема поддержки страны [37, с. 146]. Россия также обязалась сохранить соотношение между продуктово-специфической и неспецифической поддержкой в рамках желтой корзины, подразумевавшей сохранение до 2017 г. 30% лимита первого способа поддержки. Третьим условием стал допустимый минимум поддержки агрегированного показателя на уровне 5%, в то время как для развивающихся стран этот показатель равен 10%, для Китая – 8,5% [37, с. 147]. Исходя из этого, мотив вступления нашей страны в ВТО по нашему мнению, представляется едва ли не коллаборационистским.

В промышленности в период 2002–2016 гг. снизилось общее количество предприятий в Москве, Краснодарском крае, Северной Осетии и Хабаровском крае. В период 2008–2016 гг. отток старых превысил приток новых предприятий в обрабатывающей промышленности в Москве, Санкт-Петербурге, Северной Осетии, Новосибирской области и Хабаровском крае.

К 2013 г. ситуация в регионах немного улучшилась на короткое время, подобная реакция была вызвана в 2012 г. «майскими указами» В. В. Путина. К концу 2014 г., по оценке сопредседателя центрального штаба «Общероссийского народного фронта» А. Бречалова, специалисты получили 131 отчет о выполнении поручений от чиновников, из которых эксперты отметили как выполненные полностью и рекомендовали снять с контроля только 26 докладов [22]. В 40 % случаев поручения были выполнены лишь частично, в 25 % случаев – не были выполнены, в 6 % случаев – выполняются формально [22]. «Майские указы» направлялись на социально-экономическое развитие, но так как их значительная часть не была реализована, то ожидания промышленников были обмануты и регистрация новых фирм не оправдалась.

К 2008 г. количество строительных организаций сокращалось практически во всех регионах. В период 2008–2016 гг. показатели росли, кроме Северной Осетии, в которой зафиксировано сокращение основных фондов и предприятий.

Таблица 2.20.

Распределение организаций по отраслям, производящих услуги

	1	2	3	4	5	6
Москва						
2002 г.	15634	402453	79863	17479	2355	883
2008 г.	38131	587976	186858	31296	2214	787
2016 г.	59335	430326	230873	28265	2471	752
Санкт-Петербург						
2002 г.	6637	120548	15300	2670	1257	432
2008 г.	19494	203767	68503	5885	1385	361
2016 г.	28558	136297	77793	5999	1326	302
Краснодарский край						
2002 г.	3430	36060	3641	1591	1796	61
2008 г.	6308	32399	16544	1781	2570	60
2016 г.	9891	44720	26428	2269	3126	105
Северная Осетия						
2002 г.	291	3285	1508	135	379	11
2008 г.	366	2793	1071	704	424	14
2016 г.	412	2122	1599	209	473	22
Татарстан						
2002 г.	1785	17290	3722	1179	2158	101
2008 г.	3589	26828	14183	2057	3624	80
2016 г.	8200	41303	25334	2964	3647	113
Челябинская область						
2002 г.	2000	24383	2938	1299	1387	43
2008 г.	4001	36494	13394	1763	1587	49
2016 г.	7876	42257	18337	1820	1729	62
Новосибирская область						
2002 г.	2541	37678	4187	1116	1302	134
2008 г.	6312	71863	21787	2848	1492	107
2016 г.	9783	48630	26116	2271	1403	120
Хабаровский край						
2002 г.	1529	11249	1134	414	825	34
2008 г.	2993	13300	5072	542	868	43
2016 г.	4451	14065	8463	649	895	44

Примечание: 1. Транспорт и связь. 2. Торговля. 3. Операции с недвижимостью, аренда, консалтинг. 4. Финансовая деятельность. 5. Государственное управление. 6. Наука.

Источник: таблица составлена автором по данным: [66, 329-333]; [69, с. 386-389]; [78, с. 646-649]

Количество фирм, предоставляющих услуги в транспорте, в обеспечении связи и массовых коммуникаций, независимо от кризисных явлений, сменявших

периоды оживления и бурного экономического роста, росло во всех регионах России на протяжении всего исследуемого периода. При этом если темпы роста показателей не разнятся кардинальным образом, то разница между валовыми показателями нарастает. Например, если в 2002 г. транспортных организации в Санкт-Петербурге насчитывалось в 1,9 раз больше, чем в Краснодарском крае, то в 2016 г. – больше уже в 2,9 раз. Разумеется, следует учитывать показатели прироста населения, судя по которым в мегаполисах и городских агломерациях более высокий прирост сферы услуг экономически обоснован. В то же время прирост городского населения на фоне сокращения сельского был обусловлен ростом промышленного производства и механизацией на протяжении всего двадцатого столетия. Необходимость новой индустриализации не подвергается сомнению, но ее нужно проводить в рамках нового технологического уклада, то есть посредством замены устаревшей техники и технологий на новые виды.

Количество торговых организаций в период 2008–2016 гг. сократилось в Москве – в 1,4 раз, Санкт-Петербурге – в 1,5 раз, Северной Осетии – в 1,3 раз и Новосибирской области – в 1,5 раз. При этом, в отличие от других регионов, в Северной Осетии удельный вес торговли в ВДС и основных фондах стабильно увеличивался. Таким образом, следствием сокращения количества торговых организаций является монополизация отрасли крупными торговыми сетями и корпорациями, заметно потеснившими в последние годы малых и средних предпринимателей.

Несмотря на экономический спад, динамично развиваются операции по недвижимому имуществу, аренда, консалтинг и другие виды посреднических услуг. Во всех регионах им свойственен повышательный тренд.

В период 2008–2016 гг. количество финансовых организаций увеличилось во всех регионах, кроме Москвы, Северной Осетии и Новосибирской области.

Количество организаций, осуществляющих государственное управление, увеличилось в период 2002–2016 гг. во всех регионах. Прирост наблюдается и в кризисные периоды, что парадоксально с учетом параллельно происходящего экономического спада.

Количество организаций, выполняющих научные исследования, возросло во всех Субъектах Федерации, участвующих в выборке, кроме Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирской области. Рост показателей при этом минимальный, за исключением показателя Краснодарского края. Убыль составляет в Москве и Санкт-Петербурге в совокупности 261 организацию, демонстрируя деградацию научной сферы и технологическое отставание России.

ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

3.1. Перспективы обеспечения устойчивого экономического роста посредством структурного реформирования экономики

Текущий кризис глобальной экономики, разгоревшийся в 2008-2009 гг., не является циклическим. По мнению ряда экспертов, он системный, вызванный разрушением системы управления мировым хозяйством на всех уровнях [36]. Преодолеть его без социальных потрясений располагаемыми инструментами не представляется возможным. На протяжении всей истории функционирования рыночного хозяйства преодоление системных кризисных явлений происходило посредством расширения рынков, углублявших разделение труда. Расширение рынков подразумевает снижение рисков производителей и банков, у которых открывается возможность генерировать прибыль, превышающую совокупные издержки.

В истории несколько раз происходила фундаментальная трансформация общества в части социально-экономического обустройства. Существовавшая на ранних стадиях формирования человеческого общества примитивная экономика охотников и собирателей, из-за неолитической революции, уступила место экономической модели натурального хозяйствования. Условно данную модель называют экономикой земледелия и животноводства, главной отличительной чертой которой от предыдущей модели стало появление производства. Этот факт является общепринятым в экономической науке, однако, несмотря на это, ортодоксы упускают из виду влияние зарождения производства на разделение труда, которое уже имело место в пору охотников и собирателей. Безусловно, в общинах первых людей осуществлялось деление на охотников, собирателей, оружейников, поваров, воспитателей детей и т. д. Затем, после неолитической революции, увеличилась скорость разделения труда, когда в общинах занялись производством различных предметов. Здесь кроется релевантность предмета

исследования первых экономистов в истории экономических учений. Если в эпоху мейнстрима меркантилизма и классической политэкономии огромное внимание уделялось механизму разделения труда, то с периода доминирования маржинализма направление экономической мысли переориентировалось с макросферы на микросферу. В книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» первые главы А. Смит уделяет проблематике разделения труда, строя дальнейшее исследование на данном фундаменте [94]. Поскольку «классики» занимались разработкой теоретической и методологической базы обогащения страны, то А. Смит пришел к такому выводу: «Разделение труда ограничивается размерами рынка» [94, С. 31]. Пресловутый «закат капитализма» К. Маркса и его многочисленных апологетов опирается на вывод А. Смита о замкнутости рынков и торможении разделения труда как двигателя прогресса, экономического процветания. К. Маркс понял, что по мере расширения рынков глобализация имманентна, но на определенном этапе масштабы единого рынка сравниваются с масштабами планеты и дальнейшее углубление разделения труда станет возможным только лишь посредством роста народонаселения.

В период функционирования натурального хозяйства скорость углубления разделения труда увеличивалась по сравнению с предыдущей экономической моделью «охотников и собирателей». Тем не менее, процесс разделения труда из-за объективных факторов эпохи натурального хозяйства – преимущественно внутреннего потребления произведенной продукции, малолюдности населения, разобщенности рынков, незначительности научного прогресса – происходил медленно и был далек от кризисов перепроизводства.

Ренессанс популяризировал науку, и научно-технический прогресс стал главной движущей силой развития общества. В первом десятилетии XVII века неаполитанский меркантилист А. Серра утверждал: «Чем больше профессий в городе, тем он богаче» [92]. Однако причин экспоненциального наращивания производства, повлекших строительство мануфактур и позднее промышленную революцию, больше, нежели только лишь научные изыскания полиматов эпохи Возрождения. Косвенными причинами послужили малый ледниковый период,

известный отечественным историкам по царствованию Бориса Годунова, а также массовый ввоз золота и других драгоценных металлов из Нового Света. Таким образом, углубление разделения труда резко участилось, натуральное хозяйство и феодализм уступили место рыночной модели экономики.

В результате углубление разделения труда стало самоцелью, средством накопления капитала, инструментом экономического развития и обеспечения политического могущества. Одновременно произошла легализация ссудного процента, запрещенного моралью до сего момента в «христианском мире». До появления первых банков в Италии ростовщичеством занимались нехристиане, в основном евреи, исповедовавшие иудаизм. Так как фирма «А», использующая заемные средства, развивается быстрее, нежели фирма «Б», осуществляющая ту же производственную деятельность исключительно за счет собственных средств, то банковское кредитование, в конце концов, приобрело законное основание в странах Европы.

По мере накопления капитала первый кризис перепроизводства, который связан с кризисами товарных рынков, рынков недвижимости, земли, ценных бумаг и т. д., произошел в 1907 г. в США. Кризис межбанковского кредитования возник вследствие достижения пика разделения труда на американских рынках сбыта. Банковские риски возросли до такой степени, что совокупные потери превзошли совокупную отдачу. Острую нехватку ликвидности решил Джон Пирпонт Морган, крупный американский финансист, предоставивший банкам недостающие финансовые средства и, тем самым, взявший на себя часть рисков.

Экстенсивное разделение труда в других технологических зонах, помимо американской технологической зоны, приближалось к своему апогею. Поскольку в основе крупных конфликтов, гражданских и межгосударственных войн, как правило, лежит социально-экономический аспект, то фундаментальной причиной начала первой мировой войны также правомерно считать падение эффективности капитала в независимых технологических зонах.

В рыночной экономике структурные кризисы неизбежны, в результате которых происходит падение эффективности капитала, понижается отдача от

инвестиций и производство становится убыточным. Грубо говоря, предложение начинает тотально опережать спрос, возвращение к траектории роста означает массовые банкротства хозяйствующих субъектов, существенное падение уровня жизни населения. При этом кардинально обновляется технико-технологическая составляющая производства и, тем самым, осуществляется переход на новый технологический уклад. «Великая депрессия» 1930-х гг., повлекшая дефолт и экспроприацию в США, затем вторую мировую войну, так же, как структурный кризис 1970-х гг., повлекший дефолт американской экономики и реализацию стратегии массового кредитования потребителей для стимулирования спроса, подтверждают теорию небезболезненного преодоления структурных кризисов. Переживаемый в настоящее время кризис в глобальной экономике коснулся многих отраслей, достигших фазы зрелости. Это снижает входные барьеры для отраслевых новичков. На международном уровне при снижении капитализации располагающих передовыми технологиями иностранных компаний, появляются дополнительные возможности для приобретения контрольных пакетов акций, высокотехнологичного оборудования и технологий. Так, в 1970-е гг., вследствие сокращения Японией избыточных мощностей в кораблестроении, Южная Корея получила возможность приобрести японские технологии и оборудование по демпинговым ценам. Примечателен также и пример СССР, который в годы «Великой депрессии» воспользовался шансом приобретения мощностей в целях организации масштабной индустриализации.

В период 1923–1933 гг. в машиностроении СССР заключил 73 контракта о технической помощи с немецкими компаниями, 59 – с американскими, 11 – с французскими, 9 – со шведскими [16, с. 199]. Тесная кооперация с американскими фирмами позволила построить Сталинградский тракторный завод, Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат.

Несмотря на глобальность экономического кризиса, Россия располагает широким спектром возможностей обеспечения экономического роста. Помимо массовой закупки высоких технологий, необходимо привлекать иностранные высококвалифицированные кадры. Следует также учитывать то, что новейшие

технологии шестого технологического уклада защищены правообладателями патентами и авторскими правами, они не предназначены для кооперации и интеграции с конкурентами, но будут выступать главным фактором глобальной конкурентоспособности. По этим причинам одновременно с модернизацией и заимствованием международного опыта необходимо развивать собственную научную базу, которая в пореформенные годы значительно оскудела. Ежегодно Россия теряет около сотни уникальных технологий. Для обновления научной базы необходимо предпринять ряд мер:

- обеспечение условий для тесного международного научно-технического сотрудничества и обмена опытом;
- повышение уровня образования и подготовки кадров, конвергенция научных и образовательных институтов с коммерческим сектором в целях широкой эксплуатации открытий;
- введение налоговых льгот и других преференций для всех предприятий, занимающихся научными исследованиями и разработками;
- прямое государственное финансирование корпоративных исследований;
- лоббирование интересов отечественных научных институтов и ученых, а также субсидирование их расходов на защиту интеллектуальной собственности, как в России, так и за рубежом;
- приобщение внебюджетных фондов к участию в венчурных проектах;
- стимулирование достижений научных сотрудников и молодых ученых грантами и другими видами материальной помощи;
- образование сети технопарков коллективного пользования.

Одной из самых действенных мер повышения научного потенциала России может быть предоставление налоговых преференций, которые предназначены освободить от налогообложения траты на НИОКР. Программа государственного управления структурными преобразованиями призвана обеспечить переход к шестому технологическому укладу посредством обновления институциональной структуры и подведения ее к возможности для этого перехода. В данный момент система подготовки кадров и методы государственной экономической политики

отнюдь не отвечают императивам шестого технологического уклада, поскольку направлены на снабжение ресурсами экспортоориентированных добывающих отраслей.

Необходимо обеспечить все условия для непрерывного инновационного процесса и совершения технологического рывка, который выведет в мировые лидеры отечественные наукоемкие отрасли промышленности и сферы услуг. Интеграции науки и производства поспособствуют исследования, проводимые производственными компаниями, которых следует стимулировать налоговой политикой. Например, в 2005 г. в Бельгии было принято решение стимулировать научную активность частных компаний путем снижения налога на заработную плату ученых. Они получили право присваивать 50% налогов на зарплату [16, с. 212]. В Италии налоговые субсидии предоставляют предприятиям, которые не менее 10% своей прибыли расходуют на финансирование издержек научного персонала [16, с. 212].

В 1980-е гг. XX века мировая экономика вступила в пятый технологический уклад, отрасли которого в развитых странах росли со скоростью 25–30% в год, а их вклад в ВВП достигал 50%. Однако в 2008 г. пятый технологический уклад исчерпал себя и мир встал на пороге вступления в новую эпоху. Необходимость структурной перестройки возникла не только в экономике, но и в общественной жизни в целом.

Монография французского экономиста Т. Пикетти «Капитал в XXI веке», изданная в 2013 г., сразу стала бестселлером, получив признание общественности и экономических экспертов. Центральный тезис его работы состоит в том, что если уровень доходности капитала (r) длительное время будет превышать уровень экономического роста (g), то концентрация богатства будет возрастать [122]. Неравенство Т. Пикетти выглядит следующим образом:

$$r > g \quad (3.1.)$$

Где r – норма отдачи капитала;

g – темпы роста экономики.

При этом дефиниция Т. Пикетти принимает вид:

$$\beta = \frac{k}{y} \quad (3.2.)$$

Где β – отношение капитала к ежегодному доходу;

k – запас капитала;

y – поток дохода.

В 1980–2000 гг. бурный экономический рост обусловил экспоненциальный рост доходности финансового сектора и фондового рынка. Экономист М. Хазин в своей монографии 2003 г. «Закат империи доллара и конец ‘Рах Americana’» поясняет, за счет чего росли сверхдоходы менеджеров и акционеров крупных компаний, многие из которых долгое время являлись убыточными, но выносили значительную часть расходов на внебалансовые счета [27]. Принципиальную важность представляет другая особенность того периода – изменение схемы перераспределения доходов. Так, доходность финансового сектора значительно возросла, в то время как производственный сектор проседал. Еще в начале XX века В. Парето выдвинул теорию, согласно которой неравенство в распределении доходов может быть уменьшено в том случае, если доходы и производство будут расти быстрее, нежели численность населения [10 С. 234]. Согласно его теории, 20% населения обладают 80% богатства, и данная диспропорция является естественной, распространяющейся чуть на все области трудовой деятельности человека. Проблему роста неравномерного распределения доходов изучал также С. Кузнец, который считал, что в начале экономического роста неравенство усиливается, но затем сокращается. Безусловно, данная гипотеза эмпирически подтверждается исследованиями в развитых странах, однако в развивающихся странах опровергается. Россия является не развитой, а развивающейся страной, поэтому в успешный период динамичного экономического роста 2000-х гг. неравенство в доходах усиливалось. Концентрация доходов выражает одну из центральных причин падения потребительского спроса, ключевого параметра поддержания стабильности социально-экономической сферы.

Тем не менее, системной проблемой рыночной модели экономики является не столько усиливающееся неравенство в доходах различных слоев населения, сколько необратимость, невозможность безболезненного преодоления кризиса.

Глобализация, межрегиональная интеграция, тесная кооперация с компаниями, представляющими интересы международных бенефициаров, были обоснованы благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, но на сегодняшний день они исчерпали свои ресурсы. Локально набирает обороты замена аутсорсинга на инсорсинг, осуществление инвестиций для сохранения накопленного капитала. Бесконтрольная денежная эмиссия, которую проводят центральные банки США и ЕС, предназначена поддерживать на плаву стагнирующее производство и обеспечивать платежеспособный спрос. Однако дальнейшее рефинансирование кредитов по низким ставкам становится проблематичным, поскольку они уже достигли минимумов – в ЕЦБ учетная ставка составляла 0,05% в 2015 г. [119], в ФРС – 0,25% в период 2008–2015 гг. [124].

Побочный эффект такой политики заключается в том, что хозяйствующие субъекты наращивают долги, затрудняя их обслуживание. Тем самым растут и риски невозвратов, связанные с неплатежеспособностью заемщиков. Однако центральные банки не могут значительно поднять ключевую ставку, так как в противном случае обслуживание долгов станет невозможным, за ним последует коллапс финансовой системы. Производство в производственном секторе упадет в несколько раз.

По оценкам некоторых аналитиков, на сегодняшний день домохозяйства в развитых странах потребляют на 15–20% больше, чем зарабатывают. Таким образом, прекращение рефинансирования долга способствует обвалу рынков и падению ВВП. Объем спада может достигнуть масштабов «Великой депрессии» 1930-х гг., причем он не ограничится одной или несколькими странами. Как в 2008 г. финансовый кризис начался в США и распространился на весь мир, так может произойти и в период второй волны кризиса.

Помимо описанных факторов, дискредитирующих рыночную организацию экономического устройства в плане неизбежности структурных кризисов и их тяжелых последствий, по нашему мнению, существует еще одна магистральная проблема, которая в ближайшем будущем может привести к быстрой эскалации кризиса. Ее суть состоит в том, что массивная денежная «накачка» имеет

пределы, заключающиеся в пропорциях между денежной массой и денежной базой, выраженные денежным мультипликатором. Именно поэтому в середине 2014 г. беспрецедентная эмиссия американского доллара была приостановлена, поскольку дальнейшее ее продолжение вызвало бы гиперинфляцию.

Несмотря на пессимистические прогнозы вероятного развития событий в глобальной экономике, некоторые страны располагают средствами выхода из кризиса и перспективами обеспечения долгосрочного экономического роста. В теоретической главе настоящей работы был рассмотрен Казахстан, экономика которого, как российская, имеет «сырьевой перекос», но она развивается более быстрыми темпами посредством наличия экономической стратегии, нацеленной на индустриализацию. Россия тоже располагает необходимыми ресурсами для динамичного развития в ближайшей перспективе. Однако для этого необходима политическая воля, которая предназначена кардинально изменить сложившуюся в 1990-е гг. бюрократическую систему. Несмотря на тотальную деградацию производственного сектора, новая политика в сфере экономики, управления и финансов может в малые сроки вернуть страну на траекторию роста, который будет только нарастать.

В 1990–1998 гг., вследствие перехода на рыночное саморегулирование и отчуждения государства от управления экономикой, падение производства в России составило 42%, а инвестиций в основной капитал – 79% [16, с. 124]. Производственная направленность обозначилась в сторону экспортирования энергоресурсов и наращивания сферы услуг. Изначально, при осуществлении рыночных реформ, планировалось под воздействием конкуренции реализовать научно-технический потенциал, однако неэффективное управление экономикой привело к сокращению расходов на науку, по разным оценкам, от 5 до 12 раз. К 2009 г. расходы на НИОКР составили 1,1% ВВП, при этом затраты на одного научного сотрудника в России в 8 раз ниже, чем в Южной Корее, в 12 раз ниже, чем в Германии [16, с. 129]. Доля предприятий, занятых инновационными разработками, составляет 10% в России, 28% в Румынии, 32% в Словакии, 38% в Польше [16, с. 132]. Причиной деградации науки в нашей стране являлась

не востребованность НИИ и КБ, так как резко сократился спрос на их разработки в процессе деструктивной приватизации и вывода капитала за рубеж. Решение структурных проблем российской экономики подразумевает не только лишь увеличение финансирования обрабатывающей промышленности и инноваций, но также включает воссоздание инфраструктуры, институциональное оснащение социально-экономической сферы. Ярко выраженными целями при этом будут наращивание инвестиций и поддержка наукоемких отраслей промышленности, без которых не приходится рассчитывать на успех в переходе на следующий технологический уклад.

Как показывает практика, рыночное саморегулирование даже в успешный период экономического развития в России в 2000–2008 гг. не обеспечивало аккумуляцию сбережений посредством банковской системы и фондового рынка и их трансформацию в капитальные инвестиции для развития предприятий наукоемких отраслей. Вместо этого капитал использовался в спекуляциях и прочих видах финансово-посреднического заработка. Частично инвестиции направлялась в добывающую промышленность, что усиливало структурные диспропорции, которые отразились в кризисный период.

Ликвидация каналов связи внутренней финансовой системы с реальным сектором посредством повышения ставки кредитования, а также отсутствие «длинных» кредитов лишает последнего конкурентоспособности, обрекая на выживание. В результате объем амортизационных отчислений составляет около 2–3% от объема основных фондов против 14% в 1990 г. [16, с. 140]. Еще более усугубляет положение 5–7% выбытие основных фондов ежегодно, при уровне обновления в 1–1,5% [95]. Но дезинтеграцию финансовой и реальной сферы можно обратить, если отказаться от лекалов «Вашингтонского консенсуса» и разработать собственную долгосрочную стратегию социально-экономического развития на основе кардинальных структурных преобразований и Евразийского экономического союза, как самодостаточной технологической зоны. При этом не подразумевается политика автаркии и жесткого государственного дирижизма. В пример можно взять Китай, который по праву считается социалистической

страной, но при этом тесно сотрудничает с иностранными партнерами. Проблема состоит в том, что Россия, в отличие от Китая, сотрудничает с Западом в ущерб себе, а не на пользу. Целесообразно кооперировать и интегрировать научную и образовательную сферу. На сегодняшний день в нашей стране по-прежнему не прослеживается позитивных шагов в государственной экономической политике. Отсутствует программа реиндустриализации, импортозамещения, привлечения внутренних инвестиций. На фоне экономических санкций и падения нефтяных цен падают и котировки на российском фондовом рынке, и привлекательность российской экономики для инвесторов. Финансовая деятельность все больше концентрирует капитал, обеспечивая сверхприбыли. В производственной сфере низкая рентабельность, невысокая скорость обращения денег, высокие риски. В таких условиях под угрозой оказывается оборонная, авиационная, космическая, атомная и электротехническая промышленность, то есть, по сути, национальная безопасность страны.

Важная проблема состоит в том, что, несмотря на попытки государства воссоздать научно-технический потенциал страны за счет создания различных банков развития, венчурных, инновационных и инвестиционных фондов, нет существенных сдвигов из текущего положения. Отчасти это объясняется тем, что необходима комплексная программа, агрегирование всех хозяйствующих субъектов, контрагентов и институтов, их координация и тесная кооперация для обеспечения единства внутренней экономической системы. В противном случае государственные корпорации оказываются коррумпированными, а различные фонды развития размещают свои потенциальные инвестиционные ресурсы в банках в качестве депозитов, либо вовсе направляют на валютный рынок для спекуляций. Необходимо также производить целевое финансирование, чтобы денежные средства направлялись в конкретные проекты, а также разработать жесткую систему ответственности подотчетных лиц, напрямую отвечающих за исполнение. Схематически особенности действующей концепции регулирования структуры экономики, а также то, как они должны выглядеть при эффективной стратегии, проиллюстрированы на рис. 3.1.

Рисунок 3.1. – Особенности государственного регулирования структуры экономики
(схема разработана автором)

На рис. 3.1. подытожены результаты либеральной концепции управления экономикой, которая продолжает применяться в России и в настоящее время. Несмотря на ее откровенный провал, правительство не намерено менять курс. Также на этом рисунке представлена иная концепция управления экономикой, символически названная консервативной. Близкая к ней политика проводилась нынешними развитыми странами в течение нескольких десятилетий с момента первоначального накопления капитала. Таким путем США и страны Западной Европы накопили огромный технологический и производственный потенциал, вследствие чего стали пропагандировать идеи либерализма П. Самуэльсона, Л. Вальраса, Ф. Хайека, К Менгера и прочих неоклассиков с целью лишения развивающихся стран потенциала опережающего развития, методично вгоняя их в «долговую яму» и обрекая на экспортно-сырьевую специализацию.

Если в 1991 г. Россия вынужденно начала встраиваться в глобализацию, теряя уникальные технологии и целые отрасли высоких технологий, получив взамен рынки сырья в соответствии со «сравнительными преимуществами», то в 2008 г. международное разделение труда резко замедлилось. Кризис повлек кумулятивный эффект банкротства предпринимателей и домохозяйств, после которого глобальная экономика получила ресурс для некоторой коррекции. С 2012 г. совокупные темпы роста развитых стран снижаются, и ожидается новая волна финансовой диверсии. В рамках неоклассической экономической теории и американского институционализма ученые опираются на цикличность длинных волн Н. Кондратьева, не признавая системность кризиса рыночной экономики, зависящей от возможностей углубления разделения труда.

3.2. Линейная корреляция между индексом обрабатывающей промышленности и темпами роста ВВП

Теоретическая обоснованность и практическая значимость структурной перестройки российской экономики не подвергается сомнению, в том числе по причине неоптимистичных конъюнктурных внешнеэкономических ожиданий. Государственным регулятивным аппаратом не предпринимается практических шагов по диверсификации экономики, преодолению острой экспортно-сырьевой зависимости. Несмотря на все проблемы действующей экономической модели, сформированной в 1990-е гг. на основе «Вашингтонского консенсуса», которая в последние годы крайне неэффективна, Министерство экономического развития продолжает разрабатывать стратегию долгосрочного экономического развития, опираясь главным образом на нефтяные цены, впрочем, как и Министерство финансов – государственный бюджет. Перспективы нефтяной промышленности и значительного роста цен на сырьевые ресурсы маловероятны в условиях продолжительной глобальной стагнации, поэтому следует переориентировать российскую экономику на новые «точки роста».

Обоснованность новой индустриализации выражена не только полным исчерпанием возможностей «экспортно-сырьевой» модели и историческим опытом. В 2005–2016 гг. темпы экономического роста России имели линейную зависимость от индекса обрабатывающей промышленности, которую выявил регрессионный анализ – метод наименьших квадратов. Он представляет собой статистический метод исследования влияния одной или нескольких независимых переменных x_1, x_2, \dots, x_p на зависимую переменную y . Однако математическая зависимость одного показателя от другого не отражает причинно-следственные отношения.

Пусть y_t – темпы роста ВВП t -го периода, в процентах к предыдущему году;

x_{1t} – индекс обрабатывающего производства, в процентах к предыдущему году.

Корреляция между индексом обрабатывающей промышленности
и темпами роста ВВП

t	y_t	x_{1t}	y_t^2	x_{1t}^2	$x_{1t} y_t$
2005 г.	6,4	7,6	40,96	57,76	48,64
2006 г.	8,2	8,4	67,24	70,56	68,88
2007 г.	8,5	10,5	72,25	110,25	89,25
2008 г.	5,2	0,5	27,0	0,25	2,6
2009 г.	-7,8	- 15,2	- 60,84	- 231,04	- 118,56
2010 г.	4,5	10,6	20,25	112,36	47,7
2011 г.	4,3	8,0	18,49	64,0	34,4
2012 г.	3,7	5,1	13,69	26,01	18,87
2013 г.	1,8	0,5	3,24	0,25	0,9
2014 г.	0,7	2,1	0,49	4,41	1,47
2015 г.	-2,5	-5,4	-6,25	-29,16	-13,5
2016 г.	-0,2	0,1	-0,04	-0,01	-0,002
S	32,8	32,8	196,48	185,64	180,65

Источник: таблица составлена автором по данным: [84, с. 79, 153]. [86, с. 80, 156]. [88, с. 81, 156]. [116]

На основе данных табл. 3.1. составим график, отражающий корреляцию между индексом обрабатывающей промышленности и темпами роста ВВП за исследуемый период.

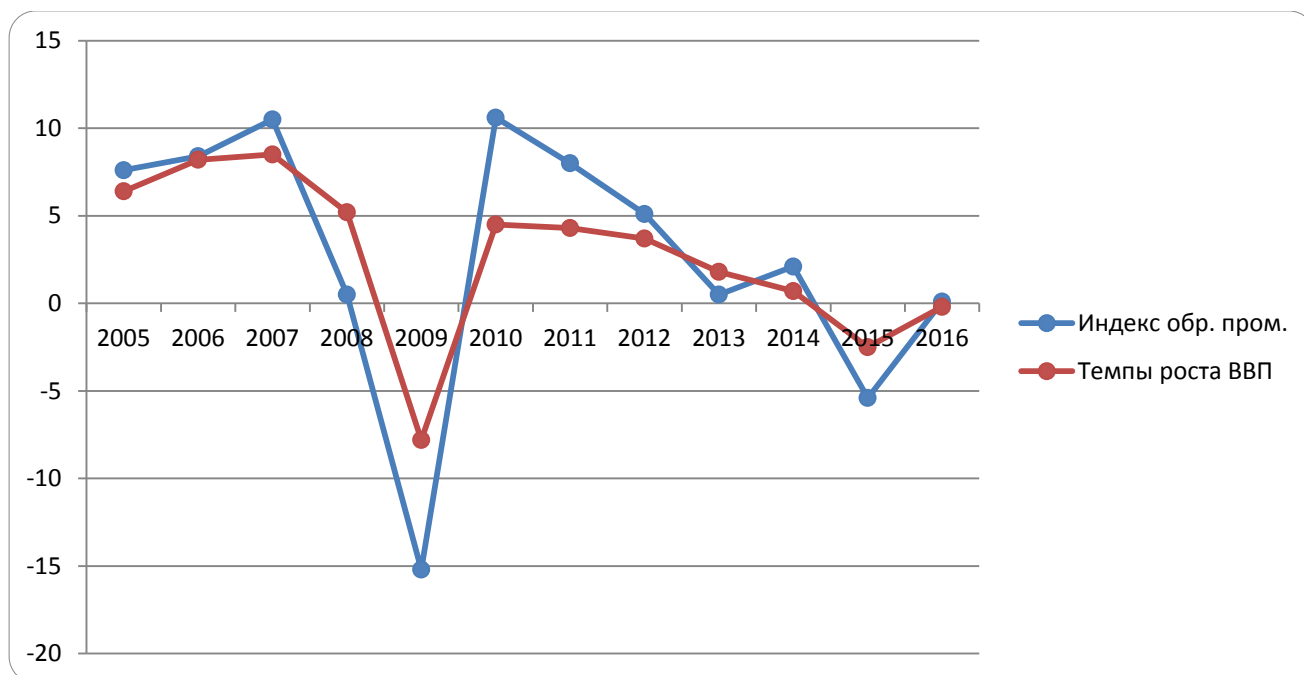

Рисунок 3.2. – Корреляция между индексом обрабатывающей промышленности и темпами роста ВВП (разработан автором)

Определим степень корреляции зависимой переменной y_t от независимой переменной x_{1t} по формуле:

$$y_t = a_0 + a_1 x_{1t} + e_t \quad (3.3.)$$

$$a_0 = \frac{\sum y_t \times \sum x_{1t}^2 - \sum x_{1t} \times \sum x_{1t} y_t}{T \times \sum x_{1t}^2 - (\sum x_{1t})^2} = \frac{6088,992 - 5925,32}{12 \times 185,64 - 1975,84} = 0,14$$

$$a_1 = \frac{T \times \sum x_{1t} y_t - \sum y_t \times \sum x_{1t}}{T \times \sum x_{1t}^2 - (\sum x_{1t})^2} = \frac{12 \times 180,65 - 32,8 \times 32,8}{12 \times 185,64 - 1075,84} = 0,95$$

Следовательно, при увеличении индекса обрабатывающего производства на 1,0%, при прочих равных условиях, темпы экономического роста составляют 0,95%. В исследуемый период данные показатели демонстрируют линейную корреляцию, поэтому новая индустриализация экономики России обоснована математически. По отчетам на Мировом экономическом форуме в швейцарском Давосе в 2014 г., Россия занимает 64-е место по конкурентоспособности среди 148 стран мира [111, с. 42-43].

Согласно подсчетам института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в ближайшие годы необходимы 15–16% темпы роста инвестиций для качественного рывка экономики России, потому как 5–6% предназначены для амортизации и возмещения выбытия основных фондов [111, с. 43]. Повышение конкурентоспособности экономики сопряжено с наращиванием инвестиций в основной капитал, опирающихся на эффективность государственного аппарата в регулировании деловой среды и развитии научной сферы. С начала 2000-х гг. инвестиции привлекались обычно в добывающие отрасли производственного сектора, высокотехнологичная сфера продолжала деградировать.

В сложившейся ситуации для преодоления кризиса необходимо произвести новую индустриализацию, ведущими звеньями которой следует обозначить ядра шестого технологического уклада. Прогноз социально-экономического развития России до 2030 г., подготовленный Министерством экономического развития, предусматривает три сценария: консервативный, инновационный и целевой (форсированный). Согласно консервативному сценарию, средние темпы прироста ВВП за период 2011–2015 гг. должны были составить 3,6% [60], однако в действительности они составили 1,2%. Консервативный сценарий предполагал

модернизацию лишь топливно-энергетического и сырьевого секторов, допуская относительное отставание средне- и высокотехнологичных секторов.

Таким образом, результаты либерально-монетаристской экономической политики в 2011–2015 гг., как и в предыдущие периоды пореформенной России, оказались неудовлетворительными. Если кардинальным образом не изменится вектор экономической политики, то зависимость от нефтяных цен и цен на иные природные ресурсы сохранится. Следовательно, волатильность национальной валюты будет существенной. По мнению некоторых экспертов, при цене на нефть марки Urals в 90 долл./барр., в условиях отсутствия активных стимулирующих мер экономической политики, Россию ожидает глубокий кризис с тяжелыми последствиями, вплоть до невыполнения государством прямых социальных обязательств [6, с. 31]. В 2015 г. цены на нефть опустились ниже 40 долл./барр., но на государственном уровне не предпринято шагов для изменения сложившейся неблагоприятной макроэкономической ситуации.

Апологеты неоклассической теории, руководящие экономикой России, продолжают следовать монетаристской концепции управления, несмотря на ее несостоятельность в текущей макроэкономической ситуации. В. Ю. Катасонов, С. Ю. Глазьев, М. Г. Делягин, А. О. Баранов и некоторые другие видные деятели экономической науки объясняют немонетарный характер инфляции в России за последние годы, однако их мнение и факты игнорируются.

Государственные власти не приходят к общему знаменателю относительно способов модернизации. С одной стороны предлагается изменить кредитный и инвестиционный механизм от резкого снижения учетной ставки Банка России и гарантированного рефинансирования производственного сектора под залог его активов; с другой стороны неуклонно ратуют за приватизацию оставшихся в государственной собственности предприятий. Второй вариант олицетворяет продолжение либерально-монетаристского сценария, в результате которого наша страна оказалась в кризисной ситуации с единственно конкурентоспособным топливно-энергетическим комплексом. Адепты либеральных идей апеллируют соображениями о ключевой роли институциональных проблем российской

экономики. Но каким образом следует измерять качество институциональной среды? Ведь «общепринятая мудрость» институциональной теории, сводящая критерии измерения к свободе торговли, свободе движения капитала, защите прав собственности и их четкому разграничению, подвергается обоснованной критике Д. Нортон [121] и В. Поповым [123], ссылающимся на успешность китайских TVE – «поселковых предприятий». Китайские TVE весьма успешны, нередко разрастаясь до масштабов мирового рынка, но при этом имеют нечеткие и запутанные права собственности. А Р. Аллен полагает, что одной из причин отставания Франции от Англии в XVII–XVIII вв. была чрезмерная защита прав собственности [2]. Также существуют интегральные индексы, характеризующие состояние институциональной среды того или иного региона. Они включают в себя экспертные оценки, разрабатываемые аналитическими центрами, внешними экспертами, международными рейтинговыми агентствами. Формируют данные индексы с учетом наличия или отсутствия тех или иных регулирующих органов, законодательных актов, официально закрепленных процедур; кроме того, при составлении подобных индексов часто прибегают к опросам предпринимателей, администраторов и граждан [5, с. 70]. Следовательно, оценки состояния или эффективности институтов в значительной степени подвержены субъективизму, то есть человеческому фактору, опирающемуся на экономические воззрения и политические предпочтения. Однако эмпирические исследования показывают, что копирование развивающимися странами институционального устройства успешных рыночных демократий редко дает ожидаемый результат, поскольку положения конституций часто остаются на бумаге [127]. Внедрение нужных или «правильных» институтов тормозится коррупцией и выработанными за долгий период времени общественными стереотипами и нормами. В 1990-е гг. в России приватизация и тотальная либерализация экономики не были обоснованными, поскольку отсутствовал конкурентоспособный по мировым стандартам сектор обрабатывающей промышленности, и свирепствовала коррупция.

Проблема применения первого сценария экономической модернизации (снижения процентной ставки и стимулирования производственного сектора)

заключается в том, что его можно применить лишь в условиях протекционизма, противоречащего аксиомам и инструкциям международных институтов – ВТО, ВБ, ВМФ. Данные организации заинтересованы в свободном трансграничном движении капитала, поскольку представляют интересы мировых монополистов. Они ратуют за мнимый свободный рынок совершенной конкуренции, всячески противостоя кейнсианству, марксизму и прочим «неудобным» экономическим теориям. С колониальным режимом было покончено к середине прошлого века, однако в настоящее время отношения между экономически развитыми странами и странами третьего эшелона олицетворяют отношения между патрициями и плебеями Древнего Рима. Формально существует международное право, а также свобода предпринимательства, но мейнстрим в экономической науке пресекает любые попытки развивающихся стран и стран третьего мира сконцентрировать ресурсы на опережающее технологическое развитие. Почти все инструменты протекционистской политики – таможенные пошлины, налоги, субсидирование производства – запрещены правилами ВТО. Конкурентную борьбу выигрывают технологические лидеры, форсируя отрыв от потенциальных конкурентов. ВТО, МВФ и ВБ продвигают мейнстрим с помощью лояльных к ним правительств.

Банк России борется с инфляцией исключительно монетарными методами, но при этом она зачастую превышает аналогичный показатель стран, которые с 2008 г. насыщают экономику денежной эмиссией и стимулируют экономический рост, в том числе за счет низких процентных ставок банков. «Западные» страны используют другие методы борьбы с инфляцией, нежели Банк России, причем намного более эффективные. Заявляемые правительством России структурные реформы, базирующиеся на пресловутом импортозамещении, не выходят за рамки научных конференций, не ратифицируются, поскольку основные тезисы противоречат инструкциям международных экономических институтов.

На наш взгляд, очередная приватизация государственных компаний, за которую ратуют либеральные экономисты, не принесет ожидаемого эффекта по оздоровлению экономики. Статистически она отразится на росте инвестиций, но такого рода «инвестиции» следует обозначить фиктивными, поскольку они не

являются капитальными вложениями, ни в строительство новых предприятий, ни на расширение и техническую реконструкцию уже существующих [26, с. 45]. Вследствие предыдущих этапов приватизации высокотехнологичные отрасли сократились, а экспортно-сырьевая зависимость возросла. В результате доля нефтегазовых доходов в общем объеме доходов государственного бюджета России колеблется в размере 43–48% в последнее десятилетие [90]. Радикальная либерализация российской экономики в 1990-х гг., как уже отмечалось ранее, оказалась полностью провальной, при этом доля частного сектора неизменно росла на протяжении всего пореформенного периода. К 2013 г. численность занятых в государственном секторе составила 18,5% [75, с. 84]. В настоящее время доля государственного сектора в России не превышает 20% ВВП, в Китае она составляет 35% [65]. До 2014 г. в Китае был всего один частный банк – Minsheng Bank, банковский сектор практически полностью государственный. Китайская производственная экспансия захватывает рынки сбыта со времени аграрных реформ Дэн Сяопина, несмотря на высокую долю государственного сектора.

В условиях мирового экономического кризиса США национализировали значительную часть банковского сектора для его спасения, но проблемы модели экономической системы никуда не делись. Мнимые преимущества глобализации нивелируются попыткой США заключить со странами тихоокеанского бассейна «Транстихоокеанское партнерство», а с Евросоюзом – «Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство». Данная инициатива направлена для выхолащивания Китая, который, со своей стороны, развивает идею «Нового шелкового пути». В то же время китайские реформаторы прикладывают усилия для переориентации с гипертрофированного внешнего спроса на внутренний спрос. Понятно, что проблемы китайской экономики связаны не с высокой долей государственного сектора, а с падением внешнего спроса.

Исходя из вышеизложенного, очередная приватизация государственных предприятий в России не принесет ожидаемых результатов по структурным преобразованиям и обеспечению устойчивого экономического роста. С учетом

внешних экономических санкций и низких цен на энергоресурсы, которые по оптимистичным прогнозам экспертов в долгосрочной перспективе едва ли могут превысить 80 долл. / барр., единственной разумной стратегией экономической политики России должна быть новая индустриализация на основе императивов шестого технологического уклада. Важной особенностью реиндустриализации является вертикальная интеграция собственности [31, с. 46]. Однако в рамках либерально-монетаристской политики она неосуществима. К примеру, так и не были реализованы сценарии финансовой подпитки экономики, озвученные Президентом России В. Путиным Федеральному собранию в дек. 2014 г., которые включали:

- реализацию программы докапитализации ведущих отечественных банков;
- направление средств на кредитование наиболее значимых проектов в производственном секторе экономики;
- «наведение порядка в бюджетах госкомпаний»;
- ежегодное снижение издержек и неэффективной траты бюджета не менее чем на 5% от общих расходов в реальном выражении» [59].

Некоторыми экспертами высказывается необходимость инвестирования накопленных нефтегазовых доходов в национальную экономику, прекращая их «консервацию» в виде золотовалютных резервов и ценных бумаг зарубежных эмитентов, включая казначейские облигации США. Однако следует понимать, что такая схема должна быть дополнена учетом всевозможных рисков и пройти тщательную апробацию. Этих средств может не хватить, поскольку значительная их часть направляется на погашение государственного долга.

В условиях индифферентности экономического блока России, ожидающего систематического повышения нефтяных цен на фоне глобального кризиса, спад российской экономики не может быть преодолен ввиду отсутствия «точек роста». В результате и без того скромный антикризисный план России на 2016 г. по мнению министра финансов А. Силуанова, должен быть урезан с 250 млрд. руб. до 120 млрд. руб. [42]. Минфин РФ предлагает предпринять следующие шаги по сокращению финансирования:

- значительно сократить антикризисные расходы Минздрава (с 45,8 млрд. рублей до 13 млрд.);
- сократить поддержку экспорта через Внешэкономбанк, Росэксимбанк и Российский экспортный центр (с 25,3 млрд. рублей до 9 млрд.);
- полностью отказаться от субсидирования по кредитам промпредприятий (10 млрд. рублей) и поддержки промышленного машиностроения (21 млрд.);
- не предоставлять льготы авиационному бизнесу и РЖД, в том числе по НДС (сумма не уточняется) [42].

В таких условиях рассчитывать на новую индустриализацию становится крайне наивно. Без нее структурная политика бессмысленна, поскольку вопрос обстоит в снижении экспортно-сырьевой зависимости страны, подразумевающее обеспечение долгосрочного экономического роста посредством наращивания технологического потенциала. Напротив, резкое повышение цен на сырьевые товары приведет к т. н. «голландской болезни», то есть к систематическому укреплению курса национальной валюты на фоне повышающейся выручки от экспорта сырья и снижения рентабельности внутреннего обрабатывающего производства. Прецедент имеется по опыту 2000–2008 гг., поэтому повторение соответствующего сценария приравнивается к рецидиву.

«Краеугольным камнем» смены действующей экспортно-сырьевой модели является изменение инвестиционного механизма от внешне ориентированного на внутренний. Такая схема осуществима в рамках комплексной структурной, промышленной, инновационной и инвестиционной политики. Агрегирование различных компонентов способствует учету всевозможных положений и рисков, выходящих за пределы социально-экономической сферы.

Официально российский импорт составляет примерно 300–320 млрд. долл., а в реальности – около 400 млрд. долл. в год. Импортозамещение заместит, по самым скромным оценкам, за 10 лет – 200 млрд. долл.

Если рентабельность находится в среднем на уровне 10%, то мы получим возврат инвестиций в размере 2 трлн. долл. Если же рентабельность составляет 5% – то 4 трлн. долл.

Формула расчета выглядит следующим образом:

$$I_{\text{вал.}} = \frac{P_I * R_I}{100\%} \quad (3.4.)$$

Где $I_{\text{вал.}}$ – валовые инвестиции;

P_I – отдача по инвестициям;

R_I – рентабельность вложенных инвестиций.

При этом 2 трлн. долл. составляют примерно 70% реального ВВП России. Следовательно, реален 5–7% прирост ВВП посредством разработки простого в организационно-техническом и технологическом плане импортозамещения, применительно к простым производственным кластерам с низкой добавленной стоимостью конечной продукции.

Государство обладает всеми необходимыми средствами для эффективного управления эмиссионным процессом: эмиссию национальной валюты следует сублимировать в фонды развития, которые на конкурсной основе распределяют инвестиции на создание долгосрочных инвестиционных и инфраструктурных проектов на основе императивов нового технологического уклада.

Если не форсировать экономический рост и не преобразовать структуру экономики по императивам шестого технологического уклада, то неминуемая очередная волна финансовой диверсии в мировой экономике нанесет серьезный ущерб России. Между тем в 2014 г. программа широкомасштабной эмиссии американской денежной единицы в ФРС завершилась, поскольку кредитный мультипликатор опустился с 2008 г. примерно в 4 раза. Дальнейшая масштабная эмиссия повлечет гиперинфляцию. Коллапс финансовых рынков отодвигается локальными мерами подпитки ликвидности банков посредством девальвации национальных валют в развивающихся странах. К примеру, отток капитала из России в результате девальвации на рубеже 2014–2015 гг. составил 200 млрд. долл. Китай потерял в 2015 г. около 1 трлн. долл., Великобритания – 1,3 трлн. долл. через «Панамское досье» в 2016 г.

Избыточный международный капитал достиг невероятных масштабов, поэтому необходим превентивный комплексный план модернизации России для

обеспечения «подушки безопасности» в период неизбежного краха устоявшихся отношений и международной кооперации. Любая из возможных мер ФРС по выходу из сложившейся критической ситуации – повышение учетной ставки или широкомасштабное возобновление денежной эмиссии – вызовет новую волну глобального экономического кризиса. Он ожидается намного мощнее, нежели кризис 2008 г., поскольку фиктивный капитал с тех пор вырос четырехкратно. Если начнется крупная война, то финансовые рынки Европы и Азии перестанут существовать, как считает В. Катасонов [25, с. 170]. По мере беспрецедентного падения уровня жизни населения, бесконечных военных конфликтов за ресурсы осуществится переход на новую прогрессивную общественно-экономическую формацию. Апофеозом глобализации послужит политическая, экономическая, социальная, культурная, религиозная интеграция общества. Поскольку помимо экономических кризисов углубление разделения труда способствует жесткой эксплуатации человеческого труда, вызывает гонку вооружений, обогащение урана в военных целях и создание оружия массового поражения, необходим иной источник развития цивилизации.

Ресурсо-ориентированная экономика – это система, в которой товары и услуги станут доступными без участия товарно-денежных отношений. Она представляет собой по-настоящему революционный прорыв в экономической мысли на современном этапе. Наряду с ней существуют в определенной степени подобные проекты будущего мироустройства, однако именно она чрезвычайно структурирована, упорядочена и прозрачна, располагая концептуальными положениями по всем сферам жизнедеятельности человека.

Коллизии адептов ресурсо-ориентированной экономики обычно исходят из необходимости защиты окружающей среды, загрязняющейся посредством нещадной эксплуатации и истощения природных ресурсов. В настоящее время научное сообщество весьма обеспокоено проблемами глобального потепления, разрушения озонового слоя, техногенными катастрофами и иными явлениями, разрушающими экосистемы. Однако максимизация прибыли, жажда наживы и культ потребления настолько укоренились в общественном сознании, что едва

ли правомерно предвосхитить отказ от столь привычного образа жизни ради экологической безопасности. По мере существенного ухудшения экологической ситуации и значительного увеличения количества людей, живущих за чертой бедности, приоритеты общественного сознания кардинально изменятся.

Помимо необходимости широкомасштабного внедрения и использования экологически чистых источников энергии, в рамках ресурсо-ориентированной экономики огромное внимание уделяется проблеме эксплуатации человеческого труда. Трудовая теория стоимости Д. Рикардо и ее более поздние прогрессивные трансформации едва ли актуальны в период расцвета рыночной организации. Сейчас на пути повсеместной автоматизации и роботизации производственного процесса стоит экономическая необоснованность, нерентабельность в условиях стремления к максимизации прибыли. Эволюционный переход от стоимостной формы труда к сугубо творческому труду кажется еще далеким, но его может ускорить саморазрушение действующей системы.

В свете экспоненциального наращивания информационных и когнитивных технологий, искусственного интеллекта и генной инженерии, нанотехнологий и 3D-принтеров, общество вступит в новую эру собственного развития. Товарно-денежные отношения, частная собственность на средства производства, труд в стоимостной форме и многие другие прочно устоявшиеся устои цивилизации потеряют смысл. Но в рамках соответствующей гипотезы не подразумевается возвращение к социалистическому (коммунистическому) устройству, поскольку движущей силой его развития, как и рынка, было углубление разделения труда. Научно-технический прогресс является следствием разделения труда, а вовсе не первопричиной экономического развития, что доказывается текущим системным кризисом мировой экономики. Также станет возможным консолидация общества с размыванием не только экономических границ, но и политических границ. В таких условиях нивелируется значимость национальной обороны.

3.3. Модельный аппарат оптимизации экономической системы России

Преодоление системного кризиса в экономике России, сочетающего в себе структурные диспропорции и падение прибыльности нефтегазового сектора, возможно с помощью политической воли. Без инициативы государственного регулятора кардинальных изменений в социально-экономическом устройстве не произойдет, поэтому эффект от локальных решений будет кратковременным, причем затрагивающим те или иные сегменты, но не экономику в целом. По этой причине предлагается разработать целый комплекс программ по улучшению экономического климата в стране, который будет охватывать практически все сферы экономики.

Невозможно одним или двумя мерами заменить «либеральную» модель «государственнической». Например, если опустить ключевую учетную ставку Банка России, но не ввести параллельно валютный контроль и не разработать план по стимулированию инвестиций в основной капитал высокотехнологичных производственных структур, то появившиеся у инвесторов ресурсы неминуемо потекут на валютный рынок, и увеличится отток капитала за рубеж. Если скоординировать ресурсы на воссоздание и субсидирование государственных вертикально-интегрированных корпораций для сокращения транзакционных издержек, но не предпринять меры по жесткой административной и уголовной ответственности за невыполнение прямых обязательств, нецелевое расходование средств, то влиятельные преступные группировки построят коррупционные схемы по хищению государственных средств и подавлению конкуренции. Часть бюджетных ресурсов пропадает в неизвестном направлении, поэтому апологеты либерализма зачастую пытаются использовать этот факт в качестве мнимого обоснования ухода государства из экономики и приватизации нефтегазовых компаний. В пользу «либеральных» воззрений выступает также ограничение рыночной конкуренции, поскольку предпочтение в финансировании отдается некоторому наиболее приближенному к власти кругу производителей. Однако

стоит отметить, что в нынешних условиях рыночное саморегулирование привело к возникновению острых структурных дисбалансов и монополизации рынков. Причем в качестве монополистов зачастую выступают иностранные компании. Именно вследствие реализации либеральных идей «Вашингтонского консенсуса» наша экономика деградировала и стала «сырьевой» периферией глобального рынка, а импортозависимость возросла в несколько раз.

В сложившихся условиях полной неопределенности в завтрашнем дне из-за участившегося кризиса долгосрочное планирование в микроэкономике стало бессмысленным. Хозяйствующие субъекты пытаются «выжить», не подумывая о диверсификации производства и расширении рынков сбыта. Если после дефолта 1998 г. стало обосновано вовлечение в производство «законсервированных» мощностей и привлечение иностранных инвестиций, то на сегодняшний день предприятия не располагают избыточными мощностями, а цены на нефть резко снизились, поэтому иностранные инвестиции перестали поступать в необходимом для обеспечения экономического роста объеме. По ретроспективным данным, обновление основных фондов происходит медленнее, нежели износ, который достигает 50%, поэтому девальвация национальной валюты в 2014–2015 гг. не привела к ожидаемому улучшению экономической ситуации [74, с. 411]. Вместо этого упал уровень жизни населения из-за двукратного удорожания импортных товаров, в особенности продовольственных, которые составляют около 2,5 млрд. долл. в месяц. Также ожидается рост тарифов на ЖКХ, стоимости транспортных перевозок и других услуг.

Структурные преобразования не должны ограничиваться изменением пропорций между различными отраслями, секторами и регионами, но также предназначены для обновления механизма обеспечения экономического роста. Неоклассическая экономическая теория, положенная в фундамент либеральных принципов государственного управления, не обеспечила успехами российскую экономику в 1991–2018 гг., поэтому целесообразно провести экономические реформы, близкие принципам «кейнсианства». На рис. 3.3. представлен алгоритм государственного управления структурными преобразованиями, призванный

обеспечить ежегодный 5–10% экономический рост в России в долгосрочной перспективе.

Рисунок 3.3. – Алгоритм государственного управления структурными преобразованиями в экономике России

(схема разработана автором)

Для осуществления кардинальных структурных преобразований, которые выведут Россию на новую длинную волну экономического роста, потребуется решение четырех ключевых задач:

- 1) интеграция науки и производства;
- 2) повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности;
- 3) стимулирование внутренних инвестиций;
- 4) деофшоризация экономики.

Для решения поставленных задач предлагается принять целый комплекс мер денежно-кредитной, валютной, инвестиционной, инновационной, налоговой политики, которые могут быть расширены и подкорректированы. Некоторые из предлагаемых мер универсальны для различных задач, поэтому представляют особую важность. Также следует отметить, что принятие только лишь части мер не решит ни отдельно взятую задачу, ни тем более проблематику структурных диспропорций и вывода страны на устойчивую волну экономического роста.

Интеграция науки и производства.

Интеграция науки и производственного сектора способствует повышению конкурентоспособности национальной экономики и интеллектуального уровня общественных взаимоотношений. Перед появлением персональных компьютеров человек получал в 10 раз меньше информации в день, чем сейчас. Передовые в социально-экономическом аспекте государства располагают весомым научным потенциалом и специализируются на высоких технологиях. Смысл интеграции науки и производства заключается в разрешении проблемы разобщенности между образовательной системой и практическими навыками трудовых кадров. В США и в других экономически развитых странах введена система повышения квалификации кадров непосредственно на рабочем месте. Этот положительный опыт необходимо перенять и использовать в России. Также развитие науки обосновывается интенсификацией научно-технического прогресса, несмотря на его теоретическую неуправляемость. В XXI столетии мир развивается гораздо быстрее, нежели в XX, и в сотни раз быстрее, чем в XIX. Потому уровень научно-технического развития внутри страны характеризует степень ее национального

могущества и безопасности. На данном историческом этапе происходит переход на новейший технологический уклад, предоставляя развивающимся странам возможности для технологического рывка и опережающего развития. Но для осуществления этого плана необходимо разработать стратегию долгосрочного экономического развития в национальных интересах, которыми пренебрегали российские реформаторы начала 1990-х гг.

Выполняя поручения МВФ, а также других международных организаций, функционирующих в интересах международного капитала, отечественная наука была обречена на деградацию. Обработывающая промышленность и высокие технологии не вошли в круг интересов международных инвесторов вследствие низкой прибыльности. Денежные потоки устремились в «сырьевые» отрасли и финансовую деятельность, поэтому структура экономики была деформирована, научный потенциал почти полностью исчерпан. Однако некоторые отрасли еще могут конкурировать с иностранными компаниями, особенно в оборонной, атомной и космической промышленности. Данные отрасли должны выступить локомотивом развития смежных высокопроизводительных отраслей шестого технологического уклада. Интеграция науки и производства обеспечит страну недостающими технологическими, техническими и кадровыми ресурсами для реализации стратегии опережающего экономического развития. Но для решения этой задачи необходимо предпринять ряд мер.

а) Прямое государственное финансирование производственных кластеров нового технологического уклада.

Государственное участие в развитии производственных кластеров нового технологического уклада восполнит недостающие средства для разработки и внедрения в производство принципиально новейших технологий. Таким образом, произойдет обновление научной и производственной сферы по императивам «экономики знаний» и стимулирование потребительского спроса. Становление и развитие шестого технологического уклада в рамках отдельно взятой страны предоставит ей все возможности для опережающего развития и выведет в технико-экономические лидеры с высоким уровнем жизни населения.

б) Освобождение от налогообложения затрат на инновации, проведение научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских разработок.

В практике развитых стран применяется данный метод, предоставляющий научной сфере дополнительные возможности для развития. Например, в США существует более 100 различных льгот, стимулирующих разработку и внедрение инноваций, а в Канаде, Англии, Франции и Италии предусматривается полное исключение из налогообложения затрат на инвестиции в инновации [125]. Принцип равных возможностей, применяемый в России по поручениям МВФ, осуществляемый по инициативе «либеральных» экономистов, продемонстрировал свою абсолютную несостоятельность. Опыт США, Западной Европы, Японии, предусматривающий частичное, а в ряде случаев и полное освобождения от налогов приоритетных областей науки, применим и в России. Такая политика, направленная на стимулирование инвестиций в научные исследования и разработки, привлекательна для частного сектора тем, что предоставляет ему дополнительные преимущества по повышению конкурентоспособности.

в) Повышение уровня образования и подготовки кадров.

Без качественного образования невозможно организовать и регулировать процесс перехода на шестой технологический уклад. В последние десятилетия уровень образования в России неизменно падал, что происходило по причине деградации научной сферы и примитивизации производства в реальном секторе экономики. Спрос на инженеров, новаторов, научных специалистов сокращался. Предпринятые попытки реформирования образовательной сферы не принесли ощутимых результатов. Реформы проводились в условиях безответственности и безнаказанности лиц, курировавших их. Несмотря на всю очевидность того, что вложения в человеческий капитал не гарантируют экономического роста, роль данного фактора в повышении благосостояния населения неумолима.

г) Кооперация научных институтов и реального сектора экономики в целях повышения квалификации кадров непосредственно на рабочих местах.

Данная практика также широко распространена в Западной Европе и США. Американские и европейские компании, обучающие потенциальных работников,

освобождаются от части налогов, дотируются государством, а также получают неплохую возможность подготовить кадры на собственное усмотрение, в соответствии со своими требованиями. Кроме того, такие программы позволяют интегрировать науку и производство. Стоит отметить, что в СССР довольно успешно применялся данный метод, так как страна выступала в качестве одной огромной корпорации.

Повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности.

Конкурентоспособность обрабатывающей промышленности во многом зависима от интеграции науки и производства, поэтому следует понимать, что она является производной от нее. Теоретическая значимость данного вида экономической деятельности заключается в том, что в наибольшей степени научно-технический прогресс сконцентрирован в ней, как в отрасли с высокой технологической и технической оснащенностью. Но в обрабатывающей промышленности имеются подотрасли как высоких технологий, так и примитивной переработки сырья. Например, она включает в себя как производство космических аппаратов, так и первичную переработку нефти с низкой добавленной стоимостью. Следовательно, в повышении конкурентоспособности обрабатывающей промышленности нужно делать упор на машиностроение и другие подотрасли высоких технологий. Наличие полноценной высокотехнологичной сферы является залогом научных изысканий и эффективной государственной внутриэкономической политики. Повышение конкурентоспособности до уровня стран с развитой экономикой так или иначе должно привести к выравниванию уровня жизни населения, хотя этот эффект труднодостижим, но с течением времени осуществим по мере появления рабочих мест, сокращения безработицы, повышения добавленной стоимости и заработной платы, расширения потребительской корзины, увеличения отдачи от инвестиций. США, Канада, Европейский Союз, Япония, Австралия обладают мощной обрабатывающей промышленностью, которую они достигли благодаря специализации на отраслях с «возрастающей отдачей» и защите внутренних рынков в период их зарождения. Для повышения конкурентоспособности в России необходимо предпринять ряд мер.

а) Минимизация административных и контрольно-надзорных процедур в предпринимательской деятельности.

Избыток бюрократических процедур весьма затрудняет эффективность предпринимательской деятельности, создавая, по сути, нерыночные барьеры для контрагентов. Однако это не единственное негативное воздействие на рыночную среду, так как многочисленные плановые и внеплановые надзорные процедуры служат благоприятной почвой для взяточничества при проведении проверок. Положение предпринимателей усугубляет низкое качество законодательства и коррумпированность судов, вследствие чего они предпочитают уклоняться от налогов, пренебрегать нормативными актами, а также экологическими и иными нормами, нежели терпеть значительные убытки, соблюдая закон. В результате нарушается здоровая конкуренция на рынке, и вытесняются добропорядочные предприниматели, понижается качество предоставляемых товаров, работ и услуг. Минимизация бюрократических процедур существенно ударит по коррупции, а также нормализует предпринимательскую атмосферу, как в обрабатывающей промышленности, так и в других видах экономической деятельности.

б) Повышение роли государственно-частного партнерства.

Поскольку в России смешанный тип экономики, то приоритетное значение принимают государственно-частные компании. Их теоретическая обоснованность исходит из того, что рыночный механизм может обеспечивать эффективное распределение ресурсов только в рамках частных индивидуальных благ, но не обеспечивает того в отношении общественных благ [32, с. 129]. Государственно-частное партнерство также позволяет осуществлять ценовой контроль и защиту прав собственности. Тем самым оно служит эффективным способом борьбы с монополизмом и другими проявлениями сговора между субъектами рыночных отношений. Квазигосударственные компании обладают преимуществами перед частным и государственным сектором ввиду того, что аккумулируют ресурсы и тех и других. Если контрольный пакет компании находится в собственности государства, то нивелируются возможности генерирования и концентрации сверхдоходов для частных лиц, что поддерживает социальное равенство.

в) Предоставление налоговых льгот и преференций для предприятий обрабатывающей промышленности.

Налоговые льготы критически воспринимаются апологетами «рыночного фундаментализма» по причине ограничения конкуренции, но, с другой стороны, успешно используются в практике США и Западной Европы. Одновременно целесообразно ввести прогрессивную шкалу налогообложения, выполняющую функцию сокращения дифференциации доходов населения, тем самым понижая коэффициент Джини. Максимальная налоговая ставка в Германии составляет 45%, в Японии – 50%, в Швеции – 57%, а в Китае – 45% при минимальной ставке в размере 5% [43, с. 32]. В России подоходный налог составляет 13% для всех категорий граждан, и растет разница между уровнем жизни богатых и бедных.

Налоговые льготы, предоставляемые обрабатывающему производству, сконцентрируют ресурсы для амортизации основных фондов, истощаемость которых в последние годы превышает их обновление. Наряду с прорывом в научной сфере, станет возможным внедрение новейших технологий нового технологического уклада, а с предоставлением «дешевых» длинных кредитных ресурсов – внутренний инвестиционный бум, стимулирование спроса на первых этапах новой индустриализации. В США существует более сотни различных льгот на разработку и интеграцию инноваций и производственной сферы. В настоящее время Россия располагается на 94-м месте в мире по уровню эффективности налогообложения для нужд инвестиционной деятельности, но никаких позитивных шагов для изменения ситуации не предпринимается [125].

г) Протекционистские меры для защиты внутреннего производства в обрабатывающей промышленности.

В условиях глобализации и тесного сотрудничества с международными корпорациями свод инструментов протекционизма значительно сужен. Однако существуют нестандартные барьеры ограничения и полного запрета на ввоз иностранной продукции, применяемые разными странами. Фитосанитарные, санитарные, экологические и другие нормы подстроены под преимущества внутренних производителей с целью повышения их конкурентоспособности на

открытом рынке. Вкупе со стандартными таможенными пошлинами они могут частично или полностью вытеснить иностранную продукцию. Однако открытый рынок имеет не только недостатки, позволяющие иностранным и международным корпорациям вытеснять резидентов, но и ряд преимуществ, заключающихся в стабилизации цен, повышении качества продукции и производительности труда, сокращении производственных издержек, обеспечении занятости населения и пополнении государственного бюджета за счет налоговых выплат. При этом должна быть выстроена эффективная система налогообложения, защиты прав собственности и распределения доходов для реализации прерогатив свободного рынка, которой нет в России. Потому свободный рынок должен охватывать лишь некоторые сегменты, которые наиболее выгодны национальной экономике, а ключевые направления нового технологического уклада, находящиеся на стадии зарождения, должны быть защищены от деструктивного воздействия внешних сил. Протекционизм разумно применить в ряде направлений обрабатывающей промышленности, а также в других высокотехнологичных отраслях.

Стимулирование внутренних инвестиций.

Наличие внутреннего инвестиционного механизма является необходимым условием для осуществления структурных преобразований и функционирования экономики в условиях отсутствия доступа к иностранным кредитным ресурсам. В настоящее время российская экономика не полностью отрезана от иностранного капитала, так как, во-первых, экономические санкции не распространяются на все отрасли и сегменты, а во-вторых, инвестировать в Россию по-прежнему могут нерезиденты, зарегистрированные в оффшорных зонах и других зарубежных юрисдикциях. Конечные бенефициары оффшорных компаний имеют российское гражданство, а их инвестиции в экономику России считаются иностранными. Проблема привлечения иностранных инвестиций заключается во внутреннем экономическом спаде, обусловленном падением нефтяных цен, структурными диспропорциями и высокой инфляцией. Безусловно, положение усугубляется экономическими санкциями, дезинтегрирующими внешнеторговые отношения, крайне неэффективной внутренней экономической политикой. Беспрецедентная

девальвация российского рубля на рубеже 2014–2015 гг. повлекла удорожание импорта и ухудшение инвестиционного климата. Если в успешный период для российской экономики 2000–2008 гг. иностранные инвестиции привлекались преимущественно в основной капитал добывающих компаний и на фондовый рынок, то в условиях падающего потребительского спроса их концентрация сокращается во всех сферах, резко нивелируя перспективы обрабатывающей промышленности. Для улучшения инвестиционного климата в долгосрочной перспективе целесообразно привлекать внутренние источники финансирования. С учетом нестабильности национальной денежной единицы и валютных рисков, особое внимание следует уделить валютной и денежно-кредитной политике. В соответствии с выделенными областями требуется принятие координированных мер равной степени важности, исключающих их ранжирование.

а) Применение «количественного смягчения» в целях создания механизма внутреннего инвестирования.

В кризисный период банковский регулятор в различных странах старается стимулировать падающий спрос и стагнирующий рынок низкими кредитными ставками. Однако Банк России продолжает придерживаться жесткой монетарной политики и в условиях внутреннего экономического спада, поэтому положение российской экономики ухудшается. С 2009 г. ключевая ставка в центральных банках США, Канады, Австралии, Евросоюза минимальна, поскольку долговое бремя как финансовых, так и нефинансовых организаций велико. Существенное повышение ставки приведет к обвалу рынков и резкому падению ВВП. Но Банк России по-прежнему ставит в приоритет борьбу с инфляцией путем «зажима» денежной массы высокой ключевой ставкой, скупкой казначейских обязательств США и резервированием нефтегазовых доходов.

Согласно результатам исследований С. Глазьева, в 2012 г., при ключевой ставке Банка России 5% годовых, рентабельность производства в большинстве отраслей российской экономики была ниже 10%, а в ряде из них едва превышала 5%. Ставка Банка России и доходность в производственной сфере в 2012 г. проиллюстрированы на рис. 3.4.

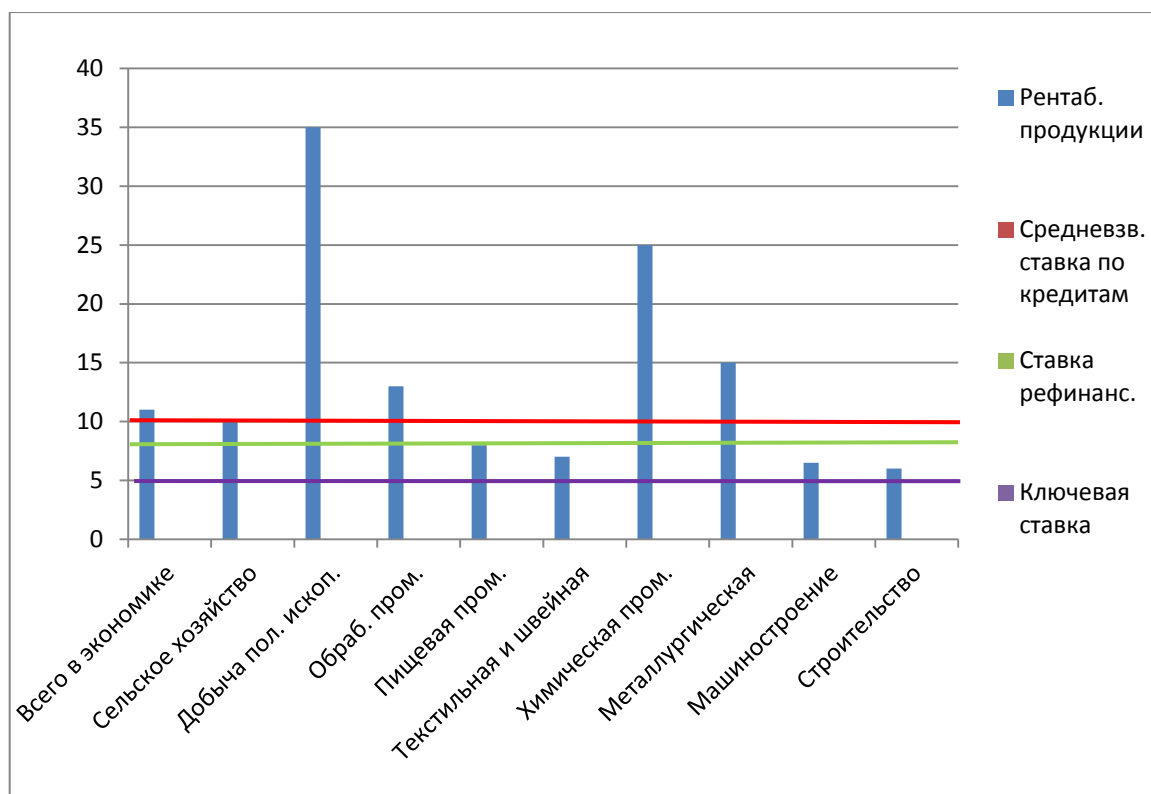

Рисунок 3.4. – Доходность операций в производственной сфере и ставка Банка России, 2012 г. [15, с. 18].

В 2015 г. ключевая ставка значительно возросла, достигнув 17%, но затем начала постепенно снижаться. В таких условиях кредитные ставки коммерческих банков зачастую достигают 20–25%, становясь недоступными производственному сектору экономики, поэтому многие предприятия работают длительное время в убыток, рассчитывая на улучшение макроэкономического климата в будущем. Так как наименьшая рентабельность присуща машиностроению и строительству в обрабатывающей промышленности, то инвестиционная привлекательность в этих видах экономической деятельности падает в первую очередь. До 2014 г. основным источником инвестиций были «длинные» иностранные кредиты с очень низкой процентной ставкой, предоставляемые европейскими банками, но с введением нескольких пакетов экономических санкций со стороны Евросоюза в отношении России, доступ к ним был перекрыт. Одновременно Банк России резко поднял ключевую ставку, и производственный сектор лишился и внутренних и внешних

источников финансирования. Ангажированность Банка России по мере защиты постулатов рыночного фундаментализма во многом исходит из догматических представлений об универсальности методов борьбы против инфляции путем удорожания кредитных ресурсов и изъятия из оборота избыточной денежной массы. Согласно многочисленным исследованиям, инфляция в России носит не монетарный характер, попытки подавить ее жестким ограничением денежной эмиссии и повышением кредитной ставки усугубляют положение в реалиях современной экономики со сложными обратными связями и несовершенной конкуренцией [14],[19]. Непродуктивность данной политики состоит в том, что удорожание кредитных ресурсов приводит к стагнации и повышению цен, ведь конкурентная среда практически отсутствует. Методы количественной теории борьбы с инфляцией должны дополняться другими методами и не допускать высокой инфляции ни при денежной эмиссии, ни при сжатии производства. Беспрекословное следование «монетаристским догмам», игнорирование реалий современной системы привело к перманентному сокращению ориентированных на внутренний спрос инвестиций в строительстве и машиностроении, а также к гипертрофированному росту экспорта энергоресурсов и сжатию внутреннего потребления [13]. Удешевление кредита позволит обеспечить модернизацию, индустриализацию и импортозамещение.

Антитезисом «количественного смягчения» выступает монетаристская теория денежной инфляции, которая является мейнстримовым направлением современной экономической мысли, но не применяется на практике в развитых странах. Несмотря на расхождение неоклассической теории с экономической политикой США и Евросоюза, применяющих стратегию «количественного смягчения» с 2009 г., Банк России и Министерство финансов России продолжают придерживаться мейнстрима, и по сему лоббировать интересы международных корпораций. В 1996 г. М. Хазин, начальник департамента кредитной политики Министерства экономики России, в своем докладе «О платежном кризисе и нормализации платежей и расчетов» четко аргументировал необоснованность «зажима» денежной массы в российских экономических реалиях [105]. Согласно

результатам исследования, «зажим» денежной массы в России вовсе не тормозит инфляцию, но даже провоцирует ее. Нехватка национальной валюты в денежном обращении и повышение кредитной ставки провоцируют инфляцию издержек, в особенности же при отсутствии доступа к иностранным кредитам с низкой процентной ставкой. В результате происходит отток капитала и концентрация его в оффшорных зонах для получения доступа к иностранным кредитам. Около 70% иностранных инвестиций предоставляется из оффшорных юрисдикций российским бизнесом [21]. Организации, отрезанные от внешних источников финансирования, оказываются в заведомо проигрышном положении [15, с. 17].

Банк России сводит свою деятельность к единственной цели – к борьбе с инфляцией. При этом игнорируется главное предназначение центрального банка, заключающееся, по мнению нобелевского лауреата по экономике Дж. Тобина, в создании условий для максимизации инвестиций. Денежная эмиссия является не единственным фактором, влияющим на инфляцию. Банк России принципиально игнорирует немонетарные факторы инфляции, несмотря на то, что институты регулирования денежного обращения способны обеспечивать трансформацию денежной эмиссии в кредитование программ по расширению производства, которое позволит удерживать обесценение на приемлемом уровне и снижать производственные издержки. Напротив, чрезмерно высокие процентные ставки и сужение денежного предложения ведут к спаду внутреннего производства и повышению конкурентоспособности иностранных товаропроизводителей. По последним исследованиям, масштабы монетизации российской экономики не превышают 40% ВВП, в то время как в большинстве экономически развитых стран этот показатель достигает 100% и выше [20]. Данное обстоятельство открывает широкие возможности для рефинансирования производственного сектора экономики под залог обязательств государства и платежеспособных компаний. Низкие процентные ставки по кредитам и расширение национальной денежной эмиссии обеспечат рынок необходимыми ресурсами для внутреннего инвестирования, но параллельно следует принять меры по ревизии и коррекции валютных операций во избежание оттока капитала за рубеж.

б) Налогообложение конверсионных операций.

Индифферентное отношение к валютным операциям в пореформенный период является одной из основных причин чрезмерного оттока капитала за рубеж. Пресловутое трансграничное движение капитала даже в благоприятный период высоких темпов роста российского ВВП в 2000–2008 гг. усиливало структурные дисбалансы, привлекая инвестиционные ресурсы в добывающий сектор и в валютные рынки на спекулятивные операции для маневрирования производными финансовыми инструментами. С периода замедления темпов экономического роста, начавшегося в 2012 г., отток капитала усилился. В том же календарном году он достиг 839 млрд. руб. [15, с. 22].

Механизм валютного контроля не подразумевает политику автаркии, экспроприации или фиксированного курса национальной валюты, он должен ограничить лишь валютные спекуляции, чтобы потенциальные инвестиционные ресурсы направлялись в производство. Налогообложение обменных операций, по мнению Дж. Тобина, в размере хотя бы 0,1–0,25%, значительно ограничит трансграничные валютные спекуляции и в разы уменьшит их вред, наносимый развивающимся странам. Чем выше налог Дж. Тобина, тем менее рентабельными окажутся валютные спекуляции.

в) Обязательная продажа валютной выручки.

В целях обеспечения устойчивости обменного курса национальной валюты целесообразно расширить количество инструментов регулирования спроса и предложения иностранной валюты. Для этого следует взимать экспортные пошлины в иностранной валюте с их аккумуляцией на валютных счетах правительства в случае избыточного предложения валюты [15, с. 25]. Важна обязательная продажа валютной выручки экспортеров на внутреннем рынке в случае ее недостаточного предложения [15, с. 25]. Конверсионные операции должны быть направлены на стабилизацию национальной валюты, обеспечение ликвидности, а не на спекуляции против нее в целях быстрого обогащения. Но централизованное регулирование спроса и предложения иностранной валюты подрывает либеральные экономические ценности.

г) *Предоставление налоговых льгот и преференций для инвестирования в основной капитал.*

Инвестиции в основной капитал направлены на обновление мощностей и увеличение производительности труда за счет приобретения новых технологий и высококачественного оборудования. Стимулирование инвестиций в основной капитал наряду с введением валютного контроля послужит также механизмом обеспечения притока свободных денежных средств в реальный сектор. Если для инновационных разработок, целевых программ развития обрабатывающей промышленности и стимулирования внутренних инвестиций, предпочтительно предоставлять налоговые льготы и преференции, то компенсировать ущерб от сужения налоговой базы, призвана прогрессивная шкала налогообложения. Ее релевантность заключается в том, что наибольшие налоговые ставки присущи государствам всеобщего благосостояния. Например, в Швеции максимальная ставка составляет 57% [43, с. 28]. При этом Скандинавским странам характерна институционально-распределительная модель общественного благосостояния, в которой функционирует государственная система распределения имеющихся ресурсов с целью удовлетворения потребностей всех слоев населения [98, с. 123].

Деофшоризация экономики.

По разным оценкам, от 70 до 95% российского бизнеса зарегистрировано в оффшорных зонах [32, с. 27], [26], но оффшорные компании осуществляют основную деятельность на территории России. Отсюда следует, что различные министерства России, предназначенные для регулирования экономики, в действительности практически не регулируют ее. Судебные разбирательства, возникающие с компаниями, управляемыми из иностранных юрисдикций, проходят в иностранных судах. Из 50 крупнейших российских компаний, принадлежащих частному капиталу, 23 были зарегистрированы в оффшорах по данным 2013 г. [53]. Потери от уклонения от налогов оффшорных компаний в федеральный бюджет, по некоторым оценкам, составляют 25–30% по отношению ко всем налогам, уплачиваемым юридическими лицами. Так, у государственной нефтяной компании «Роснефть», являющейся крупнейшей в мире по добыче

нефти, официально зарегистрировано 11 дочерних компаний в оффшорных зонах. «Газпром», «Роснано», «Ростехнологии» и многие другие российские компании также активно пользуются оффшорами, сокращая налогооблагаемую базу. Текущая тенденция по оттоку капитала из России сложилась вначале 1990-х гг. вследствие реформ по лекалам «Вашингтонского консенсуса», предполагавшего поспешную радикальную либерализацию экономики. В результате происходила аффилированная приватизация и собственниками государственного имущества становились безграмотные власть имущие предприниматели, целью которых было вовсе не развитие предприятий, максимизация прибыли или повышение конкурентоспособности, а вывоз активов за рубеж и их перерегистрация в оффшорах для меньшего налогообложения и большей защищенности прав собственности. Также активы закладывались под залог для получения кредитов и приобретения недвижимости.

Крайне проблематичным выглядит возвращение российских активов, как с экономической точки зрения, так и с политической и юридической. Главным образом необходима политическая воля высших звеньев российских властей, а также тяжелая и кропотливая работа в судебных инстанциях. Наряду с другими мерами, предлагаемыми для осуществления управляемых государственным аппаратом структурных преобразований, деоффшоризация способствует росту доходов консолидированного бюджета. Это не следует рассматривать как рост издержек посредством дополнительного налогообложения, но как сокращение сверхприбылей, сконцентрированных в частном секторе. Увеличение доходов российского бюджета позволит реализовать инновационные, инвестиционные, социальные программы развития регионов, строительство инфраструктуры. Для реализации поставленной задачи необходимо предпринять ряд мер.

а) Пересмотр итогов приватизации.

Приватизация 1990-х гг. происходила с многочисленными нарушениями законодательства. Привлечение к уголовной ответственности лиц, которые принимали участие в незаконной приватизации, нанесет серьезный удар по коррупции и окажет влияние на массовое сознание в этом направлении. Кроме

того, это является одним из эффективных средств по возвращению российских активов из-за рубежа. Сразу после пересмотра итогов приватизации и широкой экспроприации собственности, целесообразно реорганизовать ее на правовой конкурсной основе.

Смешанная экономическая модель подразумевает сочетание частной и государственной собственности, но стратегические отрасли и предприятия, которые обеспечивают национальную и экономическую безопасность, должны находиться в собственности государства. В противном случае любая страна рискует потерять не только экономический суверенитет, но и политический. В России экономический суверенитет отчасти был потерян в 1990-е гг., а в настоящее время страна испытывает колоссальное политическое давление.

б) Перевод активов российских компаний и фирм, зарегистрированных в оффшорных зонах, в российскую юрисдикцию.

Теоретически эти компании являются иностранными резидентами, однако их конечные бенефициары имеют российское гражданство, и их текущие активы были получены в результате масштабной приватизации в 1990-х гг. российской государственной собственности. Возвращение активов обеспечит колоссальный национально ориентированный инвестиционный ресурс. Данное обстоятельство позволит осуществить эмиссию национальной валюты под залог имеющихся активов предприятий. Перевод активов в российскую юрисдикцию может быть осуществлен только на рекомендательной основе, но данное обстоятельство не ограничивает возможности такого подхода.

в) «Прозрачная» банковская система.

Прозрачность банковских операций необходима для ограничения оттока капитала, причем как законного, так и незаконного. В нынешних условиях, при полной свободе действий, банки предпочитают минимизировать финансирование производственного сектора по причине повышенных рисков, связанных с ним, а также неопределенности и бесперспективности последнего. Свободные средства используются в конверсионных операциях и для купли-продажи производных финансовых инструментов. Прозрачная банковская система является гарантом

обеспечения целевого финансирования производственного сектора в рамках государственных программ развития и эффективной эмиссии национальной валюты.

г) Защита прав собственности.

Пожалуй, главным гарантом привлечения частного сектора в российскую экономику является защита прав собственности. Но, безусловно, собственники, получившие в ходе аффилированной приватизации государственное имущество, не могут быть защищены от уголовного преследования. Государство обязано защищать права лишь добропорядочных собственников. Необходимо повысить эффективность исполнительных и судебных органов власти.

Исходя из выше перечисленного, очевидно, что структурные реформы подразумевают решение комплекса задач, взаимодополняющих друг друга. В настоящее время мир стоит на пороге зарождения шестого технологического уклада, а какое место в нем будет занимать Россия, зависит от особенностей экономической политики, осуществляемой высшим руководством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы, полученные по ходу диссертационного исследования, сводятся к следующим пунктам:

1. Перманентность структурных изменений в экономике обусловлена природой рыночной экономической модели, частота структурных изменений увеличивается в периоды «инновационных всплесков» Й. Шумпетера, которые происходят на стыке «длинных волн» экономических циклов Н. Кондратьева. В свою очередь, «длинные волны» совпадают с периодами т. н. «технологических укладов», характеризующих ключевые направления и отрасли исторического этапа на основе новейших достижений научно-технического прогресса. В рамках неоклассической экономической теории нет эмпирического описания причин возникновения структурных экономических кризисов и смены технологических укладов, вследствие чего глобальный экономический кризис, разгоревшийся в 2008 г., противоречит равновесному подходу. Как отмечал С. Кузнец, пауза инновационной активности возникает, пока экономическая система не исчерпает потенциал применяемых ключевых изобретений. Долговременность нынешних экономических шоков, пессимистичность экспертных прогнозов на ближайшую перспективу опровергают данную теорию. В действительности же современная рыночная модель функционирует по мере расширения рынков, обеспечивая разделение труда и экономический рост. Разделение труда, подразумевающее внедрение инноваций, длится до тех пор, пока предпринимательские риски не превышают доходы. Банковская система частично перекладывает риски на себя путем кредитования, но ее ресурс ограничен. В результате рыночная экспансия прекращается в момент наивысшего экстремума, поскольку рынок ограничен в пространстве. После распада СССР «коммунистическая технологическая зона» вошла в «западную», которая получила ресурс для развития. В 2008 г. он был полностью исчерпан, глобальная экономика вступила в стадию застоя, несмотря на учащение научно-технического прогресса и перспективы новейшего шестого технологического уклада – нанотехнологий, геной инженерии, робототехники.

Основополагающей проблемой организации крупномасштабных структурных преобразований для оздоровления экономики на современном этапе является системное падение производственного и потребительского спроса. Неокупаемость инвестиционных проектов проявляется в имманентности инвестиций в рыночной системе, поэтому вопрос стимулирования спроса остается открытым.

2. Навязанный России в начале 1990-х гг. «Вашингтонский консенсус», подразумевавший курс на радикальную либерализацию экономики, не справился со структурными диспропорциями, усугубив их «сырьевым перекосом». Однако вследствие внешних благоприятных конъюнктурных факторов рост российской экономики был обусловлен повышением цен на энергоресурсы. Благодаря этому был обеспечен кумулятивный приток прямых иностранных инвестиций в период 2000–2008 гг. и 2010–2012 гг. При существенном снижении цен на нефть, в условиях острой зависимости российской экономики от них, не рентабельны ни внутренние, ни внешние инвестиции. Привлечение последних затрудняется также ростом государственного и корпоративного долга. Внутренний инвестиционный ресурс практически отсутствует из-за дороговизны кредитов, административной коррупции и монетарного способа борьбы с инфляцией.

3. Россия располагает как прямыми, так и косвенными инструментами регулирования экономики, но первые ограничены международными конвенциями по развитию конкуренции и интеграции в глобальную экономику. Тем не менее, использование по большей части косвенных методов стимулирования позволит обеспечить необходимый экономический рост, но краеугольным камнем этого должна стать соответствующая политическая воля. Нами разработан алгоритм государственного управления структурными преобразованиями в экономике, позволяющий рассчитывать на приемлемый долгосрочный экономический рост.

4. В ходе проведенного исследования выявлена корреляция в период 2005–2016 гг. между темпами роста ВВП в сопоставимых ценах и индексом обрабатывающей промышленности в России. Также обоснованность развития высокотехнологичного сектора и обрабатывающей промышленности, как ее неотъемлемой составляющей, доказана историческим как зарубежным, так и

отечественным опытом структурных преобразований. Ортодоксия экономики подразумевает свободное трансграничное движение капитала и продукции, либерализацию конверсионных операций на валютном рынке и специализацию развивающихся стран и стран «третьего мира» в сырьевой промышленности и сельском хозяйстве, то есть в производствах с низкой добавленной стоимостью конечного продукта. Это направлено на защиту не национальных интересов, но интересов международных корпораций и банков. Как следствие, усиливается дифференциация уровня жизни населения по коэффициенту Джини в отстающих странах.

5. Огромную угрозу социально-экономической стабильности страны представляют структурные дисбалансы на уровне российских регионов, которые в кризисный период только усиливаются. Они выражаются как в дезинтеграции регионов, так и в деградации производственной сферы. Наиболее примитивна хозяйственная структура провинциальных регионов, вследствие чего возрастает амплитуда развитости центрального региона относительно периферии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов В. С., Ананьин О. И., Афонцев С. А., Гловели Г. Д. и др. История экономических учений: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой – М.: ИНФРА–М, 2010. – 784 с.
2. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира: Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара. 2014. – 442 с.
3. Аллен Р. Экономические индексы: Пер. с англ. – М.: Статистика, 1980. – 256 с.
4. Аубакирова Г. М. Новая индустриальная политика постсоветского Казахстана // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 63–75.
5. Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М., Сяняев Г. Измерение институтов в Российских регионах: методология, источники данных, анализ // Вопросы экономики. – 2015. – №2. – С. 69–103.
6. Баранов А.О., Павлов Н.В., Тагаева Т.О. «Тревожные перспективы: прогноз развития экономики России на 2015 – 2017 гг. // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 15–35.
7. Барбашова Е. В., Мерненко Н. В. Анализ показателей структуры промышленности в федеральных округах и регионах Российской Федерации // Наука и образование. Новые технологии. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 3 «Экономика и управление». М.: ИИЦ МГУДТ. 2003. С. 38–45.
8. Беляев Л. Неоиндустриализация и вертикальная интеграция: взгляд энергетика // Экономист. – 2014. – № 9. – С. 28–34.
9. Благих И. Страна нуждается в новой индустриализации // Экономист. – 2014. – №10. – С. 10–17.
10. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. – СПб.: Экономикс, 2008. – 352 с.
11. Бляхман Л. Структурные реформы России: реальность и мифы // Проблемы современной экономики. – 2003. – № 3/4 (7/8). – С. 15–21.
12. Бузгалин А. В., Герасименко В. В., Грандберг З. А. и др.

Трансформационная экономика России: Учеб. пособие / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: – Финансы и статистика, 2006. – С. 616.

13. Глазьев С. Ю. Кудрявая экономика // Политический журнал. – 2006. – № 47/48. – С. 24–25.

14. Глазьев С. Ю. О практичности количественной теории денег или сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. – 2008. – № 7. – С. 31–45.

15. Глазьев С. Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 13–29.

16. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. – 287 с.

17. Губанов С. Неиндустриализация России и нищета её саботажной критики // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 3–32.

18. Динамика цен на фьючерсный контракт на нефть Brent (MOEX, USD за баррель). [Электронный ресурс] // Яндекс Новости, 2018. – Сайт news.yandex.ru

19. Ершов М. Кризис 2008 года: «момент истины» для глобальной экономики и новые возможности для России // Вопросы экономики. – 2008. – № 12. – С. 4–26.

20. Ершов М. О механизмах оживления экономики и поддержания равенства условий финансовой конкуренции после вступления России в ВТО. Аналитическая записка. 2014.

21. Жуковский В. С. Инвестирование из-за рубежа: попытка демифологизации источников, характера, структуры и результатов // Российский экономический журнал. – 2013. – № 5. – С. 3–25.

22. Из 131 поручения президента, контролируемых ОНФ, не выполнены 105 // Life News. – 2014. – 18 ноября.

23. Индикаторы науки: 2018: Статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 320 с.

24. Истерли У. В поисках роста: приключения и злоключения

экономистов в тропиках: Монография. / Перевод с англ. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. – 352 с.

25. Катасонов В. Ю. О проценте ссудном, посудном и безрассудном. «Денежная цивилизация» и современный кризис. – М.: Кислород, 2014. – 704 с.

26. Катасонов В. Ю. Россия: угроза финальной экспроприации. Часть 2. [Электронный ресурс] // Русская народная линия, 21.05.2013. – Сайт ruskline.ru

27. Кобяков А. В., Хазин М. Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana». – М.: Вече, 2003. – 368 с.

28. Концепция индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы. Утверждено постановлением Правительства Республики Казахстан от 31.12.2013 г. №1497

29. Кудрин А. Л., Гурвич Е. Т. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 4–36.

30. Кулешов В.В. Современные вызовы социально-экономическому развитию России // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 5–14.

31. Кульков В. О позиционировании новой индустриализации // Экономист. – 2014. – № 10. – С. 43–53.

32. Кушнарев А. А. Управление структурными преобразованиями в промышленности на основе государственно-частного партнерства: Дис. канд. экон. наук: 08.00.05 Санкт-Петербург, 2013

33. Латухина К. Владимир Путин провел Госсовет по развитию бизнеса / К. Латухина // Российская газета. – 2014. – 19 сентября.

34. Львов Д. С., Глазьев С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. – 1986. – № 5. – С. 793–804.

35. Макроэкономические индикаторы республики Казахстан: Темпы прироста ВВП 2010–2014. [Электронный ресурс] // Банк развития Казахстана, 2015. – Сайт kdb.kz

36. Малинецкий Г. Г., Маненков С. К., Митин Н. А., Шишов В. В., «Когнитивный вызов и информационные технологии», Институт прикладной

математики имени М. В. Келдыша Российской академии наук, Москва 2010.

37. Мальцева В. Оценка государственной поддержки сельского хозяйства по методологии ВТО // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 145–159.

38. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Избранные произведения. В 3-х т. – Том 1. – М.: Политиздат, 1980.

39. Мартынов А. В. Становление и регулирование структуры национальной экономики России: концептуальный и методологический аспекты: Дис. д-ра экон. наук: 08.00.05 Москва, 2000

40. Меньшиков С. М. Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу / С. М. Меньшиков, Л.А. Клименко. – 2-е изд., доп. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2014. – 269 с.

41. Милль Дж. С. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. Киев – Харьков: Южно-Русское Книгоиздательство, 1896. – 883 с.

42. Минфин послал Минздрав под нож: ведомство Силуанова предлагает урезать антикризисный план-2016 // Свободная пресса, 24.02.2016.

43. Наймушин В. Задача инновационного развития и перспектива ее решения // Экономист. – 2014. – № 10. – С. 24–35.

44. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): от 31.07.98 №146-ФЗ: (ред. от 05.04.16) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [М., 2016].

45. Национальные счета России в 1993 – 2000 годах: Статистический сборник.– М.: Росстат. 2001. – 189 с.

46. Национальные счета России в 1994 – 2001 годах: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2002. – 212 с.

47. Национальные счета России в 1997 – 2004 годах: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2005. – 205 с.

48. Национальные счета России в 1998 – 2005 годах: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2006. – 145 с.

49. Национальные счета России в 2005 – 2012 годах: Статистический

сборник. – М.: Росстат. 2013. – 361 с.

50. Национальные счета России в 2006 – 2013 годах: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2014. – 309 с.

51. Национальные счета России в 2009 – 2016 годах: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2017. – 261 с.

52. Нешиной А. Неоиндустриализация как основа возрождения промышленного потенциала // Экономист. – 2014. – № 10. – С. 3–9.

53. Обухова Е., Огородников Е. Пора возвращаться с островов. [Электронный ресурс] // Эксперт, 28.01.2013, №4. – Сайт ukrrudprom.ua

54. О стратегии индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003 – 2015 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 17.05.2003 г. №1096

55. Островная М., Подколзина Е. Снижение эффективности аукционов и борьба с ограничениями конкуренции в государственных закупках // Вопросы экономики. – 2014. – № 11. – С. 41–57.

56. Перминов С. Глобальные тренды и уязвимость российской экономики: проблемы и методы анализа // Экономическая наука современной России. – 2014. – № 2 (65). – С. 25–33.

57. Плышевский Б. Рыночные реформы и развитие экономики России // Экономист. – 2014. – № 9. – С. 3–24.

58. Подрезов А. Н. Развитие эффективных методов управления структурными преобразованиями в промышленности: Дис. канд. экон. наук: 08.00.05 Орел, 2008

59. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию: Принять вызов и победить // Российская газета, № 6550 (278), 15.12.2014.

60. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2030 года / Министерство экономического развития. – М.: А–47, 2013.

61. Прямые инвестиции Российской Федерации по институциональным секторам экономики в 1994-2016 годах. [Электронный ресурс] // Банк России.

2017. – Сайт cbr.ru

62. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6 изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА–М, 2011. – 480 с.

63. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Изд. Дом Гос. Ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – 370 с.

64. Развадовская Ю. В. Инструментарно-методическое обеспечение управления структурными преобразованиями экономики промышленного сектора: Дис. канд. экон. наук: 08.00.05 Таганрог, 2012

65. Развитие частной формы собственности носит стратегическое значение – Юй Чжэншэн. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Синьхуа», 11.06.2014. – Сайт russian.news.cn

66. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2002. – 858 с.

67. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2006. – 981 с.

68. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2007. – 991 с.

69. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2008. – 999 с.

70. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2009. – 989 с.

71. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2010. – 996 с.

72. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2011. – 990 с.

73. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2012. – 990 с.

74. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2013. – 990 с.

75. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2014. – 900 с.
76. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2015. – 1266 с.
77. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2016. – 1326 с.
78. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2017. – 1402 с.
79. Россия в цифрах. 2003: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат. 2007. – 494 с.
80. Россия в цифрах. 2003: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат. 2012. – 573 с.
81. Россия в цифрах. 2003: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат. 2017. – 511 с.
82. Россия и страны мира-1996: Статистический сборник. – М.: Госкомстат. 1996. – 470 с.
83. Россия и страны мира-2002: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2002. – 397 с.
84. Россия и страны мира-2006: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2006. – 365 с.
85. Россия и страны мира-2008: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2008. – 360 с.
86. Россия и страны мира-2012: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2012. – 379 с.
87. Россия и страны мира-2014: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2014. – 382 с.
88. Россия и страны мира-2016: Статистический сборник. – М.: Росстат. 2016. – 379 с.
89. Самуэльсон П. Э. Чистая теория общественных расходов // Вехи экономической мысли. – Том 4. – Экономика благосостояния и общественный

выбор / Под общ. ред. А. П. Заостровцева. – СПб: Экономическая школа, 2004.

90. Селезнев А. Стартовые условия и проблемы бюджетной трехлетки (2015 – 2017 гг.) // Экономист. – 2015. – № 2. – С. 2–16.

91. Сенатор Маккейн назвал Россию бензоколонкой, замаскированной под страну // Top news. – 2014. – 17 марта.

92. Серра А. Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов (1613) // Сборник "Меркантилизм". – М.: Соцэкгиз, 1935.

93. Сидорина Т. Множественность подходов к типологии государства всеобщего благосостояния // Вопросы экономики. – 2014. – № 8. – С. 122–139.

94. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1776 г. – 654 с.

95. Современные макроэкономические проблемы России: Учеб. пособие / Под ред. С. С. Носовой. М.: – КНОРУС, 2010. – 496 с.

96. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм: Пер. с англ. – М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. – 458 с.

97. Структурные реформы – стратегический фактор инновационного развития: монография / А. А. Али-Заде; Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам. - Москва: Наука, 2012. - 213, с.

98. Ся Ишань. Энергетическая стратегия Китая в новой ситуации и энергетическое сотрудничество Китая и России. [Электронный ресурс] // Инс-т Систем Энергетики им. Л. А. Мелентьева / Сибирское отделение РАН. – Иркутск, 2010. – Сайт sei.irk.ru

99. Татаркин А. Скрытый потенциал российских городов: от агломерационных объединений к программно-проектным стратегиям развития территорий // Экономическая наука современной России. – 2014. – № 2 (65). – С. 7–24.

100. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. / Перевод с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

101. Толкачев С. Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада? // Экономист. – 2014. – № 10. – С. 55–69.
102. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / Научн. ред. и вступительная статья В. С. Катъкало; пер. с англ. Ю. Е. Благова, В. С. Катъкало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.
103. Улюкаев А. В. О ходе выполнения ФЦП и реализации ФАИП за 2014 год. [Электронный ресурс] // Доклад на Расширенной коллегии МЭР РФ, 18.04.2014. – Сайт economy.gov.ru
104. Фурсова И. Большинство новых рабочих мест появляется в торговле и банковском секторе / И. Фурсова // Российская бизнес-газета. – 2013. – 31 декабря.
105. Хазин М. Л. О платежном кризисе и нормализации платежей и расчетов. [Электронный ресурс] // Доклад, 1996. – Сайт worldcrisis.ru
106. Хазин М. Л. Теория кризиса. [Электронный ресурс] // Доклад на конференции в г. Модена, Италия, 09.07.2008. – Сайт worldcrisis.ru
107. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
108. Хубиев К. Проблемы структурной перестройки экономики на новой промышленной основе // Экономист. 2015. – № 8. – С. 12–22.
109. «Экономика для человека» – новая экономическая стратегия России. Программный комитет московского экономического форума. // Мир перемен. – 2013. – № 1. – С. 9–16.
110. Экономика и организация рыночного хозяйства. Учеб. пособие / Под ред. Злобина Б. К. – М.: Экономика, 2005. – 450 с.
111. Экономическая политика: нужные грамотные расчеты и четкие ориентиры // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 36–62.
112. Эткало О. А. Социальная ориентация структуры российской экономики в период ее рыночного реформирования: Дис. Канд. Экон. наук: 08.00.01 Ярославль, 2000

113. Юсупов К. Н., Янгиоров А. В., Таймасов А. Р. Национальная экономика: Учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2009. – 284 с.
114. Ясин Е. Г., Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост // ГУ – ВШЭ. – 2003. – № 3. – С. 39–48.
115. Ashworth W. Customs and Excise. Trade, Production and Consumption in England 1640–1845. Oxford, 2003. P. 382.
116. Country comparison: GDP – Real Growth Rate / Central Intelligence Agency.
117. Gross domestic product based on purchasing-power-parity per capita 2014 – 2016 / International Monetary Fund.
118. Gross domestic product: GVA by kind of economic activity, 1970–2016 / Statistics of United nation’s conference on trade and development (UNCTAD).
119. Key ECB interest rates / European Central Bank.
120. Let States be Entrepreneurs // Newsweek. 2006.13 March. P.72.
121. North D. C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development, 1989, vol.17, no.9, p.1319–1332.
122. Piketty’s Capital: An Economist’s Inequality Ideas Are All the Rage by Megan McArdle, Bloomberg Businessweek, May 29, 2014.
123. Popov V. Mixed Fortunes an Economic History of China, Russia and the West. N. Y.: Oxford University Press, 2014. – 191 p.
124. The discount rate / Board of Governors of the Federal Reserve System.
125. The Global Competitiveness Report 2008 – 2009 / World Economic Forum – Geneva, 2008.
126. Vogel R. W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History, 1964.
127. Weingast B. (1997). The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law. American Political Science Review, Vol. 91, No. 2, pp. 245–263.